

м/1221ч

Исторія
ВОЙСКА ДОНСКОГО
—И—
СТАРОБЫТНОСТЬ НАЧАЛЪ КАЗАЧЕСТВА.

СОЧИНЕНИЕ

Полковника Василя Михайловича Пудавова.

Часть 2-я.

Издаль
Михаилъ Васильевичъ Пудавовъ.

Выпускъ I.

Г. Новочеркасскъ.

Типографія А. Н. Поповой. Арендаторъ П. В. БОЛДЫРЕВЪ.

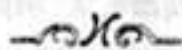
1898.

М/12412

Исторія

ВОЙСКА ДОНСКОГО

Полковник
1898

старобытность началъ казачества.

Въздана 1844

СОЧИНЕНІЕ

Полковника *Василія Михайловича Пудавова.*

Часть 2-я.

Издатель
Михаилъ Васильевичъ Пудавовъ.

выпускъ I.

1898
9(47):92

Новочеркасскъ.

Типографія А. Н. Удодовой. Арено. П. Болдырьевъ.

РЕВИЗИЯ 1847 1848

1898.

4326
БИБЛИОТЕКА
И. В. Мороз

Ростов н Д.
Библиотека
Р-Кр
194.21
им. К. Маркса.
книг хранения

стр. 101-108 неправильно сброшурованы.
смотри после 116с.

Проверено
1937-38 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Октября 1897 года.

1182/21
1937-38

1182/21

СЛѢДЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въздвигъ 1944

Въ изданной мною книгѣ въ 1890 году, въ первой части „Исторіи войска Донского и старобытности началъ казачества“, сочиненія отца моего, въ предисловіи, я высказалъ, что многія бумаги изъ сочиненной имъ исторіи безслѣдно пропали; но почитая и цѣня двадцатилѣтній трудъ незабвеннаго для меня покойнаго родителя моего Василя Михайловича Пудавова, какъ Донского историка-патріота, искренно любившаго свой край, всю жизнь свою служившаго и трудившагося для пользы и блага родины, нахожу необходимымъ издать собранныя мною двѣ главы, изъ оставшихся черновыхъ рукописей 2-й части древняго періода, съ 1613 по 1625 годъ, сочиненной имъ исторіи, такъ какъ главы эти могутъ составить интересъ для любителей старины и тѣмъ принести для пользы родины и края посильную лепту.

Полагаю, что найдутся еще любители старины казачества, которые отнесутся къ этому изданію сочувственно и не посѣтуютъ на меня за него, какъ за неполное, собранное изъ отрывковъ рукописей, изданіе.

Считаю также нужнымъ напечатать при этомъ изданіи, какъ приложеніе, записку Василя Михайловича Пудавова „Взглядъ на исторію человечества“ печатанную мною въ «Донскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ» за 1891-й годъ, въ апрѣля мѣсяцѣ. Записка эта служитъ неопровержимымъ доказательствомъ его основной мысли, вложенной имъ въ его сочиненіе „Исторія войска Донского и старобытность началъ казачества“, каковая мысль наглядно выражается въ обширномъ вступленіи къ 1-й части его сочиненія.

Полковникъ Василій Михайловичъ Пудавовъ былъ въ свое время изъ выдающихся дѣятелей на службѣ гражданского поприща для пользы своего края. Онъ, обратившій своими способностями на себя особое вниманіе начальства, былъ командированъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ комитета объ устройствѣ войска Донского и, состоя при покойномъ Сенаторѣ Генераль-Лейтенантѣ Багдановичѣ 1-мъ (бывшемъ предсѣдателѣ Донской межевой Комиссіи), во время нахождения Сенатора въ С.-Петербургѣ въ 1835 году, трудился надъ составленіемъ подъ управленіемъ его проекта *положенія о размежеваніи земель войска Донского*, Высочайше утвержденнаго 13 іюля 1835 года, — удостоенъ былъ въ началѣ 1836 года, при открытіи на Дону упомянутой комиссіи, званія правителя канцеляріи ея, въ которой и находился въ теченіи *четырнадцати лѣтъ*.

Совершаемое комиссіею дѣло имѣло большое различіе съ обыкновенными губерскими межеваніями. Оно заключало въ себѣ двѣ главныя многосложныя отрасли работъ: распредѣленіе всѣхъ Донскихъ земель и разграниченіе ихъ на вновь образуемыя владѣнія по надѣламъ, въ установленныхъ пропорціяхъ, казаковъ и дворянъ лично, по чинамъ и по числу принадлежащихъ имъ крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣленіе участковъ въ собственность войска. Здѣсь полагалось основаніе къ упроченію благосостоянія края, сопровождаемое мыслию разравнять выгоды отъ земли между всѣми обществами и лицами войска по дѣйствительнымъ нуждамъ и по мѣрѣ возможности.

По уставу комиссіи, о всякомъ предметѣ, подлежащемъ ея разсмотрѣнію, на канцеляріи лежала обязанность представлять присутствію доклады съ соображеніями. Пудавовъ какъ правитель канцеляріи, съ самаго начала былъ личнымъ дѣятелемъ въ составленіи соображеній, по всѣмъ проектамъ станичныхъ (общественныхъ владѣній), по всѣмъ проектамъ наставлений, дѣланныхъ комиссіею для развитія и правильнаго хода каждой отрасли ея работъ, какъ приготовительныхъ, такъ и испол-

нительныхъ и по всѣмъ случаямъ о надѣлахъ, возникавшимъ изъ самаго хода разграниченія. Всѣ такіе проекты получали полное одобреніе присутствія.

Добросовѣстному отношенію къ дѣлу, справедливымъ и дѣльнымъ докладамъ Пудавова присутствію комиссіи, нѣкоторые казачьи станичныя юрты, при нарезкѣ земли своимъ общимъ нечрезполоснымъ владѣніемъ, исключительно обязаны его соображеніямъ по обмежеванію юртовыхъ надѣловъ ихъ (на основ. закон.) выселеніемъ изъ казачьихъ юртовъ помѣщичьихъ крестьянъ на свободныя войсковыя земли, какъ напр. станицы: Елисовѣтовская и Гниловская, въ которыхъ и въ настоящее время еще видны остатки помѣщичьихъ владѣній въ 1-ой виноградныя сады генераль-маіора Реми, а во 2-ой въ хуторѣ Недвиговкѣ виноградныя сады Мартыновыхъ.

Василій Михайловичъ Пудавовъ, много потрудившійся въ первой половинѣ XIX столѣтія на гражданскомъ поприщѣ, былъ рьянымъ дѣятелемъ на пользу родины и своихъ соотечественниковъ. Всегда любознательный онъ занимался изученіемъ древняго міра во всѣхъ его проявленіяхъ; любимыми предметами изученія и изслѣдованія для него были церковная исторія и вообще исторія. Онъ изучилъ древніе языки (Греческій и Латинскій) и новѣйшіе Французскій и Немѣцкій, а выписывая книги, пріобрѣлъ дорогую бібліотеку.

Василій Михайловичъ, какъ любитель образованія, обладавъ недюжиннымъ умомъ, употреблялъ всѣ свои силы для этого и заботился не только о себѣ, но помогалъ матеріально изъ своего жалованья родному брату своему Михаилу окончить курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ; за что братъ его, впоследствии войсковой старшина, всегда былъ ему признателенъ и рѣдко можно было встрѣтить такъ искренно любившихъ и уважавшихъ другъ друга братьевъ. Оба брата Пудавовы, В. М., служившій правителемъ канцеляріи межевой комиссіи и М. М., служившій старшимъ адъютантомъ при войсковомъ наказномъ атаманѣ, за ихъ дѣловитость и правдивость пользовались особымъ располо-

женіемъ и были любимцами, бывшего въ то время нашего уважаемаго Войскового Наказнаго атамана, Генераль-Адъютанта Михаила Григорьевича Хомутова, который кромѣ офіціальныхъ визитовъ, не рѣдко запросто бывалъ у В. М. Пудавова въ домѣ и по долгу бесѣдовалъ съ нимъ. Атаманъ, интересуясь исторією казаковъ, иногда въ зимніе вечера приглашалъ В. М. прочитывать у него въ квартирѣ части записокъ изъ его сочиненій исторіи. Пріѣзжающіе въ то время на Донъ ученые, бывшіе въ Новочеркасскѣ, посѣщали и В. М. Пудавова, бывали у него въ домѣ, какъ то, Профессоръ г. Леонтьевъ, что можно видѣть изъ отзыва его, помѣщеннаго въ сборникъ статей по классической древности — „*пропилеи*“, издававшихся профессоромъ Леонтьевымъ (книга IV, 392 стр. Москва 1854 года). Литераторы: Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, И. Д. Понко (подъ псевдонимомъ Есаулъ) въ ст. старый Черкасскъ, напечатанной 30 октября 1861 года, въ журналѣ „Военный Сборникъ“ говоритъ о 20 лѣтнемъ историческомъ трудѣ В. М. Пудавова, кромѣ указанныхъ лицъ посѣщали его и другіе ученые, бывшіе въ Новочеркасскѣ вслѣдствіи знакомства съ литературными статьями Пудавова, такъ какъ онъ въ то время занимался литературою, писалъ и печаталъ свои статьи въ періодическихъ изданіяхъ: въ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ, Сынѣ Отечества, Сѣвѣрной Пчелѣ, С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Что В. М. занимался литературою, мною пояснено, съ указаніемъ въ некоторыхъ статей его въ предисловіи къ 1-й части исторіи войска Донского его сочиненія (*). Занимая должность прави-

---

(*) Здѣсь надобно замѣтить, что В. М., трудившійся болѣе 20 лѣтъ надъ исторією его сочиненія В. Д. и старобити. началъ казаче тва, желалъ сдѣлать выпускъ въ свѣтъ исторіи этой въ цѣломъ ея составѣ, совсѣмъ уже законченною, но внезапная и при томъ не продолжительная болѣзнь, сведшая его въ теченіи 4 мѣсяцевъ въ могилу, не дала ему возможности выполнить своего желанія. По смерти автора; сочиненная имъ исторія В. Д. была завѣщана по духовному завѣщанію моей родной матери. Мать же моя, не имѣя средствъ на изданіе этого труда, подавала просьбу 1865 году бывшему въ то время Войсковому Наказному атаману о пріобрѣтеніи исторіи за плату денегъ для войска. Вслѣдствіи чего атаманомъ поручено было С. С. Робушу и еще двумъ другимъ лицамъ сдѣлать осмотръ

теля канцеляріи межевой комиссіи, имѣя постоянно массу разнообразныхъ званій просителей онъ всегда ко всѣмъ относился съ участіемъ, а честнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ дѣлъ, В. М. Пудавовъ приобрѣлъ популарность Донского края. Служа всю жизнь и трудившись, занимая должности члена комиссіи въ 1850 и 1851 годахъ, въ 1855 году Высочайшимъ приказомъ назначенъ предсѣдателемъ Войскового Комерческаго Суда и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ комиссіи, Высочайше учрежденной, для постройки соборнаго храма въ городѣ Новочеркасскѣ и Ольгинской дамбы, въ послѣднее время былъ членомъ въ комитетѣ по постройкѣ Грушевской желѣзной дороги и, занимая должность эту, послѣ тяжелой четырех-мѣсячной болѣзни, скончался 9 февраля 1863 года. Состоянія, кромѣ деревяннаго дома въ г. Новочеркасскѣ и земельного участка по чину, не имѣлъ.

Полковникъ В. М. Пудавовъ за дѣльное и усердное исполненіе служебныхъ обязанностей многократно получалъ денежныя награды Высочайше дарованныя и за отличіе по служ-

---

этого труда, послѣ чего, по словамъ моей матери, предложено было ей за этотъ трудъ отца двѣ тысячи рублей, но она нашла такую оцѣнку слишкомъ низкой, почему и не согласилась отдать. Мать же моя, умершая въ 1867 году, оставила исторію В. Д. сестрамъ моимъ по духовному завѣщанію, засвидѣствованному въ бывшемъ Войсковомъ Гражданскомъ судѣ въ 1867 году, 13 декабря за № 9929, въ которомъ сказано: *„рукопись исторію войска Донского, сочиненную покойнымъ супругомъ моимъ Василіемъ Михайловичемъ, а также и всѣ принадлежащія къ ней книги, карты, планы и бумаги предоставляются во владѣніе дочерямъ моимъ Просковью и Маріи“*. Итакъ 20-лѣтній кропотливый трудъ на основаніи духовнаго завѣщанія перешелъ въ наслѣдство къ сестрамъ моимъ. Трудъ этотъ находился на храненіи у сестры П. В., вышедшей замужъ за войскового старшину О. О. Пухлякова. Пухляковъ служилъ секретаремъ въ Областномъ Правленіи. Въ домѣ Пухлякова, къ прискорбію моему, почти весь 20-лѣтній трудъ отца пропалъ, здѣсь погибли всѣ книги, карты, планы и много главъ исторіи, а шестая глава о покореніи сибиря въ цѣломъ ея составѣ. Такъ что когда мнѣ пришлось послѣ смерти сестры, а за тѣмъ смерти племянницы въ 1877 году быть въ числѣ наслѣдниковъ, такъ какъ сестра Марія была еще жива, которая была наслѣдницей по духовному завѣщанію матери, то я требовалъ отъ Пухлякова объясненія, куда дѣвался трудъ отца. Пухляковъ неоднократно давалъ обѣщанія разыскать и доставить недостающія главы исторіи карты, планы и книги ко мнѣ. Но все это оканчивалось только одними обѣщаніями, а затѣмъ за скоропостижною смертію его въ

Онъ имѣлъ два ордена 2-й степени Свят. Анны (**), и Свят. Станислава (***) Императорскими коронами украшенныхъ и пряжку за тридцать лѣтъ на Георгіевской лентѣ *знакъ отличія тридцатилѣтней безпорочной службы* (****).

Долгомъ считаю также пояснить здѣсь, что данная мною рукопись въ даръ Донскому Музею и напечатанная въ Областной типографіи въ 1891 году „*статистическое описаніе земли войска Донского*“ есть „*сборный трудъ*“, въ составленіи котораго участвовалъ и мой отецъ В. М. Пудавовъ и за труды при составленіи оного, подъ распоряженіемъ Генераль-Маіора Богдановича 1-го (впослѣдствіи сенатора), въ октябрѣ 1834 года, онъ получилъ Высочайшую Всемиловитѣйше пожалованную награду *бриллиантовый перстень*, (*****) а 2-го числа іюня 1836 года, за труды при составленіи историческаго и статистическаго описанія о калмыкахъ, обитающихъ на Дону, получилъ въ единовременное награжденіе сто семьдесятъ рублей ассигнаціями денегъ Всемиловитѣйше пожалованныхъ (*****), почему мною и употреблено было выраженіе въ 1-й части моего предисловія *«исторіи в. Д. и старобытности началъ казаче-*

1880 году онъ не исполнилъ обѣщанія. Очевидно, что ему было извѣстно гдѣ находятся бумаги, а что получены отъ него только одни обломки, это видно изъ имѣющейся у меня описи мирового судьи 2-го участка отъ 17 ноябр. 1877 года, гдѣ подъ № 7 говорится: „*сундукъ сосновый обитый желѣзомъ старый съ разными писанными бумагами въ безпорядкѣ, ни о планахъ ни о картахъ ни о книгахъ здѣсь не упоминается, словомъ о томъ что значилось по духовному завѣщанію матери. Желая розыскать пропавшіе части труда послѣ смерти Пухлякова и обратился къ двумъ наследникамъ его, сдѣланнымъ въ то время писцами при Областномъ правленіи и нотаріальнымъ заявленіемъ затребовалъ отъ нихъ недостающаго; наследники Пухлякова отказались незнаемъ. Итакъ всё мое розыски были тщетны.*“

(**) Грамот. Императора Николая 1-го капитула Россійск. и Царскихъ орденовъ, дана въ С.-Петербургѣ въ 6 день декабря 1852 года.

(***) Грамот. Императора Александра II-го капитула Россійскихъ и царскихъ орденовъ, дана въ С.-Петербургѣ въ 9-я день 1857 года.

(****) Грамот. Императора Александра II-го капитула Россійск. и Царскихъ орденовъ, дана въ С.-Петербургѣ въ 10 день сентября 1860 года.

(*****) Предписаніе увѣдомленіе Есаулу Пудавову о наградѣ № 69-й 12 октября 1834 года генеральнаго штаба генераль-маіора Богдановича 1-го.

(*****) Предписаніе Есаулу Пудавову съ увѣдомленіемъ о наградѣ № 15 2-го іюня 1836 года сенатора, генераль-лейтенанта Богдановича 1-го.

ства» сочин. отца моего В. М. Пудавова, изданной мною въ 1890 году, что онъ написалъ статистическое описаніе. Это самое статистическое описаніе и есть „*сборный трудъ*“, что подтверждается указанными наградами, а также и самымъ предисловіемъ къ данному въ даръ мною статистическому описанію, составленному г-мъ редакторомъ Областныхъ Вѣдомостей И. Т. Семеновымъ; онъ говоритъ: „что оно и до сихъ поръ не было напечатано и не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что предлагаемое статистическое описаніе первоначально было составлено Сухоруковымъ и лишь позднѣйшія дополненія принадлежали его бывшимъ сотрудникамъ,“ слѣдовательно и составитель предисловія г. Семеновъ пришелъ къ тому справедливому заключенію, что данное мною *въ даръ Музею войска Донскаго* статистическое описаніе есть „*сборный трудъ*“. О напечатаніи въ 1891 году этого труда, жительствуя постоянно въ г. Новочеркасскѣ, я имѣлъ удовольствіе узнать только въ октябрѣ мѣсяцѣ 1897 года (*****).

М. В. Пудавовъ.

(*****). Слѣдуетъ замѣтить, составитель предисловія къ ист. ои. И. Т. Семеновъ высказалъ въ немъ что «этотъ „Сборный трудъ“ до 1891 года не былъ напечатанъ, и если онъ на столько заслужилъ вниманія, что въ настоящее время напечатанъ, то для меня лично, по чувству патриотизма печатаніе этого труда, въ составленіи котораго участвовалъ и мой отецъ, очень пріятно, за что и приношу благодарность. Но все же и тотъ, кто сохранилъ и принесъ въ даръ этотъ „сборный трудъ“ заслуживалъ бы, по напечатаніи въ 1891 г. тогда же присылки ему хотя одного печатнаго экземпляра, чего не было сдѣла-

ЗАПІСКА

полковника Васи́лія Миха́йловича Пуда́вова, умершаго
въ 1863 г., оставшаяся неизданною за смертію его.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Испытайте писаній, ꙗкѡ вы минете въ
нихъ имѣти животоу вѣчный: ѿ тѣ сѣтъ
свидѣтельствующаго о мнѣ (Іоан. V, 39).

Исторія должна быть изображеніемъ постепеннаго созрѣванія жизни и разума народовъ и объясненіемъ хода вѣчной церкви Сына Человѣческаго. Былъ великій день начала жизни земнаго міра будетъ и великій день конца ея (2 Петр. III, 10); человекъ — царь этого міра, совершая бытіе свое и воздѣлываніе «древа познанія добра и зла», безчисленнымъ раздробленіемъ самого себя на человѣчество, постепенно старѣеть въ земномъ (матеріальномъ) возрастѣ своемъ и приближается къ общему предѣлу всего живущаго творенія — къ смерти; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просвѣтляется и сиветь въ возрастѣ духовномъ, *доидеже достигнемъ вси въ соединеніе съ нѣю и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна въ мѣру полнаго возраста Христова* (Ефес. 4, 13). Смотри на него съ начала міра во всемъ необъятномъ развѣтвленіи по племенамъ и народамъ — въ полудикихъ общинахъ и въ стройныхъ государствахъ, мы замѣчаемъ одно общее явленіе: духъ его, поработенный еще въ первомъ прародителѣ земнымъ мертвѣющимъ началомъ, непрестанно силится возстановить небесное властительство свое надъ этимъ началомъ; но безъ чистаго понятія объ откровеніи, или о вѣчной церкви Сына Человѣческаго, и безъ

сердечной вѣры въ нее, всѣ стремленія борющагося духа къ совершенству были и остаются суетными и горестными; безъ этихъ началъ онъ губительно младенчеству, *влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи чловѣчестій, въ коварствѣ козней лщенія* (Ефэс., IV, 14). Непреложный глаголъ Божій, сказанный прародителю еще при самомъ его паденіи: *проклята земля въ опльхъ твоихъ, въ печальхъ сниси тую вся дни живота твоего* (Быт. III, 17). Языческое мудрованіе, не сознавая бѣзсилія своего, кичливо искало могущества только въ самомъ себѣ для постиженія тайнъ бытія міра и чловѣчества. Послѣдующее чловѣчество, при всѣхъ мечтахъ своихъ о борьбѣ духа съ плотію, во всемъ міровомъ ходѣ дѣлъ, состоящемъ изъ безчисленныхъ и непонятныхъ ему событій, находило средства къ „совершенствованію“ и слагало свое бытописаніе, или исторію—о томъ, какъ люди разрастались въ народы и государства, какъ они жили, вѣли, пили, одѣвались, строили города, изобрѣтали вѣрованія, законы, искусства, торговлю, науки, увлекали другъ друга своими выдумками, какъ, взявъ, поглощали одна другаго и какъ въ свою череду поглотители дѣлались жертвою грядущихъ поколѣній, и при этомъ оно не могло не замѣтать, что въ древнемъ мірѣ „природа“ господствовала надъ разумомъ, а въ новомъ (христіанскомъ) «разумъ» надъ природою.—Такъ говоритъ наука; такъ до-нынѣ внушаютъ намъ смотрѣть на дѣло и въ такомъ смыслѣ построятъ исторію. Но опускаютъ при этомъ изъ вниманія дивный и непреложный ходъ вѣчной церкви Сына Чловѣческаго. Не въ этихъ мудрованіяхъ духа чловѣческаго, а въ священныхъ сказаніяхъ библейскихъ должно искать ключа разумнѣя міровыхъ событій въ чловѣчествѣ. *Испытайте писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный, и та суть свидѣтельствующая о мнѣ.—И не хотите прийти ко мнѣ, да животъ имате* (Іоан. V, 39, 40). *Аще бо бысте вѣровали Моисеови, вѣровали убо и мнѣ: о мнѣ бо той писа* (—46). *Подобаетъ скончатися всѣмъ напи-*

саннимъ въ законъ Моисею и пророкамъ и псалмамъ о мнѣ (Лук. XXIV, 44), — сказалъ Самъ Иисусъ Христосъ. Такъ Самъ Богъ являетъ себя въ исторіи. А о Богѣ пророкъ Моисей говоритъ, что *истина дѣла его, и всѣ пути его — судъ* (Второз. XXXII, 4).

Посмотримъ далѣе. Послѣ гибели міра потопомъ, въ первомъ семействѣ человѣческомъ, тремя сынами его — Изфетомъ, Хамомъ и Симомъ, проявлены *три великія начала* міровой исторіи, составляющія узелъ всѣхъ безчисленныхъ событій въ ходѣ ея (*). Начала эти, по прорѣченію самого отца ихъ Ноя, что означаетъ *упокоителя* человѣчества, или *прозрителя* суть: первое — Изфеть — родоначаліе (духъ, гевій) „*распространенія*“, (предпринимчивости), второе — Хамъ — родоначаліе (духъ, гевій) *рабства* (служенія, стяжанія), третье — Симъ — родоначаліе (духъ, гевій) *пристанища* (слова вѣры, молитвы). Такое назначеніе родоначальниковъ, по сказанію Моисея, для исторіи проявлено въ извѣстномъ повѣтствованіи о поступкѣ одного изъ нихъ надъ обнаженнымъ отъ дѣйствія вина отцомъ: потомство насмѣшника (духа киченія) обречено за это отцомъ въ служеніе потомству двухъ прочихъ братьевъ его, чтителей воли отеческой. Глубоко и таинственно это сказаніе священнаго бытописателя: оно объемлетъ весь разумъ жизни человѣка ветхаго до обновленія его ученіемъ Иисуса Христа; въ немъ представляется прообразъ союза и вражды между духомъ и матерію, посредствомъ которыхъ двигался міръ внѣ откровенія.

Обращаясь къ духовному существу человѣчества, въ приведенныхъ трехъ началахъ мы видимъ соотвѣтствіе тремъ главнымъ способамъ его постиженія: въ первомъ — чувствованію, во второмъ — мышленію, въ третьемъ — вѣрованію. Наблюденія разума опредѣляютъ, что отъ чувствованія проявляется безотчетное влеченіе, отъ мышленія — воля, отъ вѣрованія — покорность предъ высшею волею; что каждое изъ постиженій дѣйствуетъ особымъ образомъ:

(*) Тройственность этихъ началъ, можно сказать, есть повтореніе такой же тройности въ допотопномъ мірѣ: Каинъ, Авель и Сифъ.

чувствованіе горячить, мышленіе раждаетъ кичливость, усиливаетъ значеніе нашего я; вѣрованіе смиряетъ и, ослабляя эгоизмъ, поселяетъ миръ въ душѣ. Всѣ эти три постиженія обращаютъ человѣка (потому что всѣ присущи каждому человѣку), какъ и цѣлыя народы, преимущественно въ три разныя стороны: чувствованіе къ своей плоти, мышленіе къ своему Я и къ окружающему его творенію, вѣрованіе къ Высочайшему Существому. Поэтому какъ въ человѣкѣ, такъ и въ народахъ, замѣчается три области или круга, въ одномъ изъ которыхъ онъ можетъ дѣйствовать по преимуществу: чувственный кругъ, въ которомъ господствуетъ чувствованіе, мыслительный, гдѣ сильнѣе мышленіе, и духовный, въ которомъ преобладаетъ вѣрованіе. Отсюда проясняется намъ, что въ трехъ вышесказанныхъ началахъ колѣнь человѣчества, отцемъ прозрителемъ кичливое мышленіе — повергнуто въ рабство или служеніе чувствованію и вѣрованію, съ предукзаніемъ при томъ, что чувствованіе *вселится* (Быт. IX, 27), т. е. найдетъ успокоеніе подъ *сплнью* вѣрованія: или иначе: эти начала показываютъ, что человѣкъ на землѣ — *странникъ*, пути ума его — *заблужденіе*, приставище — *впра*, которая одна только, опираясь на откровеніе Божіе, можетъ довести его до отечества — неба.

Три объясненныя начала обновленнаго міра должны были совершать развитіе свое въ человечествѣ чрезъ двѣ великія тайны бытія — тайну рожденія (брака) и тайну смерти (погребенія) и такъ вести родъ свой въ вѣчность, подъ покровомъ третьей великой тайны — обѣтованія Божія объ искупленіи, составляющаго основаніе *вѣчной церкви Сына Человѣческаго*. И въ этой тройственности тайнъ мы видимъ также соответствіе тремъ способамъ постиженія человѣческаго: чувствованію, мышленію и вѣрованію. Священный бытописатель дѣйствіе обѣтованія въ ветхомъ человечествѣ представилъ подъ образомъ вражды между *сьменемъ* жены и *сьменемъ* искусителя (змія), сказавъ, что *сьмя жены будетъ поражать искусителя въ голову, а искуситель будетъ жалить его въ пятю* (Быт.

III, 15). Разумъ этой борьбѣ лежитъ въ вѣчности, за предѣлами постиженія. Мы видимъ только, что какъ искустель пагубное слово свое провелъ чрезъ сердце женщины, такъ и Богъ положилъ возстановленіе падшаго человѣка провести тѣмъ же путемъ. — Въ этомъ разительнo проявляется всеобъемлемость величія и премудрости Божіей, непостижимая для эгоистическаго разумѣнія человѣка, но присущая вѣчному разуму любви и ясно выраженная словомъ апостола: *сила моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Сердце женщины, какъ помощницы мужа, обречено быть ковчегомъ непостижимаго таинства: чрезъ него должно было пройти, прошло и воплотилось Слово неба для поправа слова земли. Это таинство величественно воспѣто въ Назаретъ Галилейскомъ Дѣвою—Богородительницею: *Величитъ душа моя Господа... яко призръ на смиреніе рабы своя: се бо отнынь ублажатъ мя вси роди: яко сотвори мнѣ величеніе Сильный, и свято имя Его... Сотвори державу мышцею своею: расточи грѣхъ мыслию сердца ихъ. Низложи сильныя со престолъ, и вознесе смиренныя* (Лук. I, 47—53).

Каждое изъ вышепоказанныхъ началъ повело работу духа въ воздѣланіи древа познанія добра и зла по тѣмъ направленіямъ, какъ предуказала прозоритель. Работа ихъ, подъ вліяніемъ указанныхъ трехъ великихъ тайнъ—брака, смерти и обѣтованія, — пошла вмѣстѣ съ возрастаніемъ человѣчества до высшей безиредѣльной степени развитія. Но какъ человѣкъ въ падшей природѣ своей вѣру въ обѣтованіе или въ любовь Божію замѣнилъ вѣрою въ свой разумъ или въ свое я; то безъ благодати, или искупленія, онъ и не въ состояніи былъ данную ему Творцомъ волю поставить владычицею надъ обольстительнымъ дѣйствіемъ на него земнаго, мертвящаго начала; и потому съ первыхъ временъ общежитія своего свойство Каина—*князя міра*—ложь и зло призналъ господствующимъ достоинствомъ и общее стремленіе духа направилъ на разореніе вѣчной церкви Сына Человѣческаго—истины и любви, проявленной уже на землѣ Авилемъ.—

И вотъ война сдѣлалась болѣзнию общежитія. Отсюда, по непре-
ложному закону изысканія крови, прорѣченному Творцемъ (Быт.
IX, 5—6) и повторенному Спасителемъ: *все пріемшии пожъ,
пожемъ поибнутъ* (Матѳ. XXVI, 52), человекъ для чело-
вѣка и народъ для народа стали орудіемъ казни и потянулась
неизмѣримая занутанная цѣнь возмездій, имѣющая прерваться,
быть можетъ, только тогда, когда *будетъ едино стадо и единый
пастырь*, или съ концомъ самаго міра.

Прослѣдимъ теперь главные событія. „Первая эпоха“ отъ
погова до патриарха Авраама. Послѣ „смѣшенія языковъ“ Бо-
гомъ при столпотвореніи въ странѣ Сеннаарской (Быт. XI, 7—8,
истрашенія или изверженія) рушилось міровое единство слова че-
ловѣческаго. Отсюда разошлись племена по всему лицу земли и
основались особые народы. Климатическія и другія мѣстныя влія-
нія природы дали имъ, съ теченіемъ вѣковъ, тѣ различія, подъ
какими они стали извѣстны въ разныхъ частяхъ свѣта: племя
кавказское (бѣлое), Монгольское (желтое), эіонское (черное),
американское (мѣднаго цвѣта) и проч. Это великое потрясеніе
навлечено кичливою идеею потомка колѣна мыслителява, идеею
о столбѣ до небесъ (Быт. XI, 4), порожденною бездною того
я, которое, чрезъ лукавую рѣчь искусителя еще въ раю — *и будете
яко божи* (Быт. III, 5), — сдѣлалось учителемъ сердца чело-
вѣческаго до окончанія вѣковъ. — Моусей, означивъ всѣхъ родона-
чальниковъ, или патриарховъ, имена которыхъ стали именами
племенъ, земель и народовъ, прямо говорить, что внукъ Хама
(сына кичливаго) — Невродъ первый началъ быть *исполнитѣлемъ*
(учредитель господства на землѣ), первый *ловецъ* (хитрецъ или
лукавецъ) *предъ Богомъ* (Быт. X, 8—9); и что начало царства
его Вавилонъ (смѣшеніе) (Быт. XI, 8—9) въ странѣ Сеннаар-
ской. Упомянувъ, кромѣ Вавилона, еще о немногихъ городахъ,
построенныхъ нѣкоторыми родоначальниками, Моусей не указы-
ваетъ уже подробно ни географическаго размѣщенія, ни метро-
польныхъ пунктовъ всѣхъ племенъ, разсѣянныхъ изъ Сеннаара.
Нельзя не замѣтить здѣсь, что имена патриарховъ, упоминаемыхъ

въ библейскихъ сказаніяхъ, вѣроятно, заключаютъ не простой звукъ, но смыслъ, изображающій историческое значеніе и судьбу предводимыхъ ими племенъ. Вѣрное разгаданіе этого смысла могло бы освѣтить темную картину колыбели человѣчества и во многомъ объяснить событія міра;—но до нынѣ наука не сдѣлала такой услуги, хотя и указала съ большею или меньшею вѣроятностію слѣды разселенія многихъ библейскихъ племенъ по именамъ позднѣйшихъ народовъ и городовъ. — Вообще изслѣдователи выводятъ, что *Иафетизмъ* занялъ сѣверъ и западъ Азіи и Европу; *Хамизмъ* — Сирію, большую часть Аравіи и Африку; *Симизмъ* — востокъ и югъ Азіи. Не будемъ здѣсь говорить ни чего противъ этого. Но не упустимъ изъ вниманія двухъ священныхъ сказаній; а) сказанія Моусеева, что при раздѣленіи Вышнимъ *языковъ*, когда разсѣяны сыны Адамовы, предѣлы ихъ поставлены по числу ангеловъ Божіихъ, и что *часть Господня—людіе Ею Іаковъ: уже наслѣдія Ею Израиль* (Второзак. XXXII, 8—9); и б) другаго сказанія кн. Дѣяній апостольскихъ: *сотворилъ есть (Богъ) отъ единыя крове весь языкъ человѣчь, жити по всему лицу земному, уставивъ предучиненныя времена и предѣлы селенія ихъ* (Дѣян. Апостол. XVII, 26). Изъ этого мы заключаемъ, что все необъятное возрастаніе и распространеніе племенъ человѣческихъ послѣ потопа, отъ трехъ объясненныхъ нами началъ, распредѣляется Творцомъ для постепеннаго преусиленія въ жизни чувства, разума и вѣры (сердца) на особые отдѣлы, образующіеся бытіемъ народовъ и царствъ; что въ отдѣлахъ этихъ проявлены особыя духовныя начала (геніи), дѣйствующія въ пространствѣ урочнаго времени и знаменующія силою своею историческія эпохи; что воля народовъ и царствъ, въ исконной борьбѣ своей съ обольстительною силою мертвящаго земнаго начала, напутствуется, хотя и бессознательно, таковыми геніями и ведется постепенно безконечнымъ путемъ изобрѣтеній ума и сердца къ одной предуставленной цѣли—къ познанію истины и любви, или вѣры въ Бога живаго. Такой ходъ человѣчнаго міра весьма разительнo показанъ въ слѣдующихъ словахъ

царя мудреца: *нетленный — бо духъ Твой (Боже) есть во всѣхъ. Тьмѣ же заблуждающимъ по малу обличаеши, и въ нихъ же согрѣшаютъ, воспоминая учини, да премънившися отъ злобы, впруютъ въ Тя, Господи* (Премудр. Соломона XII, 1—2). Моисей не объяснилъ ни числа, ни свойствъ ангеловъ, установленныхъ знаменоватъ собою въ духовной области челоѳчества времѣта и предѣлы владычества *языковъ*; но по смыслу другихъ библейскихъ сказаній, мы можемъ предполагать, что въ ветхомъ мѣрѣ, въ теченіе подготовленія его къ воспріятію духовнаго обновленія, народы знаменовались именами семи слѣдующихъ геніевъ: геніемъ *побѣдительства*, геніемъ *вѣсничества*, геніемъ *цѣлительства*, геніемъ *просвѣтительства*, геніемъ *молительства*, геніемъ *славительства* и геніемъ *благословительства*. Всѣ эти геніи суть проявители величія нанутствованныхъ ими народовъ. Но что же знаменуетъ собою *часть — Господня?* — Глубоко и дивно сказаніе Моисея! — Имя родоначальника *людей Божіихъ — Іаковъ* заключаетъ — *идущую, держащуюся подъ пятою, униженнаго за пяту*; и потомъ оно, преобразованное въ имя — *Израиль*, принимаетъ значеніе какъ-бы возставленнаго изъ подъ пяты, *учредителя свѣтлыхъ* (главныхъ) *дверей* (путей) *въ небо*. Таково и было начало *людей Божіихъ — потомковъ Іаковлевыхъ* — блеска и славы въ ветхомъ мѣрѣ среди всѣхъ современныхъ имъ земныхъ *языковъ*; таково было начало ихъ и при обновленіи міра Спасителемъ. Эта глубина сказанія древняго бытописателя проясняется слѣдующими словами апостола: *но буля міра избра Богъ, да посрамитъ крпкая: и худородная міра и униженная избра Богъ, и не суцая, да суцая упразднитъ* (1 Кор. I, 27—29). Вотъ дѣйствіе всеобъемлющаго величія и премудрости Божіей при проявленіи имъ въ плотскихъ путяхъ вѣчной церкви Сына Человѣческаго.

Но обратимся къ событіямъ. Образъ жизни народовъ до— Авраамовской эпохи, какъ отчее наслѣдіе, перешедшее изъ до—потопнаго міра, былъ двойкій: въ духѣ Каина (стяжаніе) — гра—

дозидательный и въ духъ Авеля (безкорыстія) пастушескій. Основными идеями перваго служатъ—гордость и стяжаніе, втораго—смирненіе и простота. Это главное дѣленіе образа жизни человѣчества исконно и продлится, пока стоитъ міръ. Отсюда проистикаетъ борьба народовъ; отсюда же берутся и способы для поправленія болѣзненнаго тѣла всемірной семьи отъ расслабленія: народы и царства градоизидательныя, одряхлѣвши отъ роскоши и разврата, были разрушаемы народами пастушескими, которые, какъ массы распространенія (Іафетическіе), свѣжіе чувствомъ или силами воспримчивости, воссоздавали, чрезъ смѣшеніе свое съ побѣжденными, новые, освѣженные народы и царства, съ улучшенными понятіями объ истинѣ и любви. Отсюда и смыслъ существованія ордъ, движущихся по степямъ и горамъ средній Азии, вдали городовъ Европы и Азии западной; понятно и то, что кромѣ духовнаго всегда готово и матеріальное возмездіе Авеля брату Каину.

Представимъ же главные пункты міра духа Каинова, или градоизидательнаго, въ которыхъ сильнѣе выказалось мышленіе человѣчества въ рассматриваемую нами эпоху, такъ какъ градоизидательные народы поставлены историческою наукою первинствующими предъ народами духа Авеля, или пастушескими. Поле этой жизни занимало великую центральную часть стараго свѣта, съ разнообразною, богатою и великолѣпною природою, большею частію съ горячимъ климатомъ, подъ свѣтлымъ и вѣчно чистымъ небомъ, на которомъ звѣзды привлекательно сіяютъ, какъ нигдѣ: его предѣлы касались рѣкъ Аму-Дарьи (Эксуса, или Гигона) и Нила и береговъ морей: Каспійскаго, Чернаго, Средиземнаго, Персидскаго залива и Индійскаго Океана. Вотъ колыбель, назначенная Богомъ Отцемъ младенчеству разума человѣческаго.

Вавилонъ, Ниневія, Бакстра, Мерозъ, Фивы, Мемфисъ, Сидонъ, Іевусъ и Аргосъ представляются главными проявителями силы мышленія (стяжанія) на описанномъ нами пространствѣ. Попытаемся сказать, что каждымъ изъ этихъ пунктовъ воспроизведено важнѣйшаго для человѣчества, въ горькомъ воздѣлываніи древа познанія добра и зла.

Вавилонъ, — первое чадо духа *градозиждительства* въ обновленномъ мірѣ и начатокъ служенія человечеству кичливаго мыслителя (стяжателя), — окруженъ былъ колѣнами: Еламовымъ, Ассуровымъ и Арфаксадовымъ. Отъ этого сосѣдства племенъ вѣрованія съ племенемъ мышленія, родились тѣ религіозныя и градозиждительныя движенія, которыя въ до-Авраамовскую эпоху, послѣ уже общаго разсѣянія, постепенно раскидывались съ по-рѣчьевъ Евфрата и Тигра и съ Персидскаго залива (Эриерейскаго моря) по всему лицу земли. Водителями этихъ колонизацій былъ, конечно, духъ вѣрованія, какъ владычный предъ духомъ стяжанія. Но что воспроизведено царствомъ Вавилонскимъ? — И при недоконченномъ *столбѣ* по смѣшеніи языковъ, Вавилонъ не покинулъ *мятежа* своего. Чтобы *сотворить себѣ имя*, т. е. снискать славу и въ разсѣянныхъ народахъ, сталъ онъ довершать гигантское предпріятіе свое, но не *плечами* (кириччани), а вынѣмъ лукавымъ способомъ — *духовнымъ униженіемъ великой тайны брака*. Вотъ начало исполненія того рабства, на которое обречено потомство кичливаго сына мыслителя за насмѣшку надъ обнаженнымъ отъ вина отцемъ. Начавъ ругаться надъ первою тайною бытія, униженіемъ священнаго достоинства своей жены — помощницы, потомство это не постигало, что вмѣстѣ съ тѣмъ оно полагаетъ начало къ паденію своего могучаго, кичливаго *Я* во власть сердца — главнаго органа вѣрованія. Вавилонъ проявилъ собою пагубное царство плотоугодія во всѣхъ обаятельныхъ его видахъ. Вмѣсто *Бога небесе* избралъ богомъ сладострастіе и поставилъ алтарь его богатымъ *ложемъ* на недоконченномъ столбѣ своемъ (Герод. кн. 1, ст. 181 и 182). Въ поклоненіе этому божеству предавъ на потребленіе пришельцамъ изъ цѣлаго міра супружеское цѣломудріе матери и жены — вавилонянки, сдѣлавъ это религіознымъ догматомъ (Перемин послан., ст. 42 и 43; Герод. кн. 1, ст. 199). Такое установленіе плотоугодилаваго мудрованія, достойное лукавца предъ *Господомъ*, которое даже и язычникъ Геродотъ считалъ постыднѣйшимъ, было реальнымъ на-

чаломъ церкви лукавиющихъ (Псаломъ XXV, ст. 5), или велиаровой, враждебной — церкви Сына человеческого, съ того момента, когда — Искуситель завязалъ узелъ великой земной драмы еще въ раю. Дивно: эгоизмъ человѣческой нападаетъ прежде всего на тайну своего вразумленія, т. е. на обѣтованное Богомъ покореніе *искусителя стѣменемъ жеки*, въ которомъ заключалось духовное возвеличеніе послѣдней; нападаетъ со всею яростію своихъ силъ, призывая зиждителей лукавой церкви со всѣхъ-концовъ міра, чтобы уснѣннѣе сотворить ей имя въ языкахъ. Вотъ смыслъ имени Вавилона, выражающаго — *смѣшеніе*. Для обожанія толпы, эта нечистая идея проявлена была двумя именами: богомъ *Беломъ* (господиномъ плодотворенія) и *Астартою* (дѣлательницею родовъ, или дверью родовъ). Въ теченіе вѣковъ идея эта олицетворена изображеніями въ человѣческомъ видѣ. Идолослуженіе воспріяло начало свое и вошло въ міръ *тщеславіемъ человѣческимъ*, говоритъ царь-мудрецъ (Премудр. Соломон. 14, 12—21).

Такія чувственные религіозныя начала весьма скоро могли развернуть у вавилонцевъ, въ самомъ младѣнствѣ ихъ градо-зиждительства, наклонность ко всему, что красиво и обольстительно для глазъ, гармонично для уха, сладко для вкуса; а эта наклонность, тоже скоро, могла положить у нихъ начало искусствамъ, мѣнѣ или торговлѣ и матери изыщной суеты — модѣ. Короче, въ Вавилонѣ родина матеріализма, который прежде всѣхъ другихъ ученій, какъ плотоугодливый, двинулъ въ ходъ разумъ человѣческой въ духѣ борьбы съ вѣчною церковію.

Поклоненіе Бахусу (отцу глагола союзозъ) съ его процесіями Фаллуса и Лингана могло появиться только въ Вавилонѣ. Вино, возбудитель въ душѣ сладкихъ ощущеній, а въ умѣ обаятельныхъ фантазій, должно было сдѣлаться представителемъ божественности въ одно время съ сладострастіемъ въ формѣ плотоугодливой религіи вавилонцевъ; поэтому, конечно, съ представленіемъ Бахуса неразлучны и представленія фаллусовъ. При томъ поклоненіе Бахусу у вавилонцевъ могло выразить еще или

знакъ патриархальнаго почтенія къ Невродову отцу Хусу (глаголу союзовъ, вину) или горькую оргію потомковъ надъ оскорбленіемъ праотца Хама, чему поводомъ было вино.

Отъ эгоистическаго духа религіи вавилонцевъ и земная сила ихъ владыкъ основывалась на эгоизмѣ: — деспотизмъ былъ первою формою правленія людей въ первомъ городѣ міра. Отъ исполнскаго же помысла этихъ людей храмы ихъ боговъ и палаты владыкъ получили исполнскіе размѣры и характеръ, изумляющіе позднѣйшее человѣчество даже немногими остатками въ своихъ пятитысячелѣтнихъ могилахъ. Находясь между Индомъ, Средиземнымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, и имѣя въ Тигрѣ и Евфратѣ два живыхъ пути къ берегамъ моря Чернаго и Каспійскаго, Вавилонъ весьма успѣшно могъ привлекать силою плотоугодливой религіи своей несмѣтные караваны съ драгоценностями востока, сѣвера и запада къ своему гигантскому столбу и повергать ихъ предъ Беломъ и Астартою а самъ сталъ главою художественнаго и умственнаго развитія для всего тогдашняго міра — младенца и, вмѣстѣ съ вывозомъ произведеній плодоноснѣйшаго Сennaара, колонизировать свой духъ градоизидительства и оратайства между бродячими языками. Пророкъ Іеремія разительнаго подтверждаетъ нашъ взглядъ, представляя глубокое таинственное апокалипсическое значеніе Вавилона въ исторіи развитія матеріальной и духовной жизни человѣчества. *Вавилонъ млатъ всея земли (Іерем. I, 23), чаша златая въ руцѣ Господни, напаяющи всю землю, отъ вина его пиша вси языци (Іерем. II, 7), гора смертоносная растльвающая всю землю (Іерем. LI, 25).*

И такъ, Вавилонъ — алфа царства разума человѣческаго желудъ, изъ котораго выросло, лѣлѣвавшееся духомъ князя-міра, необозримое, великолѣнное древо градоизидительнаго бытія народовъ, покрывшее своими вѣтвями весь земной шаръ. Вотъ начало служенія мыслителя (стяжателя) двумъ братьямъ своимъ — чувствованію и вѣрованію.

Не безъ глубокаго смысла Моусей въ слѣдъ за сказаніемъ

о царствѣ Невродовомъ, говорилъ, что Ассуръ вышелъ изъ Сennaара и *создалъ* Ниневію (Быт. X, 11); обратите вниманіе на значеніе словъ Ассуръ (Ашуръ) и Ниневія (Нинеби, Нин-ве). Въ первомъ читаемъ мы *длитель*, или *раздватель огня* (просвященія); во второмъ *обитель пророчія*; не просто и пророкъ Наумъ называетъ Ниневію *начальницею волхованій* (Наум. III, 1—8); и между прочимъ говоритъ: *изъ тебя — изыдетъ помыслъ на Господа злый, совѣщающій сопротивная* (Наум. I, 11). Такъ, слѣдуя смыслу священныхъ сказаній, мы видимъ, что послѣ Вавилона Ниневія составляла второй великій пріютъ враждебныхъ началъ противъ вѣчной церкви Сына Человѣческаго. Какая была причина выхода Ассурцевъ изъ Сennaара, нельзя уразумѣть; но повѣстно, что племя это еверитское (жертвенно-дѣйствующее, переходящее) вмѣстѣ съ началомъ своего градоизводительства должно было основать и особое вѣрованіе. Съ потемнѣніемъ отчихъ преданій о *Боги небесе*, и вѣрованіе Ассурцевъ явилось дѣломъ тоже лукаваго, испытующаго ума, какъ и Вавилонцевъ, хотя и съ болѣе высшренимъ воззрѣніемъ на небо и природу: оно состояло въ огнепоклонничествѣ и въ *пророчіяхъ*, или *гаданіяхъ* и *волхвованіяхъ*. *Суетни убо вси чловѣцы, естественни*, — говоритъ Соломонъ, — *въ нихъ же обрътается невѣдѣніе о Бозѣ, и отъ видимыхъ блазъ невозможна уразумѣти сущаго, ни дѣломъ внемлюще познаша хитреца: но или огнь или духъ, или скоръ воздухъ, или кругъ звѣздный, или зпль-ную воду, или свѣтила небесная, строители міру боги (быти) возмнѣша* (Премудр. Соломон. XIII, 1—2). Это изображеніе поклоненія стихіямъ и свѣтиламъ небеснымъ относится къ самымъ древнимъ временамъ міра — *Библіотека* *Книгопродавца* *В. М. Маркса* *Книгопродавца* *В. М. Маркса* и разсѣванію его по лицу земли. Времена и смыслъ этого событія поясняются Моисеемъ въ весьма краткомъ, но многознаменательномъ замѣчаніи, что *со — дни Фалека*, — сына Еверова, *раздѣлилася земля*.

Думаемъ, что при остановленіи племенами Сennaара страны

встрясенія проявились начатки той губельной болѣзни общежитія
человѣческаго, которая называется войною. Никто, въ началѣ
юности міра, не могъ скорѣе усвоить наслѣдія Каинова, кромѣ
я, сластолюбія, сдѣлавшагося божествомъ Вавилона; ничто, кромѣ
женщины, не могло быть тогда предметомъ распри для духа
стяжанія. — Всѣ племенные драки между древнѣйшими общинами
и народами и самыя священныя (по мѣстамъ или легендамъ) войны
ихъ происходили за отнятіе, или похищеніе женщинъ.

И такъ, со времянь Фалека, можетъ быть, по непреложному
закону изысканія крови, человѣкъ для человѣка и народъ для
народа сталъ орудіемъ казни и потянулась не измѣримая, запу-
танная цѣпь возмездій, имѣющая прерваться только тогда, когда
будетъ едино стадо и единый пастырь, или когда человѣ-
чество, просвѣтляясь и созрѣвая въ возрастѣ духовномъ, до-
стигнетъ, соединеніемъ въры и познаніемъ Сына Божія,
въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Хри-
стова.

В. Пудавовъ.

Глава XI.

Состояніе Россіи.—Положеніе духа на Дону.—Царскій посланикъ Протасьевъ.—Грамоты на Донъ. Царская и Духовнаго Собора.—Просьба донцовъ о жалованьѣ.—Повелѣніе увѣщевать мятежныя скопища Зарудкаго.—Царская знамя Донскому войску.—Дѣйствіе донцовъ противъ Зарудкаго.—Сношеніе съ ногайцами.—Царское жалованье войску.—Набѣгъ крымцевъ и нагайцевъ на донской городокъ.—Царское дипломатическое порученіе войску.—Русскія и турецкія послы зимуютъ на дону.—Переписка съ Дономъ учреждена по посольскому приказу, вмѣсто разряда.—Царская грамота донцамъ на безошленную торговлю.—Союзъ донцовъ съ запорожцами.—Совѣтъ запорожцевъ съ донцами о войнѣ Сигизмунда съ Россією.—Донцы разрываютъ миръ съ азовцами.—Второй проѣздъ пословъ чрезъ Донъ въ Царьградъ. Донцы заключаютъ перемиріе съ азовцами.—Снова перемиріе между донцами и азовцами разорвано.—Непріязнь встрѣченная Русскими послами въ Царьградѣ.—Гонецъ въ Царьградъ къ посольству.—Продолженіе казацкихъ набѣдовъ на Турцію.—Неизвѣстность о концѣ жизни атамана Чершенскаго.—Вооруженіе на ногайскаго князя Иштерека.—Непріязненное движеніе нагайцевъ улуса Казыева.—Жалоба войска царю о монастырской землѣ. Второй гонецъ въ Царьградъ къ посольству.—Переговоры азовцевъ, съ донцами о мирѣ.—Чаплинъ на Дону съ важнымъ порученіемъ и третій гонецъ въ Царьградъ къ посольству.—Переговоры крымцевъ о донцахъ.—Возвращеніе русскихъ пословъ изъ Царьграда и устройство турками башни на р. Каланчѣ.—Возваніе царя на Донъ къ ополченію на Владислава.—Подтверженіе права донцовъ на безошленную торговлю.

съ 1613—1620 г.

Начинаемъ второй періодъ исторіи Донскихъ казаковъ.

21-го Февраля 1613 года, Провидѣніе опредѣлило быть спасительнымъ днемъ для Россіи отъ десятилѣтнихъ кровавыхъ смуть сомованцевъ: въ этотъ день, единодушно волею бояръ и народа избранъ на царство самодержавное Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Юный начинатель новой, великой династіи какъ-бы пророчественно названный тогда донцами „вторымъ израилемъ^(*)“ — принялъ Государство въ положеніи горькомъ для сердца и ужасномъ для разума. Въ немъ всѣ гражданскія основанія, кромѣ святой вѣры и мысли о царѣ самодержавномъ, были ослаблены, — все разстроено дѣйствиємъ внутренней и виѣшней борьбы. Многіе города превращены въ развалины; села опустошены; нѣкоторыя области были безъ воеводъ, окольныхчихъ и прочихъ сановниковъ; управа земская лишилась власти; доходы государственные уничтожены, вездѣ проявлялись толпы грабителей своихъ и чужихъ; на „всей землѣ“ властвовалъ безпорядокъ! Служившіе защитой царству города пограничные были въ волѣ иноземцевъ, или злодѣевъ; шведы господствовали надъ Конорьемъ, Орѣшкомъ, Кенсгольмомъ и Новгородомъ; поляки — надъ Черниговомъ, Путивлемъ, Дорогобужемъ, Смоленскомъ; Лисовскій грабилъ пригороды исковскіе; крымцы и ногайцы дѣлали губительныя набѣги на Тулу, Каширу, Рязань; Заруцкій съ шайкою злодѣевъ гнѣздился въ Астрахани...

Россіи нужно было употребить величайшее усиліе, чтобы возстать изъ государственнаго разстройства и избавиться отъ враговъ виѣшнихъ и внутреннихъ въ одно и тоже время она

(*) Дѣл. турец. въ столб. 1613 г. челобитная донскихъ атамановъ и казаковъ и тѣхъ же дѣл. въ столб. 1614 г. — отписка Донскихъ казаковъ, присланная дворяниномъ Овухтинымъ, съют. 1614 г.

должна была бороться съ Сигизмундомъ III-мъ, съ Заруцкимъ, съ Лисовскимъ, съ Густавомъ Адольфомъ, съ крымцами, ногайцами и съ многими шайками польскихъ и казацкихъ бродягъ. Такъ и было: правительство показало заботу, дѣятельность удивительную; всѣ сословія усердіе пламенное, и въ шестой годъ царствования Михаила народъ русскій жалъ уже въ мірѣ. Въ эту годовину бѣды, лишеній и жертвъ и Донцы не отстали отъ прочихъ сыновъ отечества; — они приложили свое сердце и умъ къ трудностямъ общины и показали подвижность достойную чести воиновъ царелюбивыхъ. Какъ *„прирожденные“* стражи Россіи на югѣ, донцы развернули тогда обычную отвагу свою по широкимъ пустыннымъ степямъ и по волнамъ морскимъ со всею пылкостью людей, считающихъ *„день въ комъ“*; и вездѣ, гдѣ враги — крымцы, ногайцы и азовцы прокрадывались для набѣга на города украинны русской, встрѣчали ихъ и бились съ ними; въ юртахъ своихъ всѣ призанія и велѣнія царскія они принимали и исполняли съ глубокою благовѣвною покорностью; всѣ отписки воеводъ и окольных чтили и приводили въ дѣло съ разумнымъ уваженіемъ. Первою и важною заботою царя было уничтоженіе сконища злодѣевъ, предводимаго черкашениномъ Заруцкимъ, который замышлялъ возвести на престолъ сына Маринны Мишкелъ. Послѣ разбитія царскими войсками близъ Воронежа, онъ двинулся на Волгу, завладѣвъ Астраханью, провозгласилъ Марину царицею и оттуда, разсѣвая безумныя возванія по всему южному краю, особенно по становищамъ казачества Волжскаго, Яицкаго, Донскаго и Терскаго, просилъ помощи у Персидскаго Шаха.

Замѣтимъ безъ упрека въкоторые писатели наложили историческое нарѣканіе на Донъ за время пребыванія Заруцкаго въ Астрахани. Не рассматривая такого суда, конечно, не намѣреннаго, но посылнаго, представимъ тогдашнія событія на Дону, какъ видны они изъ актовъ современныхъ.

Еще въ мятежное время, донской атаманъ Смага Степановъ Чершенскій первый оставилъ толпы самозванцевъ и усѣлся спо-

койно на Дону въ „нижнихъ юртахъ“. Не знаемъ вѣрно въ *Монастырскомъ* или въ *Черкасскомъ* городкѣ было тогда его пребываніе; но думаемъ — въ первомъ, судя по многимъ указаніямъ въ актахъ, замѣняющимъ имя Черкасскаго городка именемъ Смагинъ юрть. Вмѣстѣ съ нимъ находились „лучшіе низовые“ атаманы: Елифанъ Родилонъ, Дмитрій Кабанъ, Семенъ Уколовъ, Дементій Ерофеевъ, Михайль Трубчанинъ и Иванъ Носъ. Къ нимъ, лѣтомъ 1612 года, явились отъ Сигизмунда послы, отправленные на донъ и въ улусы ногайскаго князя Иштерека, съ безстыдною ложью что будто бы онъ, король, вступилъ уже на престолъ московскій и убѣждаетъ ихъ служить ему такъ же, какъ прежнимъ государямъ. Разумный Смага Степановъ, понявъ лукавство и, не давъ никакого отвѣта обманщикамъ, выпроводилъ ихъ съ Дона къ ногайцамъ. Иштерекъ принялъ этихъ пословъ съ досадою, такъ же не довѣрялъ имъ, отказалъ въ предложеніи и отправилъ татарина своего въ Русь развѣдать, точно ли король владѣетъ Москвою (*).

И такъ попытка Сигизмунда неимѣла успѣха. Лишь только отъ Москвы дошелъ слухъ до Дона о воцареніи Михаила Ѳеодоровича, атаманы нижнихъ юртовъ или Главное Войско немедленно послало туда свою *легкую станицу*, подъ управою Гаврилы Стародуба. Удостоенная милостиваго приѣма въ Москвѣ, станица эта возвратилась на Донъ уже въ октябрѣ 1614 года вмѣстѣ съ послами Соловымъ Борисовичемъ Протасьевымъ и Дьякомъ Даниловымъ, вѣхавшимъ къ турецкому султану Ахмету съ извѣстительною грамотою отъ царя о вступленіи его на престолъ. Съ ними отправлены были грамоты и войску Донскому государева и духовнаго собора, о которыхъ скажемъ ниже.

Между тѣмъ Заруцкій, подученный, Сигизмундомъ волновать Россіянъ „всякими прелестями“, до заключенія мира съ турецкимъ султаномъ, чтобы потомъ скорѣе одолѣть Москву,

(*) Дѣл. нагайск. въ столб. 1613 г. сент. № 4 (связк. 2). Распространеніи пріѣхавшаго въ Москву (27 сент. 1613) посла отъ нагайск. князя Иштерека мурзы Кельмамета.

успѣлъ, по завладѣніи Астраханью, раскинуть смуту чрезъ Волжскихъ казаковъ и поверховымъ порѣчьямъ Дона. Его волжскіе „подсылщики“ стали бродить (1614 г.) между донцами, особенно по городкамъ Хопра и Медвѣдицы, разглашая разныя, нелѣпыя вѣсти словами и грамотками: что мужъ Маринъ, самозванецъ тушинскій живъ въ Персіи, отколь идутъ съ нимъ люди и горскіе черкесы; что всѣмъ казакамъ, явившимся съ Дона на Волгу, дано будетъ жалованье, какое прислано отъ Заруцкаго Волжскимъ казакамъ^(*). Этого мало, — отчаянный возмутитель посылалъ даже прямо въ *нижніе юрты ко всему войску Астраханскихъ жильцевъ съ грамотками отъ себя и отъ Маринъ* о томъ, чтобы Донское войско отъ нихъ и отъ Волжскихъ казаковъ „не отставало“. — Но атаманы, Чершенскій и другіе, выслушавъ эти грамотки позорили въ войсковомъ кругу Маринъ и посланцовъ Заруцкаго до того, что казаки едва ихъ тутъ же не побии до смерти. Въ отвѣтъ же, написали въ Астрахань къ Маринъ, къ Заруцкому и ко „*всякимъ людямъ*“ написали и на волгу къ атаманамъ, что *они, Донское войско, „всѣ единодушно общались служить царю Михаилу Федоровичу, воровскимъ грамотамъ ихъ не вѣрятъ, и къ нимъ не пристанутъ“*^(**). Не смотря, однакожь, на этотъ разумный, царелюбивый духъ Главнаго Войска, дѣятельные пособники Заруцкаго успѣли, хотя и не надолго, привести простые умы въ „шатость“ до того, что казаки всѣхъ городковъ, стоявшихъ отъ Пяти-избянскаго въ низъ по Дону до Азова, держались мыслей и чувства Главнаго Войска, а городки, стояшіе отъ Пятиизбянска вверхъ по Дону, по Хопру и другимъ за-польнымъ рѣчкамъ, поколебались: изъ нихъ, буйные зложелатели хотя и въ небольшомъ числѣ, перебѣгали къ волжскимъ скопищамъ Заруцкаго^(***).

(*) Дѣл. нагайск. въ столб. 1613 г. сент. связк. (1613—1614) № 5 см. отписку Ивана Кондырева въ посольскій приказъ.

(**) Дѣл. Турец. въ слоб. 1613 г. см. отписку къ государю посланника Протасьева привезенную въ Москву дек. 28 1614 г.

(***) Дѣл. нагайск. въ столб. 1613—1614 связка № 5 см. вышепривед. отписку Ивана Кондырева.

При такомъ положеніи донцовъ, въ тоже время плыли отъ Воронежа рѣкою Дономъ (22 сентября 1614 г.) на бударахъ царскіе посланники Протасьевъ и Даниловъ до нижнихъ юртовъ въ сопровожденіи легкой станицы, возвращавшейся изъ Москвы съ атаманами Стародубомъ и Долгимъ. Протасьевъ, при выѣздѣ изъ Воронежа послалъ въ передъ Долгаго съ есауломъ Панкомъ извѣстить донскіе юрты о себѣ и о царскомъ жалованьи, которое онъ везъ съ собою. Возвратясь, Долгой привезъ вѣсти: о смутномъ разномыслии между верхними и нижними юртами; объ измѣннической присягѣ астраханцевъ Маринѣ и сыну ея о многочисленномъ сборѣ мятежниковъ на Волгѣ; и о томъ, что они знаютъ про пріѣздъ посланниковъ на Донъ. Это весьма потревожило посольство; оно съ величайшею осторожностію прогребло устье Хопра и Медвѣдцы до нижнихъ юртовъ, плыло посушью, днемъ и ночью. На пути у городка Нижняго-Курмань-яра (нынѣ Нижне-Курмоярская станица), атаманъ Стародубъ представилъ Протасьеву казака Семейку, какъ смутника, утверждавшаго, что самозванецъ тушинскій) действительно живъ. Посланникъ велѣлъ станичному атаману Трухинскому отослать этого казака въ Главное Войско. 20 октября прибыло посольство въ нижніе юрты. Тутъ оно встрѣчено было съ великимъ почетомъ: войсковою атаманъ Смага Чершенскій съ другими знатными атаманами и совсѣмъ находившимся въ сборѣ войскомъ принялъ посланниковъ; въ городкѣ збонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ, и изъ всего мелкаго оружія. Выслушавъ въ войсковомъ кругу рѣчь посланниковъ по наказу и грамоты государеву и собора духовнаго, принявъ жалованье, атаманы *на Царской милости били челомъ до лица земли*, и приказали пѣть молебствъ о здравіи царя. Всѣ казаки какъ доносили Протасьевъ — *съ сердечными слезами возрадовались и обѣщались тебѣ Великому Государю Царю Михаилу Федоровичу служить и прямиать во всемъ, какъ прежнимъ Государямъ*. Когда-же посланникъ сказалъ, чтобы войско, для избѣжанія посольству задержанія, покаместъ оно воротится изъ

Царьграда (Константинополя), не дѣлало „задоровъ“ съ азовцами; а воевало-бы въ эту пору Козыевъ и другіе ногайскіе улусы и крымцевъ; тогда казаки отвѣчали, что „они единодушно, безъ всякой хитрости, хотятъ служить государю до кончины живота и во всемъ его царскомъ повелѣньи быть“. Кроме этого, говорили: „только государь пошлетъ къ Асрахани боярѣ и воеводѣ съ ратными людьми, то и они все пойдутъ туда“. Послѣ, по извѣщенію посланника, спрашивавъ былъ приведенный въ войско казакъ Семейка. Войсковой кругъ обвинилъ его за смутную дерзость и приговорилъ: „посадить въ воду“. Когда же о сужденнаго „новолокни“ къ Дону, тогда атаманы, извѣстивъ объ этомъ Протасьева, предложили, чтобы посольство „для царскаго здоровья“ отвратило казнь водою, но наказатъ бы Семейку „ботогами нещадно“. Такъ и исполнено. Бывъ свидѣтелемъ всего этого, Протасьевъ, между прочимъ, въ донесеніи сказалъ: „Правда, Государь, и радные атамановъ и казаковъ къ тебѣ единодушно, отнюдь безъ всякаго суетнаго позабыванія“(*).

Отпраздновавъ посольскій пріемъ, атаманы, замирились съ азовцами и въ ноябрѣ проводили посланника до Азова съ великою почестью, большимъ войскомъ, и сдали его туда у посольскаго ерика „по обряду“, какъ водилось прежде, твердо обѣщаясь при томъ не громить турецкія области довозвращенія Протасьева, что особенно было нужно, ибо главная цѣль посольства состояла въ склоненіи султана помогать новому царю Россіи противъ Польши и Швеціи(**).

Привизенная Протасьевымъ первая грамота царя Михаила Федоровича на Донъ (писанная 1613 г.) содержала „милостивое и жалованное слово“ и обѣщанье покровительства. Кроме того, въ ней сказано, что бы казаки служили свою польскую

(*) Дѣл. Турецк. въ столб. 1613 г. см. вышеприв. отписку посланника Протасьева и отписку Донскаго войска къ государю.

(**) Дѣл. Турецк. въ столб. 1615 см. грам. на Донъ въ сент. 1615 г.

полевую службу на Крымской и Ногайской сторонѣ: пошлахамъ разбѣзжали и по перевозамъ лежали". Съ азовскими же людьми повелѣвалось „мирными быть для Царскаго и земскаго строеня“.

*Въ соборной грамотѣ отъ всего россійскаго духовенства (1613 г., іюня 18), святителя, изображая рѣзкими чертами бѣдственное состояніе отечества отъ кровавой вражды польскихъ и литовскихъ людей, лукавые замыслы и смуты Сигизмунда противъ Михаила, именемъ Бога убѣждали донцовъ не слушать мятежныхъ прельщеній, стать за православную вѣру, царя и отечество, идти на поляковъ и черкасскъ къ Путивлю и въ иные сѣверскіе города. Предрекали за *родные отечеству*, милость Божию, отъ царя великое „жалованье“, честь, славу и хвалу отъ всей Русской земли и государствъ окрестныхъ. „И за тѣ ваши службы—говорили наконецъ святители“—буде на всѣхъ на васъ нашего всего вселеннаго собора миръ и благословеніе отъ нынѣ и до вѣка и умножи Господь лѣта живота вашего, и подай Вамъ Господи, вся благая по прошенію вашему, и устрой вамъ, Господи, вся полезная, яко же вѣсть его святая воля. А мы за васъ за всѣхъ соборно Бога молимъ и челомъ бьемъ“.*

✓ Во все мятежное время донцы не могли получать изъ Москвы боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, а безпрерывные драки съ ногайцами, крымцами и азовцами и прокормленіе, не только что себя, но еще и отбиваемыхъ у татаръ русскихъ пѣваниковъ, (которыхъ казаки въ 1613 году, отняли и отравили въ украинные города болѣе 500 душъ мужскаго и женскаго пола), заставили ихъ издержать и послѣдніе. Теперь, чрезъ смуты Заруцкаго, русскіе торговые люди опасались дѣлать по Дону подвозъ продовольствія къ городкамъ казачьимъ; изъ Москвы же, съ Протасьевымъ, прислано селитры, свры, свинцу, вина, сукна, толочна и сухарей не много „сколько у Государя“—какъ сказано въ Соборной грамотѣ—*„въ нынѣшнее настоящее время случилось; ибо царская казна отъ Польскихъ и Литовскихъ людей была въ разграбленіи безъ остатка, а*

изъ городовъ еще ни какой казны къ Государю не было.“ Кромѣ того, заключеніемъ мира съ азовцами отнялась у казаковъ возможность промышлять въ самыхъ „обычныхъ“ мѣстахъ— „подъ Азовомъ и на морь.“ Всѣ эти случайности поставили не прихотливую но всегда тревожную жизнь донцовъ въ опасную и голодную крайность, по которой, многіе плѣнники (ясыри) за недостаткомъ пищи умирали. „Нашего же полеваго корма— какъ писали казаки— травы да воды да коренья катрана, они не пьютъ.“ — Почему войсковою кругъ рѣшилъ: послать къ государю „любимаго и вѣрнаго“ атамана своего Игната Давыдова Бедрисева съ ставницею „бить челомъ“ о нуждѣ. Отъ всего войска ему вручена атаманами въ ноябрѣ 1614 г. вмѣстѣ съ благодарственною отпискою за милостивое и жалованное слово и войсковая челобитная. Отписка замѣчательна и тѣмъ что она есть первая отъ войска къ царю уполномоченію, юному Михаилу, въ которой донцы говорили: „мы Государь, вступило ради Божію волю и твою Царскую творить во всемъ до исхода души своей“, и тѣмъ, въ особенности, что въ ней по какому-то дивному, тайному поитію названъ онъ „Вторымъ Израилемъ“. Конечно, Донцы и сами не видѣли въ этомъ словѣ всей глубины и обширности его значенія, которое розгадывается и изъясняется только въ будущемъ; но они, произнеся его совсего войсковаго сердца и ума въ моментъ царелюбиваго воодушевленія; сказали какъ бы пророчественно. Челобитная любопытна по простотѣ и смѣлой искренности, изъясняемой всякимъ и тяжкимъ положеніемъ донцовъ. Они писали: „Милостивый, Православный Царь, Государь, пожалуй насъ своимъ великимъ жалованьемъ— деньгами, сукнами, селитрою и свинцомъ, чтобы мы наги, и босы и голодны не были. Морскіе и подъ азовные походы, Ты, Государь воспретилъ, по волѣ создавшаго насъ, и весь просторъ за себя взялъ: а то Государь, у насъ былъ и лучшей запунъ—подъ Азовомъ, да на море ходили, потому что служимъ мы съ травы да воды и твоей царской вотчины пяди не уступаемъ невѣрнымъ; ясырь отграмливаемъ и въ

твой украинные и сѣверскіе города по вся дни отсылаемъ, а запасъ и суда подъ нихъ дорого покупаемъ.“ —

Съ станицею Бедрищева повѣхалъ и посыльный отъ Протасьева съ донесеніемъ къ государю о встрѣчѣ и пребываніи его въ войскѣ.

Весьма ласково и милостиво была принята эта станица въ Москвѣ, она находилась тамъ недолго, по астраханскимъ обстоятельствамъ. Возвращая Бедрищева (въ мартѣ 1614 г.), ему вручили пожалованное знамя на Донъ и много грамотъ: двѣ Царскія къ Донскому войску и грамоту Соборную всего россійскаго духовенства; еще три грамоты царскихъ — одну къ Волжскому войску о вооруженіи на Заруцкаго, другую къ жителямъ Астрахани увѣщательную оставить Заруцкаго в Марину; третью къ Заруцкому, также увѣщательную, покориться законной власти съ обѣщаніемъ за то помилованія; и еще грамоту бояръ и всѣхъ чиновъ людей Московскаго государства къ Волжскому войску о содѣйствіи противъ возмутителей.

Одною грамотою царь отвѣчалъ донцамъ на ихъ отписку и челобитную, похвалилъ *„атаманское и казачье родилье и прямое во всемъ обѣщанье“*; обядежилъ *«держатъ войско въ своемъ милостивомъ жалованьи и призьня выше прежнихъ государей на вѣки, на дѣти и на внучата»*, пожаловалъ войску, по его прошенію, знамя *„съ чѣмъ бы противъ недруговъ Государевыхъ стоять и на нихъ ходить“*, тутъ же извѣщая о назначеніи и походѣ воеводы князя Одоевскаго съ людьми ратными противъ Заруцкаго и о скорой посланкѣ на Донъ жалованья по большой нуждѣ войска. Государь требовалъ, чтобы и казаки шли уже не къ Путивлю на поляковъ, какъ писано прежде въ соборной грамотѣ, но подъ Астрахань и дѣйствовали вмѣстѣ съ воеводою, чтобы скорѣе очистить этотъ городъ отъ мятежниковъ и *«привести всѣхъ людей государства въ братскую любовь, советъ, тишину и благоденствіе, на страхъ врагамъ»* (*).

(*) Акты собраныя Археографическою экспедиціею т. III. см. Царск. грам. 18 марта 1614 г. № 21.

Другою грамотою, представляя минувшія бѣдствія Россіи отъ козней Сигизмунда, замышлявшаго соединить Московское государство съ Польшею и Литвою и поккрыть православную вѣру вѣрою римскою и лютеранскою, извѣщалъ государь, что и теперь король не оставилъ своей мысли нашелъ пособниковъ въ Заруцкомъ и въ „некрещеной“ Маринѣ—и подстрѣкаетъ ихъ начать въ Россіи, новое междуусобное кровопролитіе, для конечнаго попранія нашей вѣры; что Заруцкій, мало-что ввелъ въ преступную гибель астраханскихъ и волжскихъ людей еще вошелъ въ сношеніе и съ персидскимъ шахомъ Аббасомъ и отдаетъ ему Астрахань со всѣми христіанами, на ссору Россіи съ Персією. Потомъ государь, называя Донское войско „великимъ“ возбудилъ атамановъ любовью къ вѣрѣ христовой и отечеству писать и посылать отъ себя возванія „по своему доброму благосоюзному совѣту“. Къ волжскимъ и „иныхъ рѣкъ“ атаманамъ и казакамъ и къ жителямъ Астрахани,—чтобъ злодѣйскій „прелести“ Заруцкаго не вѣрили и къ нему не приставали, а служили бы ему, государю „какъ сами они—донскіе атаманы и казаки—всѣми своими душами“.

Порученные же Бердищевымъ грамоты на Волгу и въ Астрахань—повелѣвалъ донцамъ отиравить отъ себя, не мѣшкая (*).

Въ соборной грамотѣ святители описывая еще подробнѣе дѣйствія Сигизмунда и также называя Донское войско „великимъ“ умилительно зывали къ атаманамъ и казакамъ, какъ „къ сынамъ своего смиренія о христвѣ“ стать за свою русскую православную „природу“ противъ всѣхъ недруговъ—польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей, въ защиту вѣры и Царя;—пожалѣть о своей братьи Волжскихъ и другихъ казакахъ, внавшихъ въ обманъ и начинающихъ междуусобства и не пременно постараться обратитъ ихъ своимъ совѣтомъ и посылаемымъ соборнымъ „уложеніемъ“ къ спасенію „отъ страшнаго суда Божія и облеченія въ клятву“ (**).

(*) Акты собран. Археограф. экспед. т. III см. Цар. грам. 18 март. 1614 г. № 22.

(**) Тамъ же см. Собор. грам. 18 марта 1614 г. № 23. II.

Приѣздъ Бердищева на Донъ (въ апрѣлѣ) произвелъ во всѣхъ юртахъ казацкихъ восторгъ неописанный. Никогда еще войско не облакалось въ такой почетъ высокій не видало такой милости царской, какъ теперь! Оно, въ грамотахъ названо „великимъ“; въ его войсковомъ „кругу“,—въ этой живой и подвижной палатѣ безъ оконъ и безъ дверей, покрытомъ только Божьимъ небомъ, въ храмъ казацкаго совѣта, управы и суда—водрузилось теперь жалованное знамя государево. Блеставшій на знамени животворящій крестъ, торжественно показалъ собою врагамъ сосѣдямъ татарину и турку, что „Донъ вѣчная отчина“ Руси, а войсковой кругъ—не дремлющій стражъ ея. Глубоко постигая жизнь свою—пустынную, брѣнную стоянку на рубижѣ двухъ міровъ Европы и Азии, и обожая сердцемъ свое призваніе на землѣ, донцы испросили это знамя у Михаила, какъ символъ цѣли своей жизни и чести государственной, и вынось его въ войсковой кругъ признали на вѣки дѣйствиємъ священнымъ. Такъ Москва, еще 18-го марта 1614 г., молча, но смѣло объявила, Стамбулу, Богхчисараю и улусамъ ногайцевъ объ укрѣпленіи своего христіанскаго могущества на югъ: и Стамбуль и Багчесарай и улусы тогда же и поняли это дѣло съ неудовольствіемъ, какъ увидимъ мы въ послѣдствіи; но дипломатическій языкъ московскаго посольскаго приказа и русскихъ посланниковъ кабинетною „ловкою“ поговоркою „что казаки воры живутъ на Дону своею волею“ умѣлъ около полвѣка ловко отклонять ссору надмѣнныхъ сосѣдей, доколѣ, при царѣ Алексѣе прямо могъ и въ кабинетѣ сказать всѣмъ недругамъ: Донцы—войско Россіи. Быстро разлетѣвшаясь по Дону вѣсть о Царскихъ милостяхъ образумила нѣкоторыхъ буйныхъ казаковъ и въ верхнихъ городкахъ: и такъ всѣ юрты покрылись вѣрностію единодушно.

Преждѣ полученія повѣленій царскихъ и еще до прибытія Протасьева, какъ видѣли мы, донцы посылали уже отъ себя увѣщательныя отписки въ немятежныя скопища на Волгу, Терикъ и Яикъ. При Протасьевѣ и послѣ отъѣзда его они, также

писали къ Волжскому и Терскому войскамъ, „что милосердый Богъ утолилъ свой праведный гнѣвъ, и христіанская кровь перестала литься: на Россійское государство далъ онъ Царя правды Михаила Ѳеодоровича; и Вамъ бы, атаманы и казаки, Заруцкому и Маринѣ и Астраханскимъ смутникамъ ни въ чемъ ни въпритъ“. Эти братскія возванія имѣли уснѣхъ желанный, такъ что еще зимою 1614 г., (въ январѣ) волжскіе атаманы верхнихъ городковъ. Неуцкой-Карга, Третьякъ-Усь, Довецкой, Соловцевъ, Быстрой и Бирюкъ, кромѣ атамана Верзиги, въ первомъ городкѣ по Волгѣ отъ Астрахани, читая ихъ „обрадовались“, а Заруцкаго, Марину и сына ея „проклинали и бранили“, говоря при томъ: „только бы государь на весну, вскорѣ, пожаловалъ, прислалъ рать свою, то мы бы всѣ съ его людьми пошли подѣ Астрахань и тѣсноту ему содѣлали,—учюги и рыбныя промыслы отняли“. Убуйнаго Верзиги въ городкѣ находилось человекъ до 150, да и тѣ ни всѣ были наклонны къ сторонѣ Заруцкаго(*). Вскорѣ и Неуцкой-Карга отложился отъ Заруцкаго и присталъ къ склонившимся къ царю. Не смотря на распущенные слухи Заруцкимъ и союзными съ нимъ ногайскими улусами князя Иштерека, что къ Астрахани, на помощь возмутителю идетъ 20,000 турокъ, и передовые уже вступили въ Азовъ (которыхъ совсѣмъ не было), возванія донцовъ имѣли сильное вліяніе на умы: изъ Астрахани многіе жиледкіе люди и казаки, бросая Заруцкаго, разбѣгались на Терикъ и къ Волжскимъ казакамъ, преклоняясь къ царю; даже татары (юртовскіе), которые породились тамъ, уходили съ женами и дѣтьми въ тѣ ногайскія улусы какія не приставали къ возмутившимся(**). Князь Одоевскій, тронувшійся въ походъ изъ Казани, послалъ

(*) Акт. собран. Археогр. ком. т. III. дополн. см. отписк. Самарскаго воевод. князя Пожарскаго къ Казанскимъ воеводамъ 30 марта 1614 г. № 248.

(**) Акты собр. Археогр. ком. т. III (допол.) см. отписку Самарск. воевод. княз. Одоевск. 1614 г. апрѣля 21—23. № 254 отписки Стрѣлецк. Головы. Польчиков. къ князю Одоевскому 1614 г. апр. 26. № 256. См. грам. астрах. воевод. Одоевск. и голов. къ Донск. войск. 1614 г. іюня 19. № 25. Дополнит. отпис. самарск. воев. къ Одоевскому 1614 г. въ концѣ апр. № 257.

(31 марта) на Донъ отъ себя грамоты о принятіи войскомъ мѣрь и походѣ къ Астрахани (*); но прежде нежели замедлившей въ дорогѣ нарочный пріѣхалъ съ этою грамотою на Донъ, войско Донское новыми воззваніями убѣждало Волжскихъ казаковъ бросить Заруцкаго и обратиться къ московскимъ чудотворцамъ и къ государю. Читая эти грамоты прежде врозумившіяся атаманы остались твердыми въ своемъ общаніи, кромѣ Верзиги и Неупокой-Карги, съ которыми были въ сообществѣ атаманы Чулковъ, Усь, Ратцовъ, Суровской и Бараганецъ. Буйные казаки Калмыковского городка (**). Даже изодрали писаніе донцовъ вскорѣ послѣ этого атаманъ Ратцовъ бродилъ по волжскимъ городкамъ съ пригласительными грамотками Заруцкаго идти весною съ нимъ возмущать къ Самарску и Казани; въ грамоткахъ общено: *„что онъ, Заруцкій, пожалуетъ казаковъ тѣмъ чего у нихъ и на разумъ нѣтъ“*. Но атаманы врозумившихся городковъ отвѣчали смутнику: *„отъ нашихъ мятежей много христіанской крови лилось и мноія святыя обители и церкви Божіи разорены; а нынѣ; намъ не метежничать и приклониться къ царю Михаилу Федоровичу“*. Потомъ хотѣли Ратцова *„посадить въ воду“*, но одумались и оставили живымъ за *приставомъ*, до возвращенія своего изъ похода, предпринятаго на ногайскаго князя Иштерика, который готовился перелазить Волгу съ Крымской стороны на ногайскую, чтобъ идти къ Самарску впередъ Заруцкаго(***)). Терскія казаки также вслѣдствіе возванія донцовъ еще зимою начали отлагаться отъ Заруцкаго и при наступленіи мая всѣ терскія люди *„цѣловали крестъ Царю Михаилу“*.(****)

(*) Акты т. III (дополн. наказная память Одоевскаго Афонасію Арженскову 1614 г. марта 31. № 249.

(**) Акты сообщ. Арх. Ком. (допол.) отписки Самарскаго Воеводы князя Пожарскаго къ князю Ѳ. Довскому 1614 г. въ концѣ апр. № 257.

(***) Акты т. III (допол.) см. отписку (Самарск. Воевод. Пожарскаго къ Казани Воевод. 1614 г. март. 30. № 248 (вышеприведенную).

(****) Акты (дополнит. отписки Самарск. Воевод. Пожарскаго 1614 г. въ концѣ апрѣл. № 257 грам. Воевод. Одоевскаго и Головина Донскому Войску 1614 г. мая 17. № 267. Грамот. этихъ же воеводъ на Терикъ 1614 г. мая 17. № 269. Грамоты Терскаго Воеводы, Головина Астраханскаго Воеводы Одоевскаго и Головина 1614 г. Іюня № 30.

По полученіи же царскихъ грамотъ съ Бедрищевымъ, донцы немедленно отравили ихъ на Волгу съ Волжскимъ казакомъ Кудрявцевымъ при слѣдующей войсковой грамотѣ прекрасномъ памятникѣ благороднаго чувства и ума: „*великая и славная рыцарское*“. Волжское и Терское и Яицкое войско, и всѣхъ „*прислаутыхъ*“ рѣкъ атаманы и казаки! Прислалъ къ намъ самодержавный Царь Государь Михаилъ Ѳедоровичъ свои грамоты, писанныя къ вамъ на прислаутую рѣку и въ Астрахань и къ Заруцкому и ко всѣмъ чинамъ Россійскаго царства, чтобы Господь Богъ гнѣвъ свой на милосердіе приложилъ, — и вы бы всѣ покой и тишину воспріяли и въ соединеніи были душами и сердцами, а ему государю служили и вѣрны были, мятежникамъ не потакали. Забывайте минувшіе обратитесь къ будущему и ожидайте благъ; и сами вы знаете Божіе писаніе; „тысяща лѣтъ яко день одинъ, а день одинъ яко тысяща лѣтъ“. Мы, господа, и прежде къ вамъ писали о любви много разъ, но отъ Васъ къ намъ ни строки нѣтъ. Какъ дослать грамоты въ Астрахань, — явно или тайно, — вамъ поручаемъ, снова мы Вамъ о любви челомъ бьемъ до лица земли общей нашей матери“ (*).

Но ни одними писаніями и посланцами дѣйствовали донцы въ этихъ событіяхъ. — Бывъ поставлены въ невозможность снарядить успѣшно большое число конныхъ подъ Астрахань, за вѣроломными наѣздами азовцевъ, отбившихъ у казаковъ весною до 1,000 лошадей, со взятіемъ въ плѣнъ 30 человекъ, войско послало вперед (въ началѣ мая) на Волгу къ князю Одоевскому судовую дружину. Впрочемъ, многіе донскіе и конные казаки подъ Астраханью видны по актамъ въ стычкахъ съ ногайцами (**).

Извѣщая Одоевского и донося государю, о такомъ положеніи войска, атаманы Чершенскій и Радиловъ, не могли не

(*) Акт. Арх. ком. т. III грам. Донск. войск. 1614 г. мая 17. № 42.

(**) Акты Арх. ком. (допол.) т. III смот. отписку Самарск. Воевод. къ Одоевскому 1614 г. въ концѣ апрѣля № 257. См. грам. Донскихъ казак. Астрах. Волж. Одоевскому и Головину (1614 г. между 10 іюня и 11 іюля) № 22. См. турец. Дѣла въ столбц. 1614. Описки Донскихъ казак. привезенная въ Москву 28 сент. Иваномъ Онуфриемъ.

высказать глубокого сожалѣнія, что они, сохраняя честно миръ съ азовцами для посольскаго дѣла (Протасьева), не смѣютъ теперь же отомстить своего „изъяна“.

Привида въ ненависть всѣхъ астраханцевъ жестокостями и казнями, съ каждымъ днемъ слабѣя мятежными скопищами и слыша о приближеніи Одоевского, плываго по Волгѣ, Заруцкій 12 мая, ночью, бѣжалъ съ Мариною и сыномъ ея изъ Астрахани (*). Преслѣдовавшіе этихъ бѣглецовъ, по распоряженію Одоевского, Стрѣлецкія Головы Пальчиковъ и Анучинъ, осадили ихъ на Яикѣ, въ Медвѣжьемъ городкѣ, и взяли съ бою 24 іюня (**). Въ Москвѣ—Заруцкій былъ казненъ; Марина умерла въ темницѣ, сынъ ея повѣшенъ. Конецъ страшный, но достойный для честолюбцевъ—возмутителей.

Такъ успокоилась Астрахань. Донцовъ, какъ первыхъ содѣйствователей къ ея покою, князь Одоевскій поспѣшилъ (въ іюль) извѣстить радостью о взятіи Заруцкаго, предупреждая, чтобы они не шли уже къ нему *большимъ войскомъ*. Но кто захочетъ изъ казаковъ пріѣзжали бы вольно въ Астрахань съ товарами, также приходили бы и „гулебщики“ на Волгу для рыбной и звѣриной ловли (***).

Ногайскія улусы, какъ Крымъ и Турція, были также извѣщены Михаиломъ о воцареніи его. Не смотря на то, что являшіеся въ Москву для поздравленія царя послы отъ князьковъ и мурзь приняты были ласково и одарены щедро, не смотря на обѣщанье ихъ быть въ подданствѣ Россіи, вѣроломные ордынцы эти—одни, въ слѣдъ за своими послами, выпускали хищныя шайки для грабежей на украинные города, другія присоединились къ мятежнымъ скопищамъ Заруцкаго. /Донцы, въ продолженіи 1613 и 1614 гг. гдѣ только наступали или встрѣчали ногайскихъ хищниковъ на перевозахъ и перелазахъ вездѣ били

(*) Акты Арх. ком. т. III. см. отписку стрѣл. головы Хохловакъ Одоевскому и Головину 1614 г. мая 30 по 31. № 15.

(**) Акты Арх. ком. т. III. см. отписку стрѣлецк. головы Пальчик. и Обухтинъ. Астрах. Воевод. Одоевск. и Головину 1614 г. Іюля 5. № 32.

(***) Акты Арх. ком. т. III см. грам. Астрах. Воеводѣ 1614 г. іюля № 39.

ихъ и отнимали добычу, особенно плѣнныхъ людей русскихъ. Такія изъ-стари противудѣйствія укоренили у Ногайцевъ глубокую неприязнь къ казакамъ. — Слѣдствіемъ чего было: что лукавый Казыевскій князь Баранчезый при самомъ первомъ объявленіи подданства Михаилу (въ 1614 г.) просилъ у него, какъ у нового царя, особенной милости: „чтобы Казыевскимъ улусамъ дозволено было жить по Дону, а атамана Чершенского свести въ глубь Россіи, а что если Чершенскій съ войскомъ на Дону останется, то этимъ онъ Баранчезый „*отопланъ*“ будетъ отъ царя(*). / Но такая просьба, какъ незначущій отрывокъ древней татарской свѣси, сколько видимъ мы изъ послѣдующихъ обстоятельствъ, осталось безъ вниманія. Возвращавшійся лѣтомъ 1614 г. изъ улусовъ Иштерека и братьевъ его, посланникъ дворянинъ Иванъ Кондыревъ былъ встрѣченъ въ нижнихъ юртахъ атаманами и казаками, (которыхъ находилось въ сборѣ до 3,500 человекъ) весьма почетно: онъ хвалился государю, что донцы все посольство потчивали сытно, дарили и дали ему провожатыхъ до Шатска(**).

Ожидаемое войскомъ царское „великое“ жалованье, дошло до нижнихъ юртовъ 15 іюня. Его привезъ дворянинъ Опухтинъ. Почетно и радостно встрѣтили сановника царскаго гостя, атаманы и казаки составили войсковою кругъ; въ немъ Опухтинъ по наказу, отъ имени Государя спросилъ войско о здоровьи. Выслушавъ эту рѣчь, какой отъ прежнихъ государей не было, атаманы и казаки поклонились до земли и воскликнули: „дай, Господи, чтобы царь нашъ Михаилъ Ѳедоровичъ здоровъ и счастливъ и многолѣтенъ былъ на своемъ на великомъ государствѣ!!!

Подавъ Государеву грамоту и объявилъ о жалованье, Опухтинъ продолжалъ говорить по наказу, что-бы атаманы и казаки служили царю и о его дѣлахъ промышляли по повѣленіямъ. Весь кругъ отвѣчалъ: „Ради мы служить государю и кровь свою про-

(*) Дѣла Нагайск. Связк. № 4 см. грам. Казыева улуса кн. Баранчезый. 1614 г.

(**) Дѣл. Нагайск. въ столб. 1613—1614 связк. № 5 см. стат. синсокъ послан. Ивана Гаврилова Кондырева.

ливать противъ его недруговъ и измѣнниковъ, покаместъ живы; да не токмо кровь, и до смерти биться, сколько Богъ поможетъ“!

Послѣ этого; прочли грамоту и немедленно велѣли ить молебны во всѣхъ часовняхъ о здравіи царя, съ колокольнымъ звономъ, пушечною и ружейною пальбою.

Для большого величія торжества своего, атаманы приказали поставить среди круга жалованное царское знамя и подъ нимъ положить одного изъ двухъ преступниковъ, приговореннаго войсковымъ кругомъ къ смерти, изъ коихъ одинъ уже былъ повѣшенъ за возмутительныя похвальныя рѣчи о Заруцкомъ, котораго бѣгство изъ Астрахани еще тогда не было извѣстно на Дону. Тутъ многіе казаки стали говорить Опухтину, чтобы онъ „для царскаго имени“, испросилъ у войска помилованіе осужденному болѣе виновному съ простоты, нежели съ хитрости. Свѣдавъ, что подобное избавленіе было сдѣлано при Протасьевѣ и что тутъ находились многіе казаки съ Волги и Яика, некоторыхъ это могло имѣть благое вліяніе, царскій дворянинъ говорилъ въ кругу атаманамъ, что какъ они до пріѣзда его не исполнили своего приговора, то теперь, для ихъ общей радости и въ славу милосердія царскаго, покрывшаго вины всѣхъ возмутителей своею благостію, войско оказало бы пощаду и этому виновному. Въ отвѣтъ Опухтину, весь кругъ воскликнулъ „и сами мы вѣдоемъ что Михаилъ Ѳедоровичъ, царь правды и милости, Богомъ избранъ, и никто ему зла сдѣлать и противиться не можетъ, и будетъ такъ и вѣвѣки“. И помилованъ преступникъ.

Тутъ знатный атаманъ Епифанъ Родилонъ обратился къ прощенному, укорялъ и тазалъ его много, говоря. „Пора придти въ познанье; развѣ не вѣдаете сколько въ Московскомъ государствѣ пролилось крови чрезъ возмутительныя слова вмѣщаемыя въ себя людьми простыми, неразумными, по голову вы ходите въ крови! Нынѣ Богъ, милосердую о родѣ хрианскомъ, далъ намъ царя правды, и вы бѣ, собаки, отъ своихъ золь отстали, а не отстанете, то всѣхъ васъ злодѣевъ, Богъ побьетъ, гдѣ бѣ кто ни былъ“!

Послѣ этого, на раскинутыхъ столахъ и среди городко-

ваго *майдаца* (площади) подчивали хлѣбомъ-солью дворянина царскаго, и всѣ тутъ веселились. Отпировавъ, разѣзжались казаки по своимъ юртамъ. /Пять недѣль жилъ на Дону Опухтинъ, въ ожиданіи возвратнаго пріѣзда посланника Протасьева изъ Царьграда; по развѣданіи же казаками чрезъ азовцевъ, что посолъ пріѣдетъ не скоро, отправился онъ (26 Іюля) съ Дону въ Москву чрезъ Воронежъ (1). Съ нимъ послали Донцы благодарственную отписку къ государю за жалованье, и *накинули** къ его свитѣ для провоза въ Русь (40 душъ плѣнныхъ татаръ) (2).

Въ бытность Опухтина на Дону, сдѣлали набѣгъ на Смагинъ юртъ крымцы и ногайцы для отбитія плѣнныхъ своихъ татарокъ. Они подкрадывались подъ городокъ *камышами*, раздѣляясь на двѣ части. Одна изъ 130 человекъ, подъ начальствомъ Кара-Климъ Богатыря, должна была выманивать казаковъ изъ городка, а другая часть изъ 300 человекъ, скрывшаяся въ камышахъ, — ударить послѣ прямо на казачьи курени. Не дошедъ до городка, передовые изъ 130 наѣзтниковъ, наткнулись на сторожевыхъ казаковъ и завязали перестрѣлку. По этой тревогѣ атаманъ быстро послалъ однихъ казаковъ въ судахъ, перерѣзать татарамъ возвратный путь на устьѣ р. Аксая, а другихъ направилъ на нападающихъ. Открылась драка сильная и казаки одолѣли татаръ, такъ что всѣхъ 130 человекъ побили и лошадей ихъ поймали. Въ дракѣ этой участвовалъ и самъ Опухтинъ съ Воронежскими казаками, бывшими провожатыми у него (3).

Государь, весьма безпокоился неизвѣстностію положенія своего посольства въ Царьградѣ. — Лишь онъ только получилъ наскоро отправленное свѣдѣніе (въ августѣ) отъ воронежскаго воеводы князя Ахамашукова — Черкаскаго, о пріѣздѣ туда съ Дону дворянина Опухтина и о содержаніи везенной имъ войско-

(1) Дѣл. турецкія въ столб. 1614 г. смотри распросы рѣчи дворянина Ивана Опухтина.

(2) Тѣхъ же дѣл. см. отписку Донскихъ казаковъ, привезенную Опухтинъ въ Москву 28 сентября 1614 г.

(3) Дѣл. турец. въ столб. 1614 г., см. вышепривед. распрос. рѣчи двор. Ивана Опухтина.

вой отписки, въ которой, между прочимъ, говорили казаки, что „у нихъ ежедневныя вѣсти изъ за моря въ Азовъ, а изъ Азова на Донъ; что въ Азовъ у нихъ есть прикормленныя люди для государственныхъ дѣлъ и всякихъ вѣстей“ (4), немедленно послалъ изъ Москвы дворянина Ададунова, для встрѣчи, посольствъ на Дону и провожанья ихъ до столицы. Ему велѣно было, если послы не приплывутъ въ осень, зимовать въ Воронежъ и оттолъ ссылаться съ казаками о времени приѣзда своего на Донъ. Съ Ададуновымъ отправленъ былъ нарочнымъ легкой станицы атаманъ Ивановъ съ грамотою на Донъ. Ею царь поручалъ войску послать въ Азовъ: „молодца добраго, вѣрнаго и досужаго“ (искуснаго), который умѣлъ бы говорить по-татарски, чтобъ провѣдать вѣсти, нужныя для государственныхъ и земскихъ дѣлъ:

а) Протасьевъ отпущенъ ли изъ Царьграда, и съ чѣмъ султанъ отпустилъ его?

б) Честно ли принято было и честно ли отпущено посольство, и гдѣ оно теперь?

в) Съ протасьевымъ отправилъ-ли султанъ своего посла и для чего отправилъ?

г) Если султанъ не отпустилъ русское посольство, то для чего задержалъ?

д) Нѣтъ ли у султана замысловъ овладѣть Астраханью?

е) Нѣтъ ли у султана съ ногайскимъ княземъ Иштерекомъ и съ мурзами Большаго Ногай сношеній, и если есть, то о чемъ, и заклады Иштерекъ далъ ли султану? и если далъ, то для чего?

ж) Въ какихъ отношеніяхъ находятся нынѣшній крымскій ханъ (тогда былъ Джанъ-Бекъ-Гирей) съ турецкимъ султаномъ, и проченъ ли онъ впередъ на своемъ ханствѣ, или султанъ намѣренъ переменить его, и если переменить, то кого назначить ханомъ?

---

(4) Дѣл. турец. въ столб. 1614 г. см. отписку Донск. казак. привезен. въ Москву Ивановъ Опухтинимъ 28 сентября 1614 г.

з) Въ какихъ отношеніяхъ находятся теперь султанъ съ польскимъ королемъ—въ мирныхъ, или въ военныхъ и если въ мирныхъ, то начемъ помирились и вѣчный ли миръ заключили, или перемирье?

и) Кто владѣеть теперь Валахіею и Молдавіею и въ передъ кому владѣть—султану, или королю польскому?

і) Султанскіе послы и посланники у польскаго короля, а королевскіе послы и посланники у султана есть ли теперь, и для чего они пересылаются послами? (5).

Многіе изъ этихъ вопросовъ о русскомъ посольствѣ, о послѣ турецкомъ и о ногайцахъ отчасти рѣшались отпискою, посланною съ Опухтинымъ, въ которой казаки говорили, что Протасьевъ уважается султаномъ болѣе всѣхъ пословъ иныхъ государствъ; что отъѣздъ его изъ Царьграда будетъ поздно, подь зиму съ послѣднимъ судовымъ корованомъ, зимующимъ въ Азовѣ; что съ Протасьевымъ султанъ отправляетъ и своего посла; что о ногайцахъ и о султанѣ они извѣщали Опухтина, а онъ писалъ о томъ въ Москву съ толмачемъ Айдаромъ-Сафроновымъ. Окончательно же о первыхъ вопросахъ говорили казаки въ отпискѣ 21 октября посланной къ Государю въ легкой станицѣ съ атаманомъ Вострою-Иглою, что посолъ русскій отпущенъ султаномъ съ великою честію; что съ нимъ ѣдущій турецкій посолъ называется Чаушъ-Алей; что они уже теперь въ Кафѣ (6). Какъ были рѣшены всѣ остальные вопросы, (а они не примѣнно были рѣшены, по большому искусству старинныхъ Донцовъ проникать въ кабинетныя тайны) время утратило для насъ свидѣтельство.

Въ присланной на Донъ съ атаманомъ Вострою-Иглою грамотѣ (8 октября 1615 г.), царь „похваливъ“ усердіе казаковъ по исполненію его велѣній и общая впередъ держать въ своемъ желованье „навѣки неподвижно“, требовалъ, что когда изъ Азова посольства придуть въ юрты, то имъ сдѣланъ

---

(5) Дѣла турец. въ столб. 1614 см. Царск. грам. на Донъ въ сентябр. 1615 год.

(6) Дѣла тур. въ столб. 1614 г. см. грам. на Донъ 8 октяб. 1615—1614 гг.

былъ бы приемъ честный и въ дорогѣ охраненіе. (7) Другою же грамотою въ слѣдъ за первую (26 октября) повелѣвалъ, что если посольства зазимуютъ въ юртахъ, то казаки довали бы имъ всякой кормъ, покуная гдѣ что можно, особенно для султанскихъ пословъ, дабы они ни въ чемъ нужды и стѣсненія не видѣли (8). Въ позднюю осень приплыли посольства въ Азовъ и оттуда немедленно перешли въ донскіе юрты. Съ великою честію встрѣтили и приняли ихъ казаки. Какъ равнымъ разливомъ тогда прекратился путь съ Воронежемъ, то и остановились они здѣсь. Черкасскій городокъ былъ мѣстомъ зимовки русскихъ пословъ и султанскихъ — Адея-Чауша и Велія-Чауша. Турки веали къ Михаилу Ѳедоровичу грамоту поздравительную совступленіемъ на престолъ и съ увѣреніемъ въ вѣчной, братской, неизмѣнной дружбѣ и любви, въ готовности помогать Россіи противъ недруговъ ея и въ желаніи имѣть не прерывныя сношенія съ Москвою (9). / Черкасскій городокъ, этотъ бѣдный воинскій станъ, въ первыхъ дняхъ далъ знать прихотливымъ восточнымъ паредворцамъ своими житейскими припасами, что онъ не Царьградъ. — Они съ неудовольствіемъ обратились къ Протасьеву о не сладкомъ кормѣ, присовокуцая, что когда онъ былъ въ турціи, то его встрѣчали не такою пищею и питьемъ. Протасьевъ извинялся, что „здесь поле“ „что здѣсь живутъ люди вольные, своею волею, и ѣдятъ рыбу да траву“, однакожъ принужденъ былъ занимать деньги у казаковъ и укупцовъ азійскихъ, шедшихъ съ товарами въ Москву, и покупать въ Азовѣ продукты, какихъ хотѣли гости. Но для Донскихъ атамановъ, по этому пребыванію пословъ, открылось другое безпокойство, важнѣйшее, нежели затрудненіе въ продовольствіи. Въ самый пріѣздъ пословъ въ Черкасскій городокъ, многіе изъ числа находившихся на Дону запорожскихъ черкасовъ, отиравились тайно отсель — одни въ Запорожье, а другіе въ Литву, почему Донцы и по-

(7) Дѣла турец. въ столбц. 1614 г. смот. Цар. грам. на Донъ 8-го октября 1615 г.

(8) Тѣхъ же Дѣлъ см. Цар. грам. на Дон. 26 октябр. 1615 г.

(9) Дѣла турецкія въ столбц. 1615 г. № 2 см. Цар. грам. на Донъ при-
везен. послан. Петромъ Мансуровичъ и Дьякомъ Самсоновичъ.

дозрѣвали нѣтъ ли умысла у черкасъ подговорить буйныхъ въ заповоржѣ и напасть весною на посольства, когда они будутъ ѣхать до Воронежа, тѣмъ болѣе, что турецкія послы „ославились“ большою при себѣ казною. По этой причинѣ донскіе атаманы немедленно обратились къ атаману заповоржскихъ черкасъ Якову Шеховничему, (который жилъ здѣсь) съ допросомъ: не извѣстно ли ему чего о зломъ умыслѣ заповоржцевъ Шеховничій отвѣчалъ, что онъ стоитъ за честность оставшихся съ нимъ черкасъ, а за тѣхъ, какіе ушли, онъ не ручается „люди они вольныя отъ нихъ надобно крѣпко беречься (10). Зима прошла спокойно. Со вскрытіемъ весны, Одадуровъ, по предворительному извѣщенію казаковъ, пріѣхалъ съ ратными людьми изъ Воронежа, для принятія пословъ, которыхъ казаки и проводили отъ себя почетно, давъ имъ правожатыхъ до Воронежа. Среди распоряженій о проѣздѣ пословъ, открылась необходимость и въ опредѣлительномъ устройствѣ сношеній съ донцами. Прежде переписка съ ними Московскаго Правительства производилась, большею частію, по *разряду*; но теперь царь указалъ завѣдывать Донскими дѣлами одному *приказу посольскому* (11), которому принадлежали сношенія со всѣми иностранными народами. Догадываемся, что затрудненія въ довольствіи пословъ, встрѣченныя среди городковъ казацкихъ, дали мысль разумнымъ атаманамъ Смагъ Степанову Чершенскому, Ѳодору Татарѣ и Епифану Родиллову, изыскивать средства къ улучшенію внутренняго войсковаго быта. Видя милостивое распоряженія Царя они посудили о своей нуждѣ, въ войсковомъ кругу, и кругъ рѣшили: просить о дарованіи казакамъ открытаго права *на свободную и безошленную торговлю*. Нарядили большую станицу въ Москву изъ лучшихъ атамановъ Исая Мартемьянова, Василія Чернаго и Семена Смуригина со многими казаками, и вручили

(10). Дѣла турецк. въ столб. 1614 г. см. отвѣску Ивана Одадурова привезен. въ Москву 6 Январ. 1615 год.

(11) Дѣл. тур. въ столб. 1614 г. см. Цар. грам. на Дѣлъ въ сентяб 1615 г. послан. съ Одадуриемъ и Атам. Денис. Ивановымъ.

ей войсковую челобитную къ царю о томъ, что „они (казаки) великому государю служатъ: по шляхамъ (дорогамъ) разъѣзжаютъ, по перовозамъ лежатъ, ясырей отграмливаютъ и проводятъ ихъ въ царскіе украинные города душъ по-ста и подвѣсти, нанимая для провоза ихъ суда съ гребцами и покуная хлѣбъ для пропитанія; Царскихъ пословъ и посланниковъ, ѣдущихъ въ Царьградъ и въ большіе и малые ногаи, встрѣчаютъ и провожаютъ: то, Государь, за такія ихъ службы, пожаловать бы велѣлъ выходить имъ (казакамъ) въ украинные города со всякими товарами какіе они добываютъ, по-волью и что-бы при продажѣ отъ воеводъ и приказныхъ людей налога и насильствъ ни въ чемъ не было.

Просьба эта принята милостиво, уважена. Государь (въ сентябрь 1615 года) далъ Войску „жалованную грамоту за красною своею царскою печатью“, въ которой сказано: „мы, васъ, атамановъ и казаковъ, за ваши многія къ намъ службы пожаловали—дозволили Вамъ въ наши украинные города со всякими товарами и безъ товаровъ къ *родимцамъ* (къ роднымъ) вашимъ ѣздить и съ ними видѣться по-волью и торговать всякими товарами. По городамъ къ Воеводамъ нашимъ и всякимъ приказнымъ людямъ отъ насъ писано, чтобы они вамъ и товарищамъ вашимъ насильствъ недѣлали и ни у кого ничего сильно небрали. А съ тѣхъ ввозимыхъ вами товаровъ пошлинь брать, за вашу службу, не велѣли“ (12). Эта грамота была первая полученная донцами отъ государей въ такомъ содержаніи и видѣ но время утратило ее для ихъ потомства.

Изстари донцы были въ пріязни и связяхъ съ запорожскими черкасами, какъ съ людьми одного историческаго начала, образа жизни и духа, о чемъ объяснили мы въ первомъ періодѣ, хотя никогда не раздвляли съ ними дружбы искренней считая ихъ невѣрными въ словѣ. Несмотря, однакожъ на это черкасы, послѣ общихъ морскихъ походовъ съ донцами на турокъ и крымцевъ, въ концѣ XVI вѣка засѣли на Дону въ нижнихъ юртахъ.

(12) Дѣл. турецкіе въ столб. 1615 г. № 2 свот. Царск. грам. 1615 г. Сент. дѣл

Ихъ селитбы имѣли своихъ атамановъ, какимъ былъ и вышеупомянутый Шеховничій и назывались черкасскими; но не составляли особыхъ юртовъ, потому что Донцы считали пребываніе ихъ безъ владычнаго права на мѣстность, кромч—черкасы уравнивались съ донцами въ боевыхъ трудахъ, добычахъ и имѣніяхъ, но ихъ городковая особность въ жизни не уравнивалась съ городковою (юртовою) особностію донцовъ. Это не родные дѣти здѣшняго казачества, но приемыши.

Въ послѣдствіи съ каждымъ годомъ связи запорожской и донской общинъ скрѣплялись болѣе и болѣе и дѣлались обширнѣе, особенно когда Московскіе мятежи свели ихъ на-долго вмѣстѣ. Не бывъ зависимы безусловно отъ Польши, Запорожскіе черкасы свободно располагали своимъ удальствомъ своими услугами и скитаясь изъ Польши на Донъ и отсюда въ Польшу, какъ вздумалось теперь многіе изъ подъ знаменъ Сигизмунда входили въ союзъ съ Донцами, не слушаясь его призванія къ вооруженію на Россію. При такихъ отношеніяхъ обихъ казацкихъ общинъ Днѣпровской и Донской. Не ожиданное, тайное бѣгство Черкасъ осенью съ Дону (о которомъ сказали мы выше), и слухи о большомъ сборѣ ихъ на Днѣпрѣ весной 1615 г., (до 4,000 челов.), для отправления будто бы къ Азову (13), наведо донцовъ на сильное подозрѣніе: не имѣютъ ли Днѣпровцы какого непризнаннаго замысла на здѣшніе городки. Сборъ этотъ привелъ даже и Крымъ въ большую тревогу: самъ Колга вышелъ изъ Перекопа съ 5,000 войска въ поле, для охраненія Царства (14). Не оставляя догадки безъ объясненія, донскіе атаманы, въ мартѣ отправили на Днѣпръ въ Сѣчу полномочную дружину свою казаковъ Трубникова и Слѣнова удостовѣриться въ мысляхъ запорожцевъ и договориться о мирѣ. Днѣпровцы рѣшительно объявили, что они не нарушаютъ мира съ донцами; но и донцы не должны дѣлать имъ задора; что намѣреваются итти къ Азову,

(13) Дѣл. Крымц. въ столб. 1615 г., № 2 см. статей. списокъ Посасѣйтчева и Нестерова.

(14) Смотр. тотъ же стат. списокъ. послон.

чего, однакожь, не совершилось, Договоръ этотъ былъ извѣстенъ Москвѣ, чрезъ посыльнаго съ Дону (15).

Вскорѣ послѣ этого запоржскіе черкасы, отказавъ Сягизмунду въ требованіи его воевать Русскую землю, звали съ Дону атамановъ или лучшихъ казковъ для „доброга“ совѣта о принятіи посредничества въ примиреніи польши съ Россією, съ тѣмъ чтобы написать королю, что ежели онъ не войдетъ въ дружбу съ царемъ Михаиломъ, не покинетъ Смоленскъ и не выведетъ войскъ своихъ изъ областей русскихъ то они, соединенно, должны поднять на него оружіе (16). Не знаемъ, чѣмъ кончелось это славное предположеніе, но видимъ что оно было вступленіемъ къ событіямъ той жестокой борьбы Малороссіи съ польшею, которая вскорѣ (1617) г.) открылась за притѣсненія въ вѣроисповѣданіи.

Лихія азовцы, начавъ задираться съ донцами еще въ пріѣздъ Онухтина, не уставали въ наѣздахъ, ни осенью, ни зимою, не прерывно продавая ихъ, какъ бы въ насмѣшку казацкаго терпѣнія. Даже вскорѣ по приходѣ посольствъ на зимовку въ городокъ Черкасскій, приступали они къ тремъ ближайшимъ городкамъ и едва было ихъ не взяли, но были отбиты; зимою же подбѣгали „къ лучшему городку“ (вѣроятно Монастырьскому и тутъ жестоко дрались съ козаками. Сохрняя съ своей стороны мирный договоръ противъ сосѣдей вѣроломныхъ и обѣщаніе Царю не задирать ихъ, доколѣ пройдутъ посольства, донцы сносили обиды. Но когда; со вскрытіемъ весны 1615 г. уѣхали отсюда послы, тогда сознаніе Донцами собственнаго „молодечества“, одного изъ трехъ основныхъ, могущественныхъ элементовъ казацкой жизни, не всилахъ было долѣе подчинять себя терпѣнію. Миръ розорванъ (17). Мщеніе закинуло со всею

(15) Дѣл. тур. въ столб. 1615 г., № 3 смотр. распросные рѣчи Донск. каз. Елистрата Савина мая 20 1615 г.

(16) Тѣхъ же дѣлъ въ столб. 1615 г. № 3 см. отписк. Воровежскаго воеводѣ Никиты Борятинскаго.

(17) Дѣл. турец. въ столб. 1615 г. № 3 см. отписку послан. Мансурова на Догъ каз. Декабр. 17. 1615 г. и распросн. рѣчи Донск. казак. Елистрата Савина 20 мая 1615 г. въ поссл. приказѣ.

силою бурной отваги. На коняхъ по стенамъ и на стругахъ по морю полетѣли Донцы громить владѣнія Султана.

Одни разоряли предмѣстія Азова, отгоняли стада; другіе били рыбалововъ и промышленниковъ турецкихъ въ устьяхъ Дона и въ устьяхъ р. Міуса, напали на берега Крыма, близъ Кафы, (18), и на Черномъ морѣ соединились съ запорожцами (которыхъ вышло туда по Днѣпру на 40 стругахъ до 2000 человекъ) грабили и разоряли побережныя селенія (19). Такъ было на Дону. А Варшава по общему волненію всей польши по безденежью, по не послушанію войска за недоплаченное жалованье въ прежнемъ московскомъ походѣ и по распрѣ конфедерацій съ королемъ, не приступая къ рѣшительной борьбѣ съ Москвою, около трехъ лѣтъ занимала ее переговорами и судомъ цесаря Матеія, наконецъ, по усиленной просьбѣ Сигизмунда сеймъ варшавскій предположилъ послать въ Россію войско подъ главнымъ начальствомъ королевича Владислава, чтобъ возвестъ его на царство силою оружія, и это поставило Москву въ положеніе весьма безпокойное, затруднительное. При томъ Сигизмундъ, увлеченный своею мечтою не перестовалъ хвататься за всякія средства: въ Царь-градѣ былъ посломъ его пронырливый Кахановскій; погибель Заруцкаго старался онъ замѣнить Ногайскимъ Квиземъ Иштерекомъ, съ которымъ завелъ посольскія сношенія и подкуналъ его деньгами и подарками, чтобъ дѣлалъ набѣги на русскія украины или на Крымъ союзный тогда съ Москвою. Хотя, впрочемъ, отъ Иштерека Сигизмундъ немогъ получить большой услуги, потому что этотъ татарскій владыка, въ правилахъ своихъ, какъ описывалъ его тогда же другой татарскій владыка Крымскій Ханъ Джанъ-Бекъ-Гирей Царю Михаилу, былъ „похожъ на вѣтеръ“ безпрестанно лукавилъ и „перекидывался“ дружбою то къ крымцамъ, то

(18) Дѣл. крымск. въ столбц. № 6 см. отписку къ Царю послан. Федора Челюбзина и Данилова и Дѣл. турец. въ столбц. 1615 г. № 4 смотр. стат. список. послан. Мансурова и Самсонова.

(19) Дѣл. тур. въ столбц. 1615 г., № 3. см. выше приведен. распресаме рѣчи казака Савина и выше приведен. статей. спис. Мансурова.

къ Россіи, то къ Польшѣ, то къ персамъ (20). Къ тому-жъ, Сигизмунду, въ сношеніяхъ его съ Интерекомъ, кочевавшимъ въ сосѣдствѣ съ донцами, по рр. Манычи и Кумъ (21), казаки весьма вредили; одинъ разъ подстерегли польскихъ пословъ отбили у нихъ все, что было везено къ Интереку, деньги и многія даянны (22). Въ такихъ обстоятельствахъ Царь счелъ необходимымъ (въ 1615 г.) отправить къ султану новое посольство, для склоненія его помогать Россіи противъ польши. Дворянинъ Мансуровъ и Дьякъ Самсоновъ на ружены послама. Съ ними ѣхали обратно султанскіе Чауши Алей и Веліа въ сопровожденіи Донскій станицы съ атаманами Мартемьяновымъ, Чернымъ, Рѣвчуковымъ и другими; съ ними же посламо было на Донъ и Царское жалованье (23). Впередъ съ извѣщеніемъ объ этомъ отправленъ изъ Москвы на Донъ Атаманъ Смуригинъ. Хотя и предполагалось, что бы посольство успѣло отплыть изъ Азова до зимняго времени, но какъ оно пріѣхало въ Воронежъ 1-го Ноября а зима стала рано, то и принуждено было зимовать тамъ. Мансуровъ и Самсоновъ, извѣщая Донцовъ о своей остатковъ, просили, чтобы до пріѣзда посольства весною въ Нижніе юрты они замирились съ Азовцами къ устроненію всякой задержки послама въ дальнѣйшемъ пути; чтобы уведомили Азовскаго Али-Бѣя о приготовленіи къ веснѣ хорошаго корабля для отплытія пословъ въ Царьградъ. Кромъ этого, говорили, чтобы о всѣхъ вѣстяхъ, какіе собраны про замыслы Крымцевъ, Ногайцевъ Кумыевъ, Улуса, Черкасъ Запорожскихъ и Азовцевъ; послали казаки отписку Государю съ своею станицею вѣсть съ посольскими нарочными, имѣющими возвратитъ въ Воронежъ (24). Донцы, немедленно отправивъ

(20) Дѣл. Крѣм. во столб. 1615 г., № 4. см. грам. Крѣм. Хана Джалъ-Бекъ-Гирей къ Михаилу съ посл. Магмет. Ослоу.

(21) Дѣл. Ногайск. въ столб. 1613 г., № 10 въ связк. № 5 смот. стат. список. Замѣна посольнаго въ 1615 г., въ Большой Ногай.

(22) Дѣла Крымск. въ столб. 1615 г., № 2 см. Донск. и Русскіе послама. Сившинева и Несторова.

(23) Дѣла турец. въ столб. 1615 г., № 2-я см. грам. Цар. на Донъ 1615 г. мѣсяц. и числа неизвѣст. посл. съ Мансуровымъ и Самсоновымъ.

(24) Дѣла тур. столб. 1615 г., № 3, смот. отписк. на Донъ послама. Мансурова и Самсонова декабря 17.

въ Москву вѣстовую станицу, отвѣчали Мансурову, что Азовцы сами задираютъ ихъ, а когда послы прїѣдутъ въ юрты, то казаки проводятъ ихъ въ Азовъ.

Въ началѣ мая (1616 г.) приплыли Дономъ послы въ Нижніе юрты. Ихъ встрѣтали атаманы и казаки радостно и совсѣми почестями, по обряду; приняли Царское жалованье. Немедленно стали ссылаться съ Азовцами о перемирьѣ. — По обычаю, при заключеніи перемирья Азовцы, каждый разъ, давали на Войско котлы, сѣти рыболовныя и соль. Теперь Донцы требовали еще выдачи трехъ „молодцовъ“, своихъ попавшихся въ плѣнь. Азовцы сказали: „выдать молодцовъ не можно, это противъ обычая, „и перемирье не установилось. Не смотря, однакожь, на это, посольства были проведены казаками въ Азовъ съ почестію. Но Азовскій Али-Бей дѣлалъ разные упреки Мансурову и Самсонову за казаковъ, конечно, и по повелѣнію своего Правительства, ибо въ прежнее время начальники Азова сами собою не смѣли поступать такъ при томъ настаивалъ, чтобы посланники склонили казаковъ къ миру и медаль отпускомъ ихъ въ Царьградъ. Всѣ возраженія Мансурова были безуспѣшны, а время уходило, Азовцы же между тѣмъ продолжали набѣги и грабежи: на Мертвомъ Донцѣ (9 іюня) поймали они сторожевыхъ 26 казаковъ и атамана Митюю Лисиникова; привели ихъ въ Азовъ. Тутъ, по приказанію Али-Бея, при дѣлѣ этихъ плѣнниковъ многихъ изъ нихъ подвергли ужасной пыткѣ: у самого Лисиникова вырѣзали со спины ремень, и такъ вымучили у него и у казаковъ признаніе о присланномъ на Донъ съ Мансуровымъ Царскомъ жалованьѣ. Потомъ истерзаннаго Лисиникова, повѣсили, на мачтѣ корабля, который назначенъ для пословъ. Прочихъ плѣнниковъ казаковъ „лучшихъ“ отправилъ Али-Бей въ Царьградъ, какъ языковъ; а другихъ молодыхъ, распродалъ. Мансуровъ, считая безчестіемъ Русскому посольству вѣхать на корабль, на которомъ повѣшенъ Лисиниковъ не согласился сѣсть на него. Али-Бей отозвался, что плѣнный повѣшенъ безъ его вѣдома и замѣнилъ этотъ корабль другимъ.

Пять недѣль прождали посланники въ Азовѣ. Али-Бей объявилъ имъ, что до заключенія перемирья онъ ни какъ не отпуститъ ихъ. 14 іюня, Донцы, по прошенію Азовцевъ и въ слѣдствіе повелѣній Царскихъ, сошлись на перемирье. Войсковой Атаманъ Чершенскій выслалъ къ Азову полномочныхъ Атамановъ: Черного, Стородуба и Болдыря. Тутъ, по утвердившемуся обычаю, Донцы взяли аманата и привели къ шерти лучшихъ Азовцевъ, в Азовцы привели къ крестному цѣлованію за все Донское Войско атамана Черного съ товарищами. Перемирье положено на томъ, чтобъ Донцамъ съ Азовцами, а Азовцамъ съ Донцами жить смирно и задоровъ другъ другу не дѣлать покаместъ Мансуровъ и Самсоновъ изъ Царь-Града обратно въ Азовъ придутъ (25). Послѣ этого, скоро, отправились послы и прибыли въ Царьградъ 23 іюля (26). Всегда вѣроломные въ договорахъ Азовцы не долго жили мирно и теперь снова начали врываться въ Донскіе юрты, напали на передовой „остроужекъ“ Смагинъ и въ немъ всѣхъ казаковъ побили. Похватавъ въ плѣнъ по разнымъ мѣстамъ до 50 казаковъ всѣхъ ихъ позорно казнили наплошадѣ въ Азовѣ (27). Кромѣ того, Азовцы многими шайками, вмѣстѣ съ Ногайцами Малой Орды стали ходить по украиннымъ мѣстамъ Россіи, грабить города и селенія и забирать въ плѣнъ людей (28). Закипѣло мненіе у Донцовъ сильнѣе прежняго. Жестоко обиженные позорною смертію собратьевъ, они, какъ хищные птицы, полѣтели на жилища турокъ. Одни рѣзали людей водъ Азовомъ и на Міусѣ; другіе, плавая по Азовскому заливу, сшибались съ турецкими каторгами и кораблями и, разбивая ихъ, недопускали къ городу. Осенью (1616 г., Донцы

(25) Дѣл. турец. въ столб. 1615 г., № 4-й см. Стат. Спис. послан. Мансуров. и Самсон.

(26) Дѣл. турец. въ столб. 1616 г., № 1, см. Цар. грам. на Дон. 29 іюля 1617 г.

(27) Дѣл. Крымск. въ столб. 1615 г., № 1 (1617 г.) смот. перегов. Крым. посл. Атшета Казифа съ Думнымъ Дьякомъ Третьяков. 1617 г. и Дѣл. турец. въ столб. 1616 г., № 1 смотр. распр. рѣш. въ Москвѣ Донск. атам. Ренчукова съ товарищами.

(28) Дѣл. турец. во столб. 1616 г., № 1 см. отписку Донскихъ казаковъ привезен. въ Москву 1 августа 1617 г.).

на 50-ти стругахъ (до 2,000 ч.) пустились въ Азовское море. Тамъ соединились съ запорожскими Черкасами, перетенувшими нательгахъ свои струги чрезъ степи къ Молочнымъ Водамъ и на Мисъ въ числѣ 1,000 челов.; плавали они по Черному морю и ходили на Синовъ и Трапезонть, опустошили посады этихъ городовъ, набрали соли и рыбы, опустошили также и многія другія побережныя селенія (29).

Ненависть религіозная и кровавая, сосѣдственная неприязнь Азовцевъ заставила ихъ клевету на Донцовъ обратить себѣ въ постоянное, народное правило, въ обычай. И теперь Али-Бей не упустилъ случая послать своему Правительству донесеніе о казакѣхъ исполненное лжи: онъ представилъ, что Азовъ, по отъѣздѣ посланниковъ, сдѣлалъ перемирье съ Донцами съ платою сверхъ котловъ и сѣтей еще 1,000 золотыхъ; но они получивъ деньги, клятву нарушили. Еще прежде этого донесенія, диванъ какъ повято изъ хода дѣла рассчитывалъ уже, что теперешнее положеніе Москвы, отъ вражды варшавской есть благопріятное время для Порты на усилъхъ въ старыхъ притязаніяхъ ея о присоединеніи къ Турціи Казани и Астрахани, за просимую помощь Россією, почему притязанія эти онъ и обнаружилъ въ переговорахъ. И такъ эта мысль была дѣйствительно причиною затѣливыхъ изворотовъ сановниковъ Порты въ объясненіяхъ съ русскими послами, противныхъ тѣмъ дружественнымъ увѣреніямъ султана, о какихъ писалъ онъ въ первой грамотѣ къ Михаилу, и выставленіе поведенія Донцовъ главнымъ предметомъ не согласія на помощь противъ Сигизмунда Мансурова и Самсонова въ Царь-Градѣ не честили, на ихъ слова о помощи сановники Порты ставили упреки за казацкія наѣзды на турецкія владѣнія и настоятельства, какъ водилось прежде, о согнаніи казакъ съ Дона. Русскіе послы отвѣчали тоже, какъ водилось прежде дипломатическою поговоркою: „Донцы люди вольные, непослушныя“. Но тутъ же прибавляли о безпристанныхъ разо-

(29) Дѣл. турецк. въ столб. 1615 г. № 4, свѣд. стат. сисл. послан. Мансурова и Самсонова, и тѣхъ же дѣл. въ столб. 1616 г. № 1 св. распр. рѣш. въ Москв. Атаман. Рентукова и другихъ.

реніяхъ, наносимыхъ украиннымъ городамъ Россіи набѣгами Азовцевъ, Крымцевъ и Ногайцевъ и заключали, что если султанъ уйметъ этихъ людей, то и Русскій Царь прогонитъ казаковъ съ Дону. Чтобъ дать видъ большей справедливости своему отказу, Порта затянула хитрыя переговоры вдаль пустыми обреченіями. Визирь Ахметъ-Паша, грубо называя „обманомъ“ начальные увѣренія Русскихъ пословъ, „что казаки находятся въ мирѣ съ Азовцами“. — Мансуровъ и Самсоновъ, удивляясь этому, твердо говорили, „что перемиріе дѣйствительно состоялось при насъ и скрѣплено обоюдными клятвами, а слухомъ, будтобы казаки нарушили миръ, они не даютъ вѣры“. — „Хорошо бы было“, продолжалъ Визирь, „Донскихъ казаковъ *взять вамъ себѣ на души*“ (т. е. поклясться за нихъ и поручиться); тогда дружба между Государями утвердилась бы, а въ инакомъ случаѣ помощи отъ султана не ожидайте, да и дѣлать ее не для чего; даже и отпуска вамъ отъ нашего Государя не будетъ. А на казаковъ султанъ намѣренъ послать большое войско, чтобы всѣхъ ихъ побить и юрты разорить; и это, конечно, не будетъ пріятно вашему Государю“. — При этомъ Русскіе послы отозвались отрицаніемъ о защитѣ казаковъ. Тутъ Алей-Паша указалъ, (какъ на доказательство о покровительствѣ Русскаго Царя Донцамъ) на привезенное самими же послами, Мансуровымъ и Самсоновымъ, Царское жалованье: порохъ, свинецъ и прочее, добавляя, что чрезъ такія пособія въ боевыхъ запискахъ казаки и плаваютъ безпрестанно по морямъ, нападаютъ на корабли и катерги и на города побережныя. Послы оправдывали это тѣмъ, что жалованье съ ними прислано казакамъ не большое и собственно за услуги ихъ, что оберегаютъ Россійскія украинны отъ набѣговъ Ногайцевъ, что кормили цѣлую зиму въ своемъ городкѣ русскаго посла Протасьева и султанскихъ Чаушей совсѣмъ живыми людьми; что провожали посольства до Воронежа съ честію и берегли ихъ въ дорогѣ отъ Ногайцевъ и Черкасъ запорожскихъ. На послѣдокъ, сановники Порты домогались, что бы Мансуровъ и Самсоновъ написали къ Донцамъ изъ Царьграда о замиреніи съ

Азовомъ; но послы сказали, что писать имъ объ этомъ „*неприлично*“. И такъ, сколько русскіе не старались склонить Порту въ пользу ихъ отечества, турки говорили одно: „удалите казаковъ съ Дону (30). И пословъ удерживали въ Царьградѣ. Не однаъ разъ принуждены были они вести такіе переговоры. Перемѣна Визиря Ахмета новымъ Вазиремъ Халилемъ заставила ихъ повторять все то-же съ послѣднимъ, что говорили съ первымъ (31).

Свѣдавъ о такомъ положеніи посольства, Московское Правительство, (въ ноябрѣ 1616 г.) отправило въ Царьградъ дополнителныя статьи Наказа Мансурову и Самсонову и грамоту отъ Царя къ султану съ служилымъ татаринимъ Исеневымъ. Ему велѣно вѣхать чрезъ Крымъ, а не чрезъ казачьи юрты, съ тою цѣлію, что-бы представить глазамъ дивана не послушаніе казаковъ до-того безмѣрнымъ, будто бы они уже и посольныхъ Москвы не пропускаютъ до Азова. Грамотою Царь увѣрялъ султана, что морскіе наѣзды производятъ большею частію Запорожцы по наставленію Сигизмунда, желающаго воспрепятствовать согласію Россіи съ Портою; что онъ, король, внушалъ буйнымъ Запорожцамъ сдѣлать участниками въ набѣгахъ и Донскихъ казаковъ, которые дошли теперь до ослушанія. Въ заключеніе, просилъ султана— „*поразсудить*“ о всемъ этомъ, неимѣть „досады“ на Россію, не задерживать ея пословъ и прислать въ Москву своего съ дружественными отношеніями (32). Въ дополнителномъ наказѣ посламъ велѣно говорить такіе же рѣчи какъ и въ грамотѣ. Они, объясняясь съ визиремъ, указывали на Исенева, который былъ очевидцемъ движеній Запорожцевъ, и проѣздомъ чрезъ Крымъ многое слышалъ отъ Паши Кафинскаго о ихъ набѣговъ (33). Несмотря на все это, послы попрежнему задерживались въ Царьградѣ.

(30) Всѣ эти подробности взяты изъ вышеприведенныхъ статейныхъ списковъ послан. Мансур. и Самсонова, смот. Дѣл. тур. въ столбц. 1615 г. № 4 и Дѣл. Крымск. въ столбц. 1618 г. № 3 см. статейн. спис. русскихъ пословъ въ Крым. Ладженскаго.

(31) Дѣл. тур. въ столбц. 1616 г. № 1 см. Цар. грам. на Дону 29 іюля 1617.

(32) Дѣл. тур. въ столбц. 1616 г. № 1 см. Дополнит. статьи пос. Мансур. и Самсонов. отправлен. въ ноябрѣ 1616 г., съ гошц. татарин. Исенева и вышеупомянут. грам. къ Султану.

(33) Дѣл. тур. въ столбц. 1616 г. № 1 см. грам. къ султану въ іюль 1617 г.

Между тѣмъ не разъ писана изъ Москвы къ Донцамъ о замиреніи съ Азовцами; даже посланъ былъ къ нимъ для этого дворянинъ Кисленскій. Казаки не разъ отписывали о своей готовности къ миру, но тутъ же объясняли, что Азовцы сами къ тому не склоняются и безумолку набѣгаютъ на ихъ юрты (34). И по наступленіи 1617 г., драки Азовцевъ съ Донцами не прекратились. Туркамъ посчастливилось подкрасться подъ Донскіе зимовища и съ сжечь ихъ и при этомъ забрать въ плѣнъ и многихъ казаковъ (35). Донцы не оставили обиды безъ отмщенія. Съ первымъ открытіемъ весны до Пасхи 700 удалцевъ ихъ (гулящихъ казаковъ) съѣло на струги и погребло въ море. Разѣзжая по Азовскому заливу они напали на турецкихъ рыболововъ, потомъ выплыли въ Черное море, и тамъ разбили семь турецкихъ которгъ. Въ это же время разѣзжали по морю отдѣльно отъ Донцовъ до 3,000 Запорожскихъ Черкасъ. Лишась въ бережныхъ дракахъ съ турками до 700 товарищей своихъ, запорожцы намѣривались возвратиться въ Сѣчь. Но посланный султаномъ для рѣшительнаго уничтоженія казацкихъ шаекъ сильно вооруженный флотъ состоявшій изъ каторгъ и множества мелкихъ судовъ, заперъ Устье Днѣпра; почему Запорожцы спасаясь принуждены были отираться въ Донскіе юрты. Послѣ того значительная часть Изъ турецкаго флота подъ начальствомъ двухъ „лучшихъ“ Пашей, сошлось съ Донцами въ сильномъ бою, казаки разбили Турокъ, забрали всѣ пушки: одинъ изъ пашей убитъ, другой взятъ въ плѣнъ. Донцы привезли его въ свои юрты и заковали въ цѣпи. 30,400 золотыхъ приговорили цѣною за его выкупъ съ двумя бывшими при немъ турками (36).

(34) Дѣла гур. въ столбц. 1616 г., № 1 смот. Цар. грам. на дон. 29 юля 1617 г., отписк. Донск. Войск. привез. въ Москв. 1 авг. 1617 г. атаж. Рензуковымъ.

(35) Тѣхъ же Дѣлъ и въ томъ столбц. № 1 смот. ту же отписк. привез. Рензуковымъ.

(36) Дѣла турецкія въ столбц. 1616 г., № 1 смот. Распрос. рѣчи съ Моск. Донск. атаж. Рензукова прибывш. въ Москв. 1617 г.) и Распр. рѣчи. возвратив. изъ Бозмева-Улуса татарск. послан. Гаврил. Есин. 19 Сент. 1617 г.)

Здѣсь скажемъ, что около половины 1617 г., по актамъ, исчезаетъ имя войсковаго атамана Смаги Степановича Чершенскаго. Вѣроятно въ это время смерть упокоила его — мужа славнаго умомъ и духомъ царелюбивымъ, достойно носившаго имя Войсковаго Атамана въ важные четыре года — начала Царствованія Михаила. Между всѣми лицами, какихъ исторія удостоитъ назвать врачевателями, государственныхъ недуговъ, при Михаилѣ лицо Смаги Степановича должно занимать мѣсто не послѣднее, жаль весьма, что ни акты правительственные, ни другія сказанія не оставили намъ изображенія его наружнаго вида и подробностей характеристическихъ. Пріемникомъ атаманства за Чершенскимъ былъ Епифанъ Родилковъ.

Донцы хорошо понимали духъ ордынцевъ, сосѣдей своихъ: еще въ 1614 г., среди лѣта, когда смуты Заруцкаго хотя и ослабѣвали, но не были кончены, они доносили Царю что „правды въ Иштерекѣ никакъ не чаетса“, и просили дозволенія воевать (37) улусы этого ногайца. Быть можетъ, не совсемъ основательнымъ сочли такое донесеніе въ Москвѣ, имѣя въ виду, что Иштерекъ въ маѣ того же года, когда принималъ отъ посланнаго къ нему Сергѣя Москатиньева Царскую грамоту, то „цѣловалъ“ ее и обрадовался о Царской милости (38). Но смущаемый Сигизмундомъ, о чемъ сказали мы выше, онъ лукавую уклончивость свою незамѣтно превратилъ, въ 1616 г., въ явное возмущеніе противъ Россіи. Почему въ іюль этого года, Царь съ Боярами приговорилъ: послать на Донъ и въ Астрахань и на Терикъ повелѣнія, чтобы, вмѣстѣ съ горскими и кумскими князьями и мурзами и съ юртовскими едиланскими татарами, кочевавшими близъ Астрахани, и съ амтаульскими мурзами, нападать на Иштерековы улусы (39), которые прикочевали тогда къ Терику. Возмущеніе Иштерика, по готовившимся

(37) Дѣла Ногайск. въ столбц. 1614 г. связк. № 2 см. Цар. грам. Думи Дьяк. Шатакову и Микулину 1614 г. въ іюль.

(38) Акт. собран. Архіогр. ком. (прибавл.) см. стлбц. Стрѣлецкихъ голов. Войводамъ. Одоевскому и Головинну 1614 г. послѣ мая № 276.

(39) Дѣл. Ногайск. въ столбц. 1616—1617 гг. связк. 2 № 3 см. выпис. о возмущ. Ногайск. княз. Иштер. и покор. его вновь подъ Россійскую держ.

вооруженіямъ и по неуспѣшнымъ сношеніямъ съ турціею, сочтено было до того значительнымъ, что присланною на Довъ съ атаманомъ Мокренскимъ грамотою дозволено было войску прислать запорожцевъ для общаго дѣйствія на Ногайцевъ. По ссылкѣ казаковъ, запорожцы въ числѣ 2,000 человекъ, съ гетманомъ Сидоромъ Ермакомъ, явились въ нижнихъ юртахъ лѣтомъ 1617 г. Донцы привели ихъ къ крестному цѣлованію на вѣрность службы Царю Михаилу обще съ ними противъ Иштерека. Но какъ вскорѣ послѣ такого соглашенія получена на Дону вѣсть, что Иштерекъ смирился по переговорамъ съ Астраханью, сталъ покоряться Россіи и перекочевалъ за Волгу, то казаки, пославъ объ этомъ въ іюлѣ 1617 г. въ Москву вѣстовую станицу съ атаманомъ Андреемъ Ренчуковымъ, оставили Запорожцевъ у себя, въ ожиданіи указа. Станица, кромѣ привезенной отписки, между прочимъ, говорила въ посольскомъ приказѣ, что Запорожскихъ набѣговъ на Россійскія украинны теперь опосаться нельзя, потому что все лучшее войско до 12,000 челов. пошло изъ Запорожья къ Киеву и другимъ городамъ воевать съ поляками за притѣсненія въ вѣроисповѣданіи; что въ Запорожьѣ остались только кошевые люди (ребята); что при томъ Запорожскіе атаманы писали къ Донскимъ Атаманамъ, если къмъ либо изъ буйныхъ запорожцевъ сдѣланы будутъ набѣги на Россійскіе украинны, то Донцы ловили бы и „созжали въ воду“; что они и сами также будутъ поступать съ непослушными (40).

Тогда какъ совершались описанныя распоряженія противъ Иштерека, лѣтомъ же 1617 г., Ногайскіе мурзы Козыева улуса двинулись съ толпами татаръ въ Россію и пришли подъ Серпуховъ, можетъ быть, вслѣдствіе соглашеній ихъ съ Иштерекомъ. Въ отвращеніе бѣдствій отъ этого непріязненнаго явленія, посланы были изъ Москвы къ мурзамъ Матей Зубовъ и Прокофій Вравской убѣдить ихъ выйти изъ предѣловъ Россіи и возвратиться въ прежнія кочевья свои. А если мурзы, въ оправданіе

(40) Дѣл. турец. въ столб. 1616 г. № 1, смотр. отписку Дон. каз. привез. 1-го авг. 1617 г. атам. Андрея Ренчуков. и распрос. рѣчи этого атамана съ вѣстов. станиц. въ посол. приказ.

своего набѣга, станутъ выставлять обиды отъ казаковъ и настаивать о удаленіи ихъ съ Дона, сказать татарамъ рѣшительно, что удаленіе казаковъ съ Дона „дѣло нестаточное“, ибо имъ самимъ извѣстно, что ни при какихъ прежнихъ Государяхъ Донскіе Атаманы и казаки такъ не служили, какъ нынѣ Царю служатъ; что если они, мурзы, немедленно дадутъ вновь шерть въ покорности и вѣрности Россіи, возвратятъ пльничковъ, захваченныхъ въ нута, то Царь будетъ оказывать имъ покровительство и присылать дворянъ съ жалованьемъ; Донцамъ не велитъ дѣлать имъ обидъ; но что, если они передъ Царемъ „не исправятся“, то ояъ велитъ на Донъ атамановъ и казаковъ еще прибавить (41).

Не знаемъ, чѣмъ кончились переговоры Зубова и Враскаго съ мурзами, но видимъ, что на объясненное выше допесеніе казаковъ о готовности ити противъ Иштерека, послана на Донъ грамота (2 августа 1617 г.) съ дворяниномъ Сомовымъ, которую Царь, по прочемъ, повелѣвалъ: „Иштерека до указа не трогать, а воевать Ногайцевъ Козыевского улуса“ (42).

Изъ всѣхъ этихъ происшествій мы понимаемъ, что Сигизмундъ обманулся въ пособіяхъ со стороны Иштерека.

Среди непрестанныхъ кровавыхъ тревогъ, Донцы непрестанно пребывали сердцемъ въ вѣрѣ христовой, первымъ изъ трехъ элементовъ ихъ жизни, и всегда были пламенными служителями и поборниками ея.

Они имѣли два тихихъ пристанища отъ бѣдъ и тревожныхъ житейскихъ — монастыри Николаевскій въ Борцовѣ и Рождественскій Чернѣевъ въ Шацкѣ. Въ этихъ обителяхъ казаки были усердными вкладчиками, туда ходили они съ Дону по обѣтамъ и приносили для иконъ золото, серебро и камни „многочисныя“; тамъ старые или увѣчные отъ ранъ наѣзники,

(41) Дѣл. Ногайск. въ столб. 1616—1617 г. саязкѣ 2 № 4 (1617 г.) см. наказ. Матюю Зубову и Прокофію Враскому, посланнымъ для убѣжд. Казневскимъ мурзѣ.

(42) Дѣл. Турец. въ столб. 1616 г. № 1 см. Цар. грам. на Дон. 2-го авг. (1617 г.).

одни посвѣщались въ монахи, другіе оставались простыми труженниками, чтобы въ молитвѣ и постѣ кончить дни земныя. Теперь, при снаряженіяхъ на Иштерека, Донцы получили извѣстіе объ отнятіи земель у монастыря Николаевского въ пользу окольного князя Давиды Мазецкаго. Рѣшено было войскомъ въ кругу: принести царю жалобу и просить о возвращеніи отнятаго. Написали и вручили ее атаману Ренчукову. Послѣ подачи отписки, объ Иштерекѣ онъ представилъ Царю и эту жалобу. — Она принята милостиво. Не смотря на то, что князь Мазецкій находился на службѣ, велѣно все прежнія земли отдать монастырю Николаевскому, и „жалованная“ грамота Царская на нихъ вручена Ренчукову для доставленія войску (43).

При большомъ безпокойствѣ Москвы о положеніи Русскаго посольства въ Царьградѣ, получены были извѣстія въ мартѣ 1617 г., вѣроятно, черезъ Крымъ, что оно отпущено, и съ нимъ султанъ отправилъ своего чауша къ Царю. Немедленно посланъ былъ изъ Москвы на Донъ съ Царскою грамотою и жалованьемъ „приставомъ“ дворянинъ Юрій Богдановъ, для принятія посольствъ. Казакамъ повелѣвалось замирился съ Азовцами, встрѣтить и проводить пословъ съ почестію по обычаю и оберегать ихъ въ пути отъ Черкасъ и Ногайцевъ до украинскихъ городовъ (44). Но извѣстія эти оказались невѣрными. Почему, вслѣдъ за Богдановымъ (въ августѣ) вновь отправлены къ посланцу въ Царьградъ гонцы служивые татары, станичный голова Девлетъ Козинъ и Санчалеи Бѣляевъ, съ грамотою къ Ахмету объ отпускѣ Русскихъ пословъ и посылкѣ своего въ знакъ дружбы. Гонцамъ велѣно ѣхать уже не чрезъ Крымъ, а по Дону чрезъ казачьи юрты на Азовъ. Въ это же время посланъ къ войску дворянинъ Никита Сомовъ съ царскою грамотою, которою повелѣвалось проводить гонцовъ до Азова, замирился съ Азовцами, когда возвратятся посланники. Тутъ же, называя войско

(43) Дѣл. турец. въ столб. 1616 г. № 1 ст. грам. Цар. на Дон. 1617 г. август. 2 и того же года сентябр. 26 дня.

(44) Дѣл. турец. въ столб. 1617—1618 гг. смотр. Цар. грам. на Дон. мартъ 11 дня 1617 г. отправлен. съ дворян. Юріемъ Богдановымъ,

„великимъ“, Царь упрекалъ Донцовъ за набѣги на султанскія области, замѣчая, что это служить помѣхою въ дѣлахъ посольскихъ, и въ заключеніе требовалъ, чтобы, какіе есть свѣдѣнія на Дону о Туркахъ, Крымцахъ, Ногайцахъ, о Польскомъ королѣ и о Черкасахъ прислать отписку въ Москву (45).

Азовцы и Донцы утомились непрерывными набѣдами друга на друга и еще до прибытія на Донъ Сомова начали переговариваться между собою о мирѣ. Казаки постоянно держались своего заветнаго правила: довести враговъ до просьбы о немъ. того, что-бы они засылались о мирѣ, а не самимъ начинать. Такъ сдѣлано и теперь. 1-го августа (1617 г.) пріѣхалъ въ Черкасской городокъ изъ Азова толмачъ (переводчикъ) и въ теченіи двухъ дней условился съ атаманами, чтобы они послали отъ себя полномочныхъ къ Азову „на сѣздѣ“ договориться о мирномъ постановленіи и аманатами развѣяться, по обычаю (46).

Между тѣмъ какъ переговоры эти тянулись, до Москвы дошло извѣстіе о взятѣ казаками въ плѣнъ Пашѣ и еще, весьма важные, хотя совершенно не основательные слухи, что будто королевичъ Владиславъ послѣлъ на Донъ возмутительныя грамоты.

Московское правительство, слѣдуя неизмѣнно своей цѣли, если не убѣдить султана въ помощи Россіи, то по крайней мѣрѣ отклонить его отъ дружественнаго союза съ польскимъ королемъ старалось воспользоваться и этими обстоятельствоми, въ особенности слухомъ о грамотахъ Владислава, и выставить ихъ Портѣ враждебнымъ дѣйствіемъ къ ней поляковъ. Исполненіе этой мысли возложено на дворянина Несмѣяна Чаплина; для чего данъ былъ ему подробный тайный наказъ, который не вѣдно возить съ собою на Донъ, но „выучить на умѣ“ и подлинный изодрать или сжечь. Такъ было распоряджено искусно. Въ Царьградъ отправленъ черезъ Донъ вмѣстѣ съ Чаплинымъ

(45) Дѣл. турец. въ столбц. 1616 г. № 1 см. Цар. гр. на Дон. 29 июля 1617 г. съ двер. Никит. Сомов. и 2 август. 1617 г.

(46) Дѣл. турец. въ столбц. 1616 г. № 1 смотр. распр. рѣч. прибывш. изъ Кознева улуса тотар. толмачомъ. Гаврил. Есипов. сен. 19 1617 г.

(въ сентябр. 1617 г.) третій гонецъ толмачъ Лежневъ съ грамотою къ султану, въ которой рѣшительно увѣряли его, что собственно Сигизмундъ дѣлаетъ посвятительство на согласіе и дружествѣ Порты съ Россією, вооружая Донцовъ чрезъ посредство Запорожцевъ ему преданныхъ; что казаки вышли изъ покорности.

Съ Чаплинымъ же послано на Донъ двѣ грамоты (26 сентября). Въ одной Царь указывая на неоднократныя обѣщанія казаковъ замѣриться съ Азовцами и на многія, въ противность того, набѣги ихъ во владѣніе султана со взятіемъ даже Паша въ плѣнъ, изъявлялъ „удивленіе“ свое о такомъ поведеніи. Потомъ говорилъ, что все это служитъ поводомъ Ахмету къ нарушенію дружбы съ нимъ, обличаетъ Сигизмунда въ опасеніи со стороны турціи и потому уличаетъ его противъ Россіи, и заключалъ что-бы казаки, по прибытіи Чаплина, прекратили наѣзды на Турцію, отпустили плѣннаго Пашу безъ окуна; съ Азовомъ заключили миръ и запорожскихъ Черкасъ, для общихъ походовъ, къ себѣ не принимали. Другою грамотою Царь согласно отписки Донцовъ съ толмачемъ Гаврилою Есиновымъ объ томъ, что, по слухамъ, посольство наше ожидается къ осени въ Азовъ, говорилъ о принятіи его съ обычною почестію и объ охраненіи въ пути (47).

а) Тайнымъ наказомъ Чаплину повелевалось, по прибытіи на Донъ, стараться склонить казаковъ къ миру съ Азовцами и къ прекращенію набѣговъ на турцію, покуда посольскія сношенія будутъ продолжаться.

б) Убѣдить казаковъ къ освобожденію плѣннаго Паша безъ окуна.

в) По согласію казаковъ, увидеться съ Пашею и неприменно постараться увѣрить его, что король польскій боится союза Россіи съ Портою, подославъ на Донъ Запорожцевъ для склоненія здѣшнихъ казаковъ къ общимъ съ ними набѣгамъ на турцію отъ чего и онъ, Паша, испытываетъ теперь несчастье

---

(47) Дѣл. турец. въ столб. 1616 г. № 1 см. Цар. грам. на Дон. послан. съ Чаплинымъ 1-м. 26 сентябр. 1617 г. и 2-м. 26 сент. 1617 г.

и тягость неволи; что Царю весьма прискорбно видѣть слѣдствіа такого лукавства Сигизмундова, клонящагося къ помѣнательству дружбы его съ султаномъ что онъ Чаплинъ присланъ уговорить казаковъ отпустить его, Пашу, безъ окупа; что Царь и прежде присылалъ на Донъ трехъ дворянъ убѣждать казаковъ о прекращеніи набѣговъ на Турцію но эти вольные, непослушные люди остались непреклонными и шумно отказали посланнымъ и что за такіе ихъ поступки, Царь, по окончаніи войны съ польшею, не велитъ оставаться имъ на Дону.

Въ заключеніе сказать намъ, что когда онъ, по освобожденіи, возвратится въ Царградъ, то объяснилъ-бы обо всемъ этомъ Государю своему Ахмету.

г) Если онъ, Чаплинъ, увидитъ въ юртахъ между казаками Азовцевъ, плѣнныхъ или пришедшихъ подѣламъ, то досторался бы распустить между ими вышеправеденныя рѣчи, но тайно, чтобъ казакамъ объ этомъ „непронеслось“.

д) О смутныхъ возваніяхъ Владислава, —дѣйствительно-ли окажутся присланными отъ него грамоты на Донъ, или хотя и не будетъ ихъ —сказать атаманамъ и казакамъ, что польскій королевичъ, съ отцомъ своимъ и по согласію всей Рады (Сѣйма) пановъ, похвалился до конца разорить Россійское Государство, попрасть православную нашу вѣру и утвердить свою латинскую, обогатиться дворянскимъ, боярскимъ, стрѣleckимъ, атаманскимъ и казацкимъ достояніемъ, по истрѣбленіи всѣхъ, оставя однихъ земледѣльцевъ, какъ безсильныхъ противиться; что имъ, казакамъ, и извѣстны уже минушіа ужасныя бѣдствія, нанесенныя Московскому Государству поляками и литовцами, но будущія, явятся конечно еще горше этого, и сами они могутъ это разумѣть, и такъ, помня свою православную вѣру, свою природу, Царское жалованье, они не склонялись бы ни на какія смуты Владислава и его листы, если есть или будутъ къ нимъ присланы, отправляла-бы къ Царю въ Мескву (48).

(48) Дѣл. тур. въ столбц. 1616 г., № 1 см. наказ. послан. на Донъ дворян. Чаплину 26 сент. 1617 г.

Все это порученіе исполнено было Чаплинымъ съ совершеннымъ успѣхомъ. Владиславъ грамоты на Донъ не прислалъ. Царь, по донесенію Чаплина, „что Донскіе казаки служатъ отечеству прямо, о Царскихъ дѣлахъ радѣютъ всемъ сердцемъ и душами и впредь хотять служить, нещада головъ своихъ“, — висалъ на Донъ: „мы, за вашу службу и раденье, хотимъ васъ содержать въ нашемъ Царскомъ жалованье свыше прежняго“ (49).

Не одни турки, но и крымцы поставляли предметомъ не удовольствій къ Россіи набѣги Донскихъ казаковъ. По вступленіи на престолъ Михаила Ѳедоровича немедленно открыты были Московю посольскія сношенія съ Крымомъ, и въ теченіи описаннаго нами времени происходили непрерывно, имѣя главнѣйшею цѣлю усмиреніе Ногайцевъ и изысканіе пособія противу польши. Владыка Крыма Ханъ-Джанъ Бекъ-Гирей, находясь подъ влияніемъ властителя цареградскаго, обнаруживалъ чувство оскорбленія за разореніе владѣній турецкихъ, какъ бы за свои; впрочемъ были и дѣйствительныя причины. Донцы, въ морскихъ и сухпутныхъ поискахъ, нерѣдко наадали и на Крымскія селенія. Почему сановники багчесарайскаго двора при переговорахъ съ Русскими послами о помощи противъ поляковъ, не смотря на посылаемую имъ богатую *казну въ поминкахѣ*, всегда дѣлали затѣйливыя упрёки за Донскихъ казаковъ, не упуская выставлать на видъ явное покровительство имъ Царя посылаемымъ жалованьемъ, а въ 1615 году замѣчали и о пожалованномъ Донцамъ знамени, въ заключеніе же, обыкновенно предьявляли требованіе, согласное съ жалованьемъ дивана, т. е. чтобы Царь или рѣшительно запретилъ казакамъ набѣги, или все согналъ ихъ съ Дона. На эти притязанія, высказываемыя и на письмѣ (въ Ханскихъ грамотахъ) и на словѣ, посольскій приказъ и наши послы постоянно отвѣчали извѣстною дипломатическою поговоркою, какая употреблялась и въ объясненіяхъ съ турками, что „казаки воры, живутъ на Дону своею волею“.

(49) Дѣл. турек. въ столб. 1615 г. № 2 см. Царск. грам. на Дон. отъ 21 июля 1618 г.

Джанъ-Бекъ-Гирей, ясно понимавшій политику московскаго двора, въ отношеніи казаковъ, послѣ долгой уклончивости, наконецъ, рѣшился въ 1818 г., не изъ dobroхотства, а по собственнымъ видамъ, отправить рать свою на поляковъ, какъ будто бы въ помощь Россіи. Но и въ этомъ случаѣ прѣхавшій въ Москву (въ августъ мѣсяцѣ) крымскій посолъ Мустафа-Мурза отъ калги Дивлетъ-Гирея, Царевича, который тогда отправился въ польскій походъ, не промнулъ таки вменемъ хана напомнить Царю требованіе объ удаленіи казаковъ съ Дона (50).

При живѣйшей ревности къ пользамъ отечества, Мансуровъ и Самсоновъ провели въ Царьградѣ въ 1617 г., безъ успѣха въ своемъ порученіи. Султанъ не дѣлалъ помощи изъ дружбы, а хотѣлъ дать ее за важную для Россіи существенность: кромѣ удаленія несносныхъ турціи казаковъ съ Дона, онъ добивался, какъ замѣчено выше, Казани и Астрахани. Такое условіе заключало отказъ, протянутый имъ около трехъ лѣтъ. Дѣлу Россіянъ вредилъ посолъ Сигизмунда Кохановскій. Не дойдя до конца этихъ переговоровъ, Аметъ I умеръ, отдавъ тронъ сыну Осману II; но дѣло Русскихъ и теперь не получило лучшаго оборота. Новый султанъ, отпустивъ наше посольство въ 1618 г., не послалъ, какъ водилось, своего чауша въ Москву.

Не одинъ разъ хвалилась Порта уничтожить или совершенно истребить казаковъ на Дову, и теперь, не приводя этой грозной мысли въ исполненіе, рѣшилась только утихомирить ихъ, преградивъ путь къ разгулу по морямъ. Въ видванѣи составленъ планъ: отнять у казаковъ два большіе и судоходные истока (рукова) Дона—Мертвый Донецъ и Каланчу, по которымъ они, мивуи Азовъ, всегда выплывали на стругахъ въ Азовское море. Донецъ положено закидать каменьями, а на Каланчѣ, въ са-

(50) Дѣл. Крымск. въ столбц. смотр. 1615 г. № 1 наказ. послан. Исаку Спѣшневу. 1615 г. № 2 отписк. Спѣшнева. 1615 г. № 4 грам. Крым. Цар. Джанъ-Бекъ-Гирей. 1615 г. № 9 отписк. посл. Челюстин. 1616 г. № 4 грам. Джанъ-Бекъ-Гир. 1617 г. № 1 перегов. съ врибыш. въ Москв. посл. Аметъ-Камфор. 1617 г. № 4 стат. спис. посл. Лодыженск. 1618 г. № 3. отписк. Лодыжен. 1618 г. № 5. грам. Калге, Првгеа. послом. Мустаф. Мурзю.

момъ началъ или выходъ ея изъ Дона, построить башню и вооружить ее пушками и людьми. При такомъ устройствѣ казакамъ могъ оставаться одинъ только путь въ море самою рѣкою Дономъ, путь опасный, потому что онъ велъ бы ихъ мимо грознаго Азова. Исполненіе этого проекта возложено было на кафинскаго Пашу, который принялся за дѣло весьма дѣятельно и хитро. Онъ задержалъ посланниковъ въ Кафѣ, по произволу своему, а не по дозволенію давана, подъ предлогомъ требованія объ этомъ кафинскаго Кади и жителей города за обиды, нанесенныя казаками въ бывшихъ набѣгахъ и задержание продлилъ до прибытія изъ Царьграда судовъ съ ратными людьми, назначенными для устройства укрѣпленій въ устьѣ Дона. Здѣсь послы имѣли много непріятныхъ слуховъ и даже объ опасности своей жизни (51).

Паша, дождавшись судовъ съ 300-ми янычаръ, наряженныхъ подъ его начальство, отправился къ Азову. Съ собою взялъ онъ и русскихъ пословъ, имѣя въ расчетѣ, чтобы посредствомъ ихъ уговорить казаковъ къ миру съ Азовцами и работамъ его не дѣлать помѣхи (52). Въ іюль мѣсяцѣ (1618 г.) приплыло это снаряженіе къ Азову, когда казаки давно уже были въ мирѣ съ нимъ. Не отпуская паша отсюда Мансурова и Самсонова, и она принуждены были, какъ хотѣлъ наглый турокъ, уговаривать Донцовъ чтобы не трогали работниковъ, дѣлавшихъ укрѣпленія. Казаки слушались пословъ и, скрѣпя сердца, смотрѣли спокойно на возводимыя врагами преграды. Только атаманъ Рѣдиловъ и Мартемьяновъ написали объ этомъ и о задержаніи посланниковъ въ Азовѣ, отписку къ воеводамъ въ Воронежъ (53). Янычары вмѣстѣ съ Азовцами трудились поспѣшно; къ осени воздвигнута башня на Каланчѣ и Донецъ

(51) Дѣл. тур. въ столбц. 1615 г. № 4 см. стат. свис. Мансурова и Самсонова.

(52) Дѣл. Крымск. въ столбц. 1618 г., № 3-й см. отписку полков. Лодыженскаго въ Москву.

(53) Дѣл. турец. въ столбц. 1617—1618 гг. смот. отписк. Богданов. прислан. въ Москву 1-го сентября 1618 г.

засыпать. Мансурова и Самсонова отпустили тогда, какъ все было совершенно устроено (54). Казаки приняли ихъ въ юрты съ честію по обычаю и проводили до Воронежа.

Укрѣпленія турокъ, какъ увидимъ мы въ послѣдствіи, не удержали удалыхъ казаковъ отъ любимыхъ морскаихъ прогулокъ. Замѣтимъ, что этотъ планъ преграды не новый: о немъ писалъ еще Протасевъ къ Царю въ 1614 г., говоря, что назначенный тогда въ Кафу новый Паша Мустафа въ Царьградъ *напрашивался* поставить городъ выше Азова на Мертвомъ Донцѣ (55).

Тогда какъ эти событія совершались на Дону, по многамъ западнымъ городамъ Россіи уже около года, ходилъ съ полчищами королевичъ Владиславъ, подъ руководствомъ Гетмана Ходкевича, добиваться престола Московскаго. Буйные Поляки и Литовцы, овладѣвъ Дорогобужемъ и Вязьмою, не имѣли усавха ни подъ Можайскомъ, ни подъ Борисовымъ. Испытавъ неудачи и видя не платежъ жалованья, они большими толпами стали разбродиться изъ-подъ знаменъ Королевича, такъ что у него оставалось уже не болѣе 1,000 человекъ регулярнаго войска, съ нѣсколькими сотнями лютыхъ лѣсовчиковъ. Но въ 1618 г. неожиданное прибытіе въ помощь къ Владиславу запорожскаго гетмана Сагайдачнаго, съ 20,000 казаковъ, нанятыхъ золотомъ Сигизмунда, дало ему возможность двинуться къ Москвѣ. Послѣ неудачнаго штурма Москвы, Владиславъ, хотя и обратился къ переговорамъ, которые потянулись не на короткое время, но положеніе Москвы съ каждымъ днемъ становилось тягостнѣе.

Въ этихъ обстоятельствахъ посланъ былъ отъ Царя (10 іюля 1618 г.) на Донъ дворянинъ Юрій Богдановъ съ воззваніемъ къ казакамъ объ ополченіи на Владислава; съ нимъ же отпращено и жалованье: деньги, сукно, хлѣбъ, вино, порохъ и свинець. Богданову данъ важный *наказъ*, по которому онъ дол-

(54) Дѣл. турец. въ столбц. 1617—1618 гг. см. отписк. Двор. Богдан. см. и цар. грам. къ Богданов. отпращ. въ октябр. мѣсяцѣ. 1 тут. же смотр. распр. рѣчи прѣхав. изъ Воронежа въ Москву въ 24 день Ноября 1618 г. Донск. каз. Федора Рѣваго.

(55) Дѣл. тур. въ столб. 1618 г. см. отписк. послов. Соловьева, Богданов. Протас. привез. въ Москв. 24 октябр. 1614 г.

женъ былъ въ войсковомъ кругу, послѣ прочтенія атаманами и казаками Царской грамоты, сказать возбудительную призывную рѣчь всему войску. — Ему велѣно: заботиться о соглашеніи атамановъ, выслать сколько можно посиѣшнее тысячъ пять или болѣе вооруженныхъ воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, даже, чтобы и татары, давно живущіе на дону, допущены были въ ополченіе, прислать въ Москву именныя списки всѣхъ выступившихъ въ походъ атамановъ, есауловъ и казаковъ, избрать для прохода войска въ Москву самый кратчайшій путь, направляясь на первые украинныя города Шацкъ или Волуйку или на иное мѣсто, словомъ куда короче, чтобы посиѣшнее пройти, провозать Войско въ пути и заботиться объ его прокормленіи и приютахъ, доносить о успѣхѣ похода изъ каждаго города, чтобы Царю „ежечасно“ было извѣстно гдѣ находится войско. При объявленіи гоззванія предварить атамановъ, чтобы они заказали содержать дѣло это въ войскѣ скрытымъ отъ Азовцевъ и турокъ и даже отъ Запорожскихъ Черкасъ, которые живутъ на Дону (56). Богдановъ, посиѣшно прибывшій въ Воронежъ, (въ августѣ) сверхъ ожиданія, долженъ былъ тутъ остановиться за неготовностію судовъ для подъема жалованныхъ запасовъ и провожатыхъ людей, которыхъ нужно было ему не мало, по случаю набѣга Запорожцевъ на украинныя города. Чтобы не упускать времени, онъ немедленно, отправилъ Царскую призывную грамоту на Дону съ воронежцемъ боярскимъ сыномъ Абрамовымъ. 3-го сентября принялъ войсковой кругъ эту грамоту (57). Атаманы и казаки съ глубокимъ безмолвіемъ и вниманіемъ слушали Царское слово: „мы писаль Государь—Вамъ Атаманамъ и казакамъ и всему великому Войску объявляемъ: недругъ нашъ, разоритель Россійскаго Государства, Сигизмундъ Король, умыслилъ нашу христіанскую вѣру греческаго закона пограть, а свою

(56) Дѣл. турец. въ столбц. 1617 и 1618 гг. смотр. наказ. дворян. Богдан. отъ 10 іюля 1618 г.

(57) Дѣл. турец. въ столбц. 1617—1618 гг. см. отписк. Дон. каз. прив. въ Москв. январ. 6 дня 1619 г. атам. Стародубовыхъ.

латинскую утвердить во всем Московском Государствѣ. И нынѣ сынъ его Владиславъ пришелъ съ Польскими и Литовскими людьми въ наше Государство и, проливая кровь, домышляется какъ бы имъ овладѣть. А въ пособіе королевичу пришелъ запорожскихъ Черкасъ полковникъ Сагайдачный съ многими людьми и украдкою Ливны и Елецъ разорилъ, пословъ нашихъ, ѣхавшихъ въ Крымъ съ казною, въ „*поминкахъ*“, захватилъ и теперь хочетъ идти подъ всѣ наши украинные города, стоящіе по Дону, по Донцу и по Осколу, и ихъ также разорить. Види такую превознесенную гордость Сигизмунда Короля, мы, прося у милосердаго Бога помощи и вооружась силою животворящаго креста, со всѣми нашими ратьми, стоимъ за православную вѣру. И вы-бъ, атаманы и казаки, и все великое войско, помня Бога и вѣру и наше жалованье и свой обѣтъ служить и прямить— поревновали бы своей братьи прежнимъ атаманамъ и казакамъ, которые нещадили головъ своихъ, противъ враговъ шли бы нынѣ къ намъ всѣ на помощь или отпустили тысячъ пять, или больше, или сколько можно, войска и стали съ нашими ратными людьми за-одно противъ Поляковъ Литовцевъ и Черкасъ Запорожскихъ. Разсудите: если только украинные города будутъ разорены, вы лишитесь близкаго прибѣжища и не откуда будетъ вывозить къ вамъ товаровъ, и церкви Божіи и монастыри, гдѣ гробы родителей вашихъ и гдѣ вы сами для душъ своихъ вкладчики, — все разорится и будетъ забыто (58).

Лишь только кончилось чтеніе, весь кругъ, въ огненномъ порывѣ усердія, зашумѣлъ и восторженными клевками готовности къ походу, и молитвами о счастиі отечества и Царя, и скорбными рѣчами о разореніи Церкви и разлитіи крови христіанской, и проклятіями на враговъ Россіи. Но скоро все утихло снова. Подумано цѣлымъ войскомъ и рѣшено: не мѣшкая, идти къ Москвѣ. Звать туда жъ и съ Волги, и съ Терека, и съ Яика атамановъ и казаковъ*.

(58) Дѣл. турецк. въ столб. 1617 г. и 1618 г., см. грам. на Доль 21 іюля 1618 г.

Скоро собралось въ *нижнихъ юртахъ* 2,000 человекъ передового войска и двинулось въ походъ къ Москвѣ съ атаманомъ Гаврилою Стародубомъ. Поскакавшіе изъ нижнихъ юртовъ гонцы съ войсковыми грамотами во все городки казачьи вверхъ по Дону, Донцу, Хопру, Медвѣдцѣ и по инымъ запольнымъ рѣчкамъ возбудили всеобщее возстаніе *ат амановъ и молодцовъ*, къ дѣлу Царскому. Немедленно разсланы также съ Дону призывные гонцы къ казакамъ на Волгу, Терекъ и Яикъ. Атаману Стародубу вручена войскомъ отписка къ Царю: „Мы, Государь“, писали коротко Донцы, „слуга твои; на твою службу идти готовы: вотъ, передовыхъ атамановъ и молодцовъ съ Гаврилою Стародубомъ конныхъ и пѣшихъ, тысячи съ двѣ, а большое войско, государь, собирается“ (59).

Для дополненія понятія общей пламенной готовности Донцовъ на защиту отечества, расскажемъ, что когда находившійся въ Воронежѣ по своей надобности известный атаманъ Андрей Ренчуковъ съ нѣсколькими казаками узналъ отъ прѣхавшаго туда изъ Москвы Богданова о Царскомъ возваніи, тотчасъ же съ нимъ самъ и все бывшіе казаки изъявили согласіе идти немедленно къ Москвѣ, не возвращаясь на Донъ. Также поступилъ и другой атаманъ Мартынь Горскій, вскорѣ прѣхавшій въ Воронежъ съ казаками, тоже по своей надобности. Богдановъ выпроводилъ ихъ въ Москву, донесъ объ этомъ Царю, съ приложеніемъ именныхъ списковъ (60). Всѣхъ казаковъ, кромѣ атамановъ, было 60 человекъ. Атаманы Ренчуковъ и Горскій съ 35 казаками оставлены въ Москвѣ, а прочіе служили въ Коломнѣ во время осады ея Поляками. По окончаніи войны, Царь пожаловалъ ихъ деньгами, камками и субнами (61).

(59) Дѣл. турец. въ столб. 1617—1618 гг. см. отп. Дон. каз. привез. въ Москв. Дон. Атам. Гавр. Старод. 6 янв. 1619 г.

(60) Дѣл. тур. въ столб. 1617—1618 гг. см. отп. Богдан. получ. въ Москв. 24 окт. 1618 г. и друг. отп. получ. въ Москв. ноябр. 24. Распр. рѣчи приб. въ Москв. съ Ворон. Дон. каз. Федор. Рѣзваго ноябр. 24 и прис. Цар. съ бояр. о жал. и объ отыр. на Дон. дек. 28.

(61) Дѣл. тур. въ столб. 1617 г. 1618 г. см. грам. на Дон. отъ 30 декаб. 1618 г.

Хотя и скоро велъ отрядъ свой атаманъ Стародубъ, но пришелъ въ Москву въ слѣдъ за заключеніемъ уже (1-го декабря) между Польшею и Россіею перемирья на 14 лѣтъ, въ селѣ Деулинѣ, кончившаго другую главную и тяжкую войну (послѣ Швецкой) въ началѣ царствованія Михаила. Немедленно (30 декабря) послалъ Царь на Донъ извѣстительную грамоту объ этомъ перемирьѣ и съ повелѣніемъ, чтобъ все войско собранное, кромѣ отряда Стародуба, оставалось въ своихъ юртахъ, дабы „лишней волокиты небыло“. — „А мы, говорилъ онъ, васъ атамановъ и казаковъ за прежнюю и за нынешнюю вашу службу хотимъ жаловать свыше прежняго“ (62).

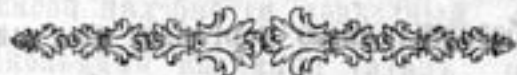
Всему отряду Стародуба дано было въ Москвѣ жалованье.

Только три года прошло, по полученіи Донцами отъ Царя „жалованной“ грамоты на невозбранный въѣздъ имъ въ украинные города и на безцонливую торговлю въ нихъ вывозимыми съ собой товарами — коврами, сафьянами, бязями и проч. и пригоняемыми лошадьми, какъ воеводы и дьяки усилъ нанести казакамъ столь много обидъ и насильствъ забираемъ бездежно вещей и недѣланіемъ никакой управы по просьбамъ ихъ на постороннихъ, что возбуждали въ нихъ жалобу объ этомъ къ царю. Оскорбленія такія были уже замѣчены самою Москвою и сочтены до того значительными, что въ выше приведенномъ наказѣ Богданову написана о нихъ особая статья, которою велѣно ему изъясниться передъ казаками, чтобы они наносимыя имъ воеводами обиды въ настоящее призваніе „нераскладывали“, т. е. не считались бы ими; что на виновныхъ воеводъ наложится Царская „опала“, а отнятое приказано будетъ возвратитъ обиженнымъ (63). Но Донцы, при воззваніи, какъ видѣли мы, не помнили своей личности, а только одну бѣду отечества и устремились на помощь. Когда же успокоилось оно, тогда находив-

(62) Дѣл. турецк. въ столбц. 1617—1618 гг. см. грам. Цар. на Дон. 30 декабр. 1618 г.

(63) Дѣл. турецк. въ столбц. 1617 и 1618 гг. см. вышеприв. наказ. Богданову.

шіся въ Москвѣ атаманы Ренчуковъ и Горскій ударили че-
лоубъ и объ обидѣ Войска. По этой просьбѣ Государь прика-
заль немедленно послать (30 декабря 1618 г.) „окружныя“
грамоты къ Воеводамъ: въ Воронежъ, Осколь, Ливны, Шацкъ,
Бѣлгородъ, съ повелѣніемъ, чтобъ Донскимъ казакамъ, приѣз-
жающимъ въ города съ товарами и безъ товаровъ къ роднымъ
для свиданія и для всякихъ дѣлъ, они обидѣ и насильству не
дѣлали.

Глава XII.

Вліяніе Патріарха Филарета. Усиленіе торговыхъ казацкихъ выѣздовъ въ Украину.—Разговоръ Крымцевъ о Донцахъ въ Валуйкахъ.—Разореніе Донского городка азовцами.—Разореніе Варвы казаками.—Открытіе турціею войны съ польшею и посольскихъ сношеній съ Россіею.—Морскіе набѣги казаковъ на Крымъ и Турцію.—Запорожцы приглашаютъ донцовъ служить польшѣ противъ турскъ.—Переходъ многихъ запорожцевъ на Довъ.—Морскіе набѣги казаковъ на Крымъ и Турцію.—Злодѣйство крымскаго Бей Мурзы.—Драки Донцовъ съ Азовцами на перевозахъ Мертваго Донца. Драки Донцовъ съ Азовцами на Казанскомъ перевозѣ.—Отправленіе въ Царьградъ пословъ: Турецкаго Контакузина и Русскихъ Кондырева и Борясова.—Бунтъ въ Царьградѣ и смерть Османа II.—Путевыя случайности пословъ на Дону.—Задержаніе посольствъ въ Монастырскомъ городкѣ.—Царское повелѣніе Донцамъ нападать на хищныхъ Крымцевъ и Ногайцевъ.—Непріятности, встрѣченныя Русскими послами на пути въ Царьградъ.—Положеніе Русскихъ пословъ въ Царьградѣ.—Морской походъ Донской вольницы.—Князь Бѣлосельскій на Дону съ важнымъ порученіемъ.—Непріятности, встрѣченныя русскими послами на пути изъ Царьграда. Неудовольствіе новаго Хана Магметъ-Гирея за Донцовъ.—Выговоръ Царя Донцамъ.—Азовцы разрываютъ миръ съ Донцами набѣгомъ.—Донцы нападаютъ на городъ Старый Крымъ.—Приводъ Запорожцевъ на Довъ.—Казакъ тревожатъ Царьградъ.—Междоусобіе въ Крыму.—Умерщвленіе Русскихъ пословъ въ Карасу-Базарѣ.—Нападеніе казаковъ на Козлевъ и Трапезонтъ.—Нападеніе Азовцевъ на казачьи ярты.—Донцы приступаютъ къ Азову и разрушаютъ Каланчинскую башню.—Донцы и Запорожцы нападаютъ на Трапезонтъ, Самсунъ и Синовъ.—Степные набѣги казаковъ.

съ 1619—1625.

Два мира—Столбовскій (со Швеціею) и Деулинскій (съ Польшею) успокоили Россію извнѣ. Она занялась возстановленіемъ у себя порядка гражданскаго и закона. Какими потерями приобрѣтено успокоеніе и въ чемъ состояло Государственное исправленіе—это принадлежитъ сказаніямъ Общей Исторіи Россіи. Здѣсь, коротко, остановимъ мы вниманіе только на одномъ важномъ послѣдствіи Деулинскаго мира—на освобожденіи изъ плѣна страдальца Филарета, отца Михаила, и возведеніи его (въ 1619 г.) въ санъ Патріарха. Это событіе, заключавшее въ Россіи кровный союзъ между Царствомъ и церковью, когда борьба съ глубокимъ стремленіемъ церкви западной къ преобладанію еще не кончилась, было дѣломъ не случайнымъ, но таинственнымъ путемъ провиденія, для укрѣпленія на Востокъ Европы православія въ будущемъ; въ немъ видимъ мы, какое-то не объяснимое соотвѣтствіе предчувствію донцовъ, выраженному названіемъ Михаила *вторымъ Израилемъ*; оно представляетъ явленіе дивное нигдѣ и никогда, по лѣтописямъ мира, не повторявшееся.

Любовь Царя къ родителю распространила права первосвятительскія: Филаретъ сталъ не только совѣтникомъ, но и покровителемъ своего сына въ устроеніи церкви и царства; его имя писалось въ грамотахъ на ряду съ именемъ Царскимъ. Съ этого времени, увидимъ мы, сильное вліяніе слова первосвятительскаго на движеніе духа Донцовъ въ событіяхъ важныхъ. Многіе грамоты, писанныя на Донъ, составлены были лично самимъ Филаретомъ.

Обратимся къ казацкимъ произшествіямъ. 1619 г. весьма скуденъ актами о дракахъ. Мы видимъ только, что съ этого времени Донцы начали усиливать свои торговые выѣзды въ города украинные. /Замѣняя плугъ и веретено шашкою и винтовкою, они нерѣдко одѣтые въ бархатъ, парчу и камку не имѣли куска насущнаго хлѣба. Такое положеніе ихъ—голодныхъ бо-

гачей—принуждало изстари заманивать въ свои тревожныя юрты мирную жилищу—торговлю: она являлась среди нихъ съ хлѣбомъ и виномъ по немногу, только какъ отвага. / Но Царская жалованная грамота (о которой сказали мы въ предшествовавшей главѣ) отворила ей ворота для свободнаго выхода изъ юртовъ и входа въ нихъ, Казаки нашли притоны для себя во всѣхъ крайнихъ городахъ. Лавны, Елецъ, Осколь, Волуйки, Бѣлгородъ, Курскъ и Воронежъ были главными пунктами ихъ торговыхъ поѣздовъ. Туда безпрерывно стали они пригонять табунами „погромленныхъ“ (отбитыхъ) Турецкихъ, Ногайскихъ и Крымскихъ лошадей; привозить излишнее оружіе, ковры, сафьяны, бязи и другія турецкія и персидскія ткани; тамъ многіе изъ нихъ, имѣя родныхъ, гостили съ женами и проживали для торговли цѣлую зиму. Отголь вывозили на Донъ сами, или чрезъ людей торговыхъ, охраняя ихъ въ дорогѣ отъ набѣга татаръ, вино, медъ, крупу, хлѣбъ, толокно и другіе съѣстные припасы. Сами воеводы, лаская казаксвъ въ городахъ, пріохочивали къ себѣ и заводили съ ними торговыя связи, посылая на Донъ для продажи или мѣны на лошадей и на вещи разныя съѣстные припасы (1).

Удивительное положеніе Донской жизни, а отсюда удивительныя и историческія явленія ея. Усиленіе промышленныхъ и торговыхъ связей съ украинными городами, съ одной стороны, благотворно дѣйствовало на общежитіе Донцовъ, развивая въ немъ начавшуюся гражданственность, а съ другой, за охочивая казаковъ къ добычному пиратству, вовлекало ихъ въ поведеніе часто несоотвѣтственное политическимъ видамъ Россіи въ отлошеніи ея сосѣдей, хотя пиратство это, очевидно, работало въ пользу отечественнаго величія въ духѣ распространенія церкви и царства.

Мы видѣли что Порта прервала сношенія съ Россією, но Крымъ пересылался ежегодно. Городъ Волуйки былъ тогда „раз-

(1) Дѣл. Крымск. въ столбц. 1620 г. № 3 смот. стат. спис. Околыи. княз. Тригорія Волконскаго.

многими посольскими мѣстами“, тутъ крымцы принимали Русскихъ пословъ и провожали до Багчесарая, Русскіе Крымскихъ провожали до Москвы.—Въ апрѣлѣ 1620 г., при размѣнѣ посольствъ, Ибрагимъ Паша князь Сулешовъ имѣлъ здѣсь продолжительный разговоръ о Донскихъ казакахъ съ Окольничимъ княземъ Григорьемъ Волконскимъ. Живымъ поводомъ къ тому былъ не ожидаемый случай. Когда Крымское посольство приближалось къ Волюйкѣ, то на него наѣхали 8 челов. Донскихъ казаковъ Манычскаго городка съ атаманомъ Донецкимъ, гнавшіе въ Волюйку 120 лошадей для продажи. Какъ татаръ было больше, то они и взяли казаковъ съ лошадьми. Нѣкоторые изъ татаръ Дивеева улуса угадали тутъ своихъ лошадей по тамгѣ (клейму). Сулешовъ спросилъ илѣнниковъ, узналъ, что они Донскіе казаки; что кромѣ лошадей везутъ еще съ собою, тоже для продажи, ковры, сафьяны и иные турецкія товары. Посольство задержало у себя илѣнныхъ. Князь Волконскій ничего не зналъ объ этомъ. Сулешовъ, не объясняя ему о случившемся, началъ разговоръ о казакахъ тѣмъ, что они набѣгами своими наносятъ многія обиды и разоренія городамъ Турціи и улусамъ Крыма и настаивалъ, чтобы Царь приказалъ унять ихъ, какъ людей живущихъ подъ его покровительствомъ. Волконскій, держась наказа, по обыкновенію отрицалъ покровительство имъ Россіи. Татарскій князь, признавая это уклончивостію, говорилъ, что Хану и всѣмъ Крымцамъ извѣстно не только о дозволеніи Царя казакамъ жить на Дову, пріѣзжать свободно въ Русь, но даже о заведенной ими торговлѣ съ воеводами украинныхъ городовъ такими вещами, какіе отбиваютъ они у Турецкихъ и Крымскихъ людей во время набѣговъ; что если казаки не будутъ остановлены въ этихъ промыслахъ, а воеводы отъ потворства, то можетъ произойти ссора между Государями. Окольничій возразилъ, что со стороны воеводъ подобныхъ дѣйствій быть не можетъ; что это выдумка, пущенная въ ходъ кѣмъ-либо желающимъ сдѣлать помѣшательство въ дружественныхъ сношеніяхъ Царя съ Ханомъ. Но Сулешовъ при

этомъ указаль на Донцовъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ съ лошадьми, прибавляя, что еслибы казакамъ не было свободы ѣздить въ города и торговать и воеводской защиты, то могли ли бы они ходить съ товаромъ столь безбоязненно? Потомъ просилъ Волконскаго донести объ этомъ случаѣ Царю, Волконскій, по прежнему, утверждая о непокровительствѣ Донцамъ въ городахъ украинныхъ, ловко объяснялся, что люди, взятые татарами съ лошадьми, есть „жилцы“ — города Волуекъ, то выпросившіеся у воеводы въ „поле“ — одни для звѣриной охоты, другіе для рыбной ловли; что они ходили на Донъ безъ воеводскаго дозволенія и тамъ накупили лошадей у казаковъ; что за это подобнымъ своевольникамъ дѣлается нещадное наказаніе. Въ заключеніе увѣрялъ татарскаго князя, что Царь желаетъ всегда оставаться съ Ханомъ Джанъ-Бекъ-Гиреемъ и съ Колгою въ „крпкой“ дружбѣ, минуя всѣхъ прочихъ Государей.

На другой день Сулешовъ, отъѣзжая въ Крымъ и прощаясь съ Волконскимъ, снова говорилъ о унятіи казаковъ отъ набѣговъ, а воеводу отъ потворства имъ въ торговлѣ. Тутъ освободилъ онъ плѣнныхъ Донцовъ, объявляя князю Волконскому, что не ведетъ ихъ съ собою въ Крымъ для избѣжанія ссоры между Государями. Изъ отбитыхъ лошадей 20 подарилъ ему, а 5 бывшему при посольскомъ размѣнѣ Дьяку Михайлову; прочихъ же увезъ съ собою (2).

Размирье Донцовъ съ Азовцами продолжалось. Прежде Волуйскихъ разговоровъ, еще зимою 1620 г., Азовцы сдѣлали сильный, не ожидаемый набѣдъ на нижніе юрты и разгромили казачій городокъ, стоявшій при Донѣ по низъ р. Манычи: многихъ защитниковъ побили, 120 человекъ взяли въ плѣнъ и отвѣли въ Азовъ, при томъ увезли и значительное количество вина, меду и другихъ продовольственныхъ запасовъ. Это смѣлое нападеніе Азовцевъ было не простымъ охотническимъ набѣдомъ, а слѣдствіемъ Цареградской воинственной суматохи, въ которую

(2) Дѣл. Крым. въ столбц. 1620 г., № 3. см. стат. список. Окольниковъ князя Волговскаго и Дьяк. Михайлова.

привелъ тогда молодого (18-ти лѣтняго) Османа II и весь Диванъ новый Верховный Визирь. Онъ, въ особенности обратилъ вниманіе на разоренія наносимыя казаками. Въ короткое время произошло множество совѣщаній Дивана, въ присутствіи Султанскомъ, какимъ образомъ отвратить ихъ набѣги. Противъ Запорожцевъ рѣшено было устроить двѣ крепости въ устьѣ Днѣпра, чтобъ заградить имъ путь въ море для чего и посланъ туда паша. Сверхъ того предлагалось приняться — за оружіе на поляковъ, какъ покровителей ихъ. Нѣкоторые изъ совѣтниковъ хотѣли было на послѣднее предположеніе представить Султану противныя мысли; но онъ до того былъ настроенъ воинственностію, что схватилъ *палку* и выгналъ всѣхъ отъ себя недовольно вѣжливо (3). Войско, глубоко оскорбленное разореніемъ городка, звало казаковъ своихъ со всѣхъ запольныхъ рѣкъ для большого вооруженія. Оно замышляло пойти на Азовъ ваять его и разорить, какъ разоренъ казачій городокъ (4).

Черезъ людей „прикормленныхъ“ Донцы конечно, знали, что причина Азовскаго набѣга родилась не здѣсь, а въ Царьградѣ, и потому разорѣніемъ Азова хотѣли предотвратить свои бѣды въ будущемъ, лишивъ Порту возможности имѣть такъ близко къ нимъ пріютъ для ея военнаго надзора. Но такое предположеніе не было совершено. Видимъ только, что лѣтомъ этого года казаки плавали по Черному морю и навѣли на самый Царьградъ такой большой страхъ, по которому тамъ „*палочными ударами*“ заставляли матросовъ садиться на галеры (каторги) послывшіяся для отраженія ихъ.

Въ концѣ лѣта казаки разграбили и сожгли Варну, гдѣ было не менѣе пятнадцати тысячъ жителей (5).

Посломъ былъ Султаномъ посланъ знатный Ома Контаскузино. Онъ вѣхалъ черезъ Азовъ и Донскіе юрты, обыкновеннымъ

(3) Акти на иностр. язык. Денеші французск. послан. въ Константиноп. Г. Де-Сези къ Королю Людовику XIII, въ 1620—1627 гг. (смотри денешу 7 январ. и 13 марта 1620 г.).

(4) Смотри примѣч. № 3 гдѣ вышепривед. стат. спис. Волконскаго.

(5) Смотри вышепр. денеші. Франц. послан. денеші 9 и 25 август. 1620 г.

посольскимъ путемъ. Изъ Москвы на встрѣчу ему посланъ былъ на Донъ, лѣтомъ 1621 г., Дворянинъ Семень Опухтинъ. Съ нимъ же отправлено къ казака и Царское жалованье.

Но, прежде прибытія Опухтина, въ юрты Донцы, при самомъ открытіи весны 1621 г. и почти въ тоже время, какъ султанъ выѣхалъ изъ Царьграда, снарядили въ Монастырскомъ и отправили судовую дружину свою, 1,300 человекъ, подъ начальствомъ атамана Василя Шалыгина, къ которой присоединились находившіеся на Дону 400 человекъ Запорожскихъ Черкасъ. Вожатыми флотилии были запорожскіе атаманы Сулима, Шило и Яцкой (6). Долго плавала она по морямъ Азовскому и Черному и подвергалась многимъ несчастіямъ: битвы, а болѣе морскія бури, почти всю ее уничтожили. Сначала казаки напали на побережныя селенія Крымцевъ и разоряли ихъ, такъ что послы татарскія, при переговорахъ, жаловались за эти обиды (7).

Въ іюнь мѣсяцѣ часть изъ этой флотилии (шестнадцать струговъ) приближалась къ Царьграду и доходила даже до Помпеевой коллоны, гдѣ взяла Турецкія суда, сожгла и разграбила деревни; навела токой страхъ на столицу султановъ, что многіе жители Персы и *Каюмбаша*, прятали свои пожитки въ арсеналь. Диванъ такъ мало заботился о ея безопасности, что, кромѣ трехъ галеръ, нечего было и послать для защиты устьевъ Царьградскаго пролива. Наконецъ послѣ двухъ-дневной тревоги, три галеры и сорокъ мелкихъ судовъ подъ начальствомъ Тона-Фазли-Паши вышли отыскивать казаковъ внѣ устьевъ. Увидя ихъ, разорившихъ деревни, Паша нерѣшался сблизится и, ночью войдя обратно въ проливъ, причалилъ къ замкамъ, называемымъ башнями Чернаго моря. За этотъ трусливый поступокъ Паша откушался отъ смерти 20/т. цехиновъ посланныхъ въ лагерь

---

(6). Дѣла Турецк. въ столб. 1621 года. № 3 смотри распросныя рѣчи Дворянина Семена Опухтина.

(7). Дѣла Крымск. въ столбц. 1621 г., № 2 смотр. отписк. послан. Головина.

султану и Великому Визиру. Въ Августѣ другая часть козацкой дружины приступала къ городу Ризѣ (Ризею) и тамъ потерѣла поражение. Когда же поплыли казаки отсюда то сильная буря многіе струги ихъ разбила и потопила а на остальныхъ нанали 20 галеръ турецкихъ посланныхъ Капудомъ-Пашею отъ устьевъ Дуная, и 17-ть струговъ взяли въ плѣнъ; но при этомъ казаки защищались съ такимъ мужествомъ, что турки, въ дракъ, столько же потеряли сколько и приобрѣли. Плѣнныхъ казаковъ Паша представилъ султану, который приказалъ всѣхъ ихъ умертвить пылкій Османъ даже самъ порывался у нѣкоторыхъ срубить головы; но Ходжа отклонилъ его отъ этого однакожъ онъ не утерѣлъ и многіе были пронзены стрѣлами изъ собственныхъ его рукъ. Другіе раздавлены слонами; иные разорваны на четыре части; а остальные зарыты въ землю живыми (8). Послѣ такихъ потерь изъ всей морской дружины воротилось въ юрты только 300 человекъ Донцовъ, да 40 запорожцевъ (9).

Несчастливо было Войско въ дракахъ 1621 года. И сухопутный набѣхъ казаковъ на Ногайскіе Козыева улуса кончился большею потерей ихъ собратьевъ: изъ 400 конныхъ отправившихся на татаръ воротилось въ юрты только 100; прочіе легли въ улусахъ (10).

Въ то время, когда еще не возвратились Донцы съ морского похода, пришелъ въ Моностырской городокъ, отъ Запорожскаго Гетмана Бородавки, атаманъ Соколка съ двумя запорожцами, для приготовленія Войска стать вмѣстѣ подъ знамена короля польскаго, противъ общаго врага турецкаго султана.

Соколка показывалъ списокъ съ королевской грамоты къ запорожцамъ, которою обѣщано жалованья по 30 руб. на человека, и говорилъ: что и имъ Донцамъ дано будетъ такое же жалованье; что запорожцевъ собралось уже до 40/т. человекъ. Донцы поступили въ этомъ случаѣ весьма благоразумно. Поль-

(8) Смotr. вышенр. дeлeши Дe-Сeви 17 июля и 18 августа 1621 года.

(9) Дѣла турец. въ столбц. 1621 г. № 3 смotr. распросн. рѣчи Онухтина.

(10) Смотри тѣже распросные рѣчи Онухтина.

скому королю, они никогда не служили и не могли служить ни за какія деньги и ни по какимъ убъжденіямъ но что бы не оскорбить отказомъ запорожцевъ, старыхъ своихъ союзниковъ отвѣчали Соколкѣ: такъ какъ теперь на Дону казаковъ не много—тысячъ 7000 судовыхъ и конныхъ, большое же войско находится на море, то и нельзя сказать на призывъ вѣрнаго слова; а когда казаки съ моря воротятся, тогда, можетъ быть, пойдутъ. Соколку атаманы отпустили съ большою честію одарили его и спутниковъ и дали лошадей на дорогу.

Объ этомъ призывѣ и отвѣтѣ рассказали Донцы дворянину Опухтину при полученіи Царскаго жалованья разъясняя, что такими словами они запорожцевъ *„поманили чтобъ нераздружится (11).*

Молодой турецкій султанъ собираясь въ 1621 г. въ походъ противъ Польши спросилъ о Чаплиныхъ перьяхъ, украшавшихъ гробницу Солиманову, у окружавшихъ его Сановниковъ, для чего предшественники султана носили этотъ головной нарядъ? Когда узналъ, что такой Тюрбанъ не скидался ими прежде, какъ по сдѣланіи какого либо завоеванія распространявшаго предѣлы Имперіи, то сорвалъ съ своей головы чалму и объявилъ, что онъ въ жизни своей станетъ носить ее тогда, когда испытаетъ опасности въ сраженіяхъ противъ враговъ. И въ слѣдъ за этимъ приказалъ дѣлать приготовленія къ войнѣ противу польши. На это рѣшеніе, душою котораго былъ главный Визирь, всѣ совѣтники Дивана и законники смотрѣли съ негодованіемъ; но останавливать представленіями пылку волю молодаго султана никто не отваживался потому, что онъ поклялся снять голову первому, кто осмѣлится завести рѣчь объ отложеніи войны. Въ Диванѣ совѣтники замѣчали только о непріязненныхъ отношеніяхъ персидскаго Шаха; султанъ рѣшительно отвѣчалъ, что еслибы Шахъ былъ въ десяти дняхъ отъ Царьграда, то и въ такомъ случаѣ онъ не переимѣнилъ-бы своей рѣшимости. Говорилъ, что во время его отсут-

(11) Смотри вышнпр. распросама рѣчи Опухтина.

ствія, казаки, разбѣзжающіе по Черному морю, бывъ поддержи-
 ваемы находящимися въ Царьградѣ христіанами, могутъ надѣ-
 лать много зла: такъ надобно, прежде отправления, побить всѣхъ
 христіанъ отвѣчалъ султанъ. Ему возразили, что такимъ дѣй-
 ствіемъ можно навлечь вражду многихъ христіанскихъ Государей
 могущихъ разрушить Имперію. Тогда онъ ушелъ изъ собранія
 съ раздроженіемъ. Вліяніе страха отъ находничества казаковъ
 такъ было сильно въ Царьградѣ, что многіе приготовлялись уже
 удалиться отсюда, когда отправится султанъ; они убѣждены
 были, что безъ него казаки придутъ и все разорять. Большая
 часть турокъ предлагали Осману уплатить отъ себя всѣ издержки,
 сдѣланныя по приготовленіямъ къ войнѣ и за все, что разорили
 казаки на Черномъ море, лишь бы онъ не начиналъ войны съ
 польщею и не оставлялъ Царьграда. Де-Сези, которого сказа-
 ніямъ теперь слѣдуемъ мы, замѣчаетъ какъ очевидецъ, что турки
 Османова времени весьма не похожи на тѣхъ, какими были при
 Магаметъ II. — Въ апрѣлѣ 1621 г., Османъ отправился изъ
 Царьграда къ Андрианополю, гдѣ собиралась его огромная армія.

Передъ этимъ походомъ Главный Визирь, по участію Голанд-
 скаго посланника и Константинопольскаго патріарха Кирилла,
 считавшагося Калвинистомъ, отправилъ отъ Порты въ Россію по-
 сольство для воспріятствованія помогать Польшѣ и съ предло-
 женіемъ союза.

Битва подъ Хогинемъ (въ сентябрѣ 1621 г.) гдѣ дрались
 двѣ огромныя арміи — Польская и Турецкая — при Королевичѣ
 Владиславѣ, Султанѣ и Османѣ, не имѣла рѣшительнаго исхода
 ни для той, ни для другой стороны. Въ ней, Полякамъ, весьма
 много помогали запорожскіе казаки (въ числѣ 30,000 человекъ)
 подъ начальствомъ знаменитаго Гетмана Коношевича — Сагай-
 дачнаго. Но поляки противъ него и казаковъ остались очень
 неблагодарными. Война кончена мирнымъ договоромъ при кото-
 ромъ Турки и Крымцы требовали примѣрнаго наказанія Гетману
 и Старшинамъ казацкимъ. Польскіе полководцы, не согласив-
 шись на это утвердили, однакожь статью въ договорѣ, которою

обязывались: „обуздать самовольство запорожцевъ; прекратить морскіе ихъ разбои“, — и стали гордиться предъ казаками такою мнимою услугою. (12).

Глубоко оскорбленный Сагайдачный покинулъ суетный міръ и принялъ монашество. И все запорожье не могло снести равнодушно этого новаго политическаго гоненія, присоединеннаго къ продолжавшемуся религіозному гоненію Уніатскому, свидѣствіемъ чего было то, что рано весной 1622 года многіе Запорожскіе Черкасы, оставляя свои Днѣпровскіе курени, (станіцы) малыми и большими ватагами человѣкъ по 10, по 20, по 60 по 150 и по 500 на телѣгахъ пѣшіе и конные потащились на Донъ искать пріюта у старыхъ союзниковъ. Путь ихъ былъ отъ Днѣпра къ Дону чрезъ глухіе степи, съ большими нуждами а иногда и съ драками при встрѣчѣ съ бродившими здѣсь татарами на Донцѣ приставали они къ разнымъ пунктамъ, но болѣе къ двумъ — къ *Святымъ горамъ* и къ стоявшей выше ихъ *Савиной пустыни*. Тутъ, добывая струги у старцевъ Монастырскихъ и промышленниковъ, спускались они внизъ по рѣкѣ Дону, а по томъ Дономъ приплывали къ Войску въ нижніе یرты. Это переходное движеніе Запорожцевъ не могло укрыться отъ Москвы и Крыма. Околичій Бутурлинъ пріѣхавшій въ Валуйки для посольскаго развѣда по извѣщенію игумена Волуйскаго Никольскаго монастыря и собственнымъ развѣткамъ донесъ (въ апрѣлѣ) объ этомъ Государю (13). Немедленно послана изъ Москвы на Донъ грамота, съ атаманомъ Ивановымъ, о не приниманіи запорожцевъ, для избѣжанія ссоры съ Турецкимъ Султаномъ и Ханомъ Крымскимъ (14). При этомъ, Воронежскому Воеводѣ Нащокину посольскій приказъ ве-

(12) Истор. Малой Россіи соч. Баятыша-Каменскаго изд. 1842 г., част. 1 стр. 167 и 168 и депеша Де-Сези смотр. депешу 24 ноября 1621 г.

(13) Дѣл. Крымск. въ столб. 1622 г. № 2, смотр. отписк. Околиччаго Оедора Бутурлина и Дьяка Леонтьева получ. въ Москов. 25 апр. 1622 г. ихъ же отписк. отъ 6 мая того же года, и еще друг. отписк. того же Окол. полученную того же 6 мая и турецк. Дѣл. въ столб. 1622 г. № 1 см. отписку того же Бутурлин. отъ 26 апр. 1622 г.

(14) Турец. Дѣл. въ столб. 1622 г. № 1 см. грам. на Донъ апрѣл. 29 дня 1622 г.

лѣлъ развѣдать: была-ли какая посылка отъ запорожцевъ къ Донцамъ и о чемъ? Хотятъ ли Донцы принять ихъ къ себѣ, или нѣтъ? Если уже есть тамъ Запорожцы, то сколько ихъ пришло? Гдѣ будутъ жить и кто у нихъ атаманъ? (15). Какъ исполнено это требованіе—не извѣстно. Но Донцы еще въ маѣ отпискою своею, между прочимъ, донесли Царю о распрѣ запорожья съ польскимъ королемъ и что объ этомъ они извѣщали отъ себя Воеводъ украинскихъ городовъ, для принятія съ ихъ стороны осторожности отъ набѣговъ (16). Пріѣхавшій въ Москву съ этою отпискою атаманъ Кульневъ въ посольскомъ приказѣ говорилъ, что при немъ пришло на Донъ Запорожцевъ немного челоувѣкъ со 100 сами собою безъ согласенія съ Войскомъ; что Донскіе атаманы, по Царской грамотѣ, имъ въ пріемъ отказали; что запорожцы эти рассказывали о мирѣ польскаго короля съ султаномъ, и что ихъ изъ Запорожья высылаютъ--и жить имъ тамъ не можно (17). Крымскій же Ханъ, Джанъ-Бекъ Гирей, до того былъ обезпокоенъ запорожскимъ движеніемъ, что даже прислалъ нарочнымъ Мустафу Мурзу съ грамотою къ Михаилу и просилъ сдѣлать запрещеніе о не приниманіи Запорожцевъ, какъ Донскими казаками, такъ и нигдѣ во всемъ Московскомъ Государствѣ. Царь отвѣчалъ Хану, что во всѣхъ городахъ строго заказано не пускать въ нихъ Дибировскихъ казаковъ, но что на Дону живутъ *люди вольные схожіе*, и съ ними вмѣстѣ соединяются казаки запорожскіе (18). Изъ нѣкоторыхъ послѣдующихъ актовъ видно, что этого времени не мало пріютилось Дибировскихъ скитальцевъ съ женами и дѣтьми въ Донскихъ юртахъ (19).

(15) Дѣл. Крым. въ столбц. 1622 г. № 1-й смотр. грам. изъ посол. приа. отъ 29 апр. 1622 г. къ Воронеж. Воевод. Борис. Иванов. Нащокину.

(16) Дѣла турец. въ столбц. 1622 г. № 1 смот. отписк. Донск. (каз. получ. въ Москв. 16 Іюля 1622 г.

(17) Тѣхъ же Дѣл. и въ томъ же столб. смотр. расприсна рѣчи Донск. атам. Василія Кульнева.

(18) Дѣл. Крымск. въ столбц. 1622 г., № 4 грам. Хана съ гонцомъ Мустофю-Мурзою и отвѣтъ на оную.

(19) Дѣл. тур. въ столбц. 1622 г. № 1 см. стат. спис. Ковдырева и Борюсова привеа. въ Москв. іюля 16 и тѣхъ же дѣл. см. распр. рѣчи въ Москв. Боларскаго сына Данила Пруцкого сентябр. 7 дня 1622 г.

Еще не зная о слѣдствіяхъ битвы подъ Хотиномъ и рассчитывая, что при отвлеченіи Султаномъ и Ханомъ, сила своихъ для войны польской, удачнѣе можно напасть на владѣнія Турокъ и Крымцевъ, Донцы въ зиму приготовили струги къ большимъ морскимъ набѣдамъ. При самомъ же первомъ открытіи весны 1622 г., (за двѣ недѣли до Пасхи) отважная флотилія ихъ съ 1,500-ми человекъ и 300-ми запорожцевъ отчалила изъ Монастырського въ походъ (20). До конца іюля плавали казакъ по Азовскому и Черному морямъ; много навели разореній по берегамъ Крыма Анатоліи; много собрали добычи: „золота, серебра, платья и ясыря“. Подъ Кафою взяли два турецкихъ корабля. Приступали къ *Балык-мъ* (Балоклавъ), много нанесли тутъ вреда и захватили въ плѣнъ людей. Нападали и на другія побережныя селенія, даже врывались вглубь Крыма и разорили деревню въ 15 миляхъ отъ Багчесарая. Эти набѣги до того были чувствительны Крымцамъ, что Ханъ, чрезъ Сановниковъ своихъ, дѣлалъ за нихъ не однократно упреки находившимся въ Багчесарай Русскимъ посламъ; самъ Колга Дивлетъ-Гирей говорилъ имъ, что къ нему „приходятъ всякіе люди съ плачемъ“; жалуясь на разореніе отъ казаковъ, а Государь вашъ ихъ съ Дону не сводитъ, хотя мы безпрестанно объ этомъ къ нему пишемъ (21). Наконецъ Ханъ и Колга въ это же время посылали грамоты къ Царю съ объясненіемъ разореній отъ Донцовъ и настаивали, чтобъ велѣлъ „укротить ихъ саблею“. Отъ Крыма приплывъ къ Анатоліи казаки нападали на Трапезонтъ и другіе города и селенія. Пустившись отсюда съ большею добычею они разнесены были сильною бурей такъ что флотилія ихъ раздѣлилась на части. Послѣ того, соединясь на морѣ въ значительномъ числѣ, приближались они къ Царьграду и взяли нѣсколько турецкихъ судовъ. Это такъ встревожило и разгорячило султана, что онъ

(20) Дѣл. Турецкія въ столб. 1622 г.

(21) Дѣла крымск. въ столб. 1622 г. № 7 смот. отвѣск. послан. Лихарева и Малахова изъ Крыма.

грозили Великому Визиру и Великому Казначею (Дефтердарю) отрѣзать головы, если они на другой же день не пошлют галеръ въ Черное морѣ (22). Черезъ нѣсколько времени казаки, усиленные вновь вышлывшими въ море Донскими и Запорожскими стругами (23), опять приближались (въ іюль), къ Царьграду (въ 40 стругахъ) и взяли было селеніе, въ которомъ жили евреи; но на нихъ пришли не ожиданно турки на 16 галерахъ и прогнали. Тутъ казаки потерѣли большую потерю въ собратахъ чрезъ лукавый обманъ непріятелей. Турки объявили, что хотятъ выкупить плѣнниковъ и въ переговорахъ о цѣнѣ, провели три дня. Среди переговоровъ, уловивъ минуты расплоха казацкаго, начали нечаянно на струги, отняли много плѣнныхъ и около половины казаковъ побили; остальные же съ плѣнными ушли въ море и направились къ своимъ юртамъ (24). Кромѣ морскихъ наѣздовъ, многіе Донскіе конники въ продолженіи мая нападали на Азовъ и наносили ему вредъ и безпокойство. Съ ними участвовалъ Едисанскихъ татаръ Мурза Курманъ со 100-ми человекъ своихъ наѣздниковъ (25).

Джанъ-Бекъ-Гирей, сколько въ утѣшеніе собственной злобы на Донцовъ за разоренія Крыма, столько и въ исполненіе султанскаго требованія стѣснять ихъ, послалъ въ Азовъ вспомогательное войско изъ 2,000 человекъ, подъ начальствомъ Бей-Мурзы. Крымцы пришли сюда въ концѣ мая. Дѣятельный Мурза чрезъ недѣлю началъ подвиги свои, какъ истинный мусульманинъ: онъ сговорился съ Азовцами употребить противъ Донцовъ вѣроломное лукавство, которое и совершилъ съ усѣхъ. Въ нижнихъ юртахъ, у казаковъ, были многіе плѣнные Ногайцы Козыева улуса.—Почему, отъ имени Мурзы и Азов-

(22). Смотри Дешети французскаго посланника Де-Сези 1 Мая 1622 года.

(23). Дѣл. турец. въ столб. 1622 г. №1 Смотри отписк. Кондырева и Вормосова, привез. въ Москву 31 Іюля.

(24). Дѣл. турец. въ столб. 1622 г., № 1 см. распр. рѣчи въ Москв. Воронеж. Атаман. Ларионом. Чернышев. и казак. Кузьм. Ильин.

(25). Дѣл. Нагайск. въ столб. 1622 г., связк. № 1 смот. отписк. Астрахан. Воевод. Прозоровск. въ посольск. приказ.

цевъ явился толмачъ на „Окупной Ярѣ“ съ объявленіемъ о выкупѣ и о разбѣнѣ плѣнныхъ татаръ на Русскихъ находившихся въ Азовѣ и что если Донцы согласны, то выйдутъ сюда изъ Азова толмачи съ деньгами. Атаманы, не подозрѣвая злого умысла, выслали въ назначенное время дружину свою для договора. Но Крымцы подъ командою Мурзы, въ большомъ числѣ скрытые не далеко отъ Окупнаго Яра, быстро напали на казаковъ и 30 человекъ побили на мѣстѣ, а 4-хъ взяли въ плѣнъ, остальные же отошли въ городокъ Монастырской со скорбію о падшихъ собратахъ (26). Обманувъ казаковъ, Бей-Мурза расположился идти на селенія Россійской украины со всеми своими людьми и съ многими Азовцами, какъ извѣщали объ этомъ Войско ушедшіе изъ Азова Русскіе плѣнники (27).

Не могли „стерпѣть“ Донцы такой „обиды отъ Азовцевъ“, какъ доносили они Царю и, прослышавъ (въ маѣ), что скоро долженъ возвращаться изъ набѣга ходившій въ Русь Азовскій Бахтемиръ-Ага съ 130-ю человекъ, казаки отправились на „верхній перевозъ“ Мертвого Донца, въ числѣ 600 набздниковъ съ атаманомъ Исаемъ Мартемьяновымъ: тутъ залегли и ожидали хищниковъ. Азовцы, раздѣлясь на двѣ части, и одна изъ нихъ изъ 50 человекъ, которая вела съ собою 115 Русскихъ плѣнниковъ, пришла къ верхнему перевозу. Казаки напали на нее, убили на мѣстѣ 10 Азовцевъ, 5 взяли живыми и отняли всѣхъ плѣнныхъ. Другая часть, въ которой былъ и Бахтемиръ-Ага, ускользнула отъ казаковъ, направившись на иные мѣста (28). Послѣ этого (въ іюнѣ) Войско прослышало о большомъ сборѣ въ Азовѣ охотниковъ идти на Россійскіе украины. На кличъ Азовцевъ сбѣжалось множество и Ногайцевъ изъ улусовъ Иштерика, такъ что весь сборъ составлялъ около 5,000 набздниковъ. Переправлялся онъ чрезъ Мертвый Донецъ на извѣст-

(26) Дѣл. турец. въ столб. 1622 г., № 1 см. отписк. Донск. каз. получ. въ Москв. 16 июля 1622 г., тѣхъ же дѣл. того-же №, см. разспрос. рѣчи посол. приказ. атам. Кульнева.

(27) Тѣхъ же дѣл. разспрос. рѣч. атам. Кульнева.

(28) Дѣл. турец. въ столб. 1622 г., № 1 см. отп. Донск. казак. получ. въ Москв. 16 июля и разспр. рѣчи атам. Кульнева.

ныхъ перевозахъ—мѣстахъ въ четырехъ. По первой вѣсти, Донцы, не мѣшкая, въ числѣ 1,000 человекъ съ атаманомъ Исаемъ Мартемьяновымъ пустились подстеречь татаръ и „за-
легли на нижнемъ перевозѣ“. Когда стало здѣсь перевозиться болѣе 1,000 человекъ Азовцевъ и Ногайцевъ вмѣстѣ, тогда, быстро напали на нихъ казаки и болѣе 100 побили, а двухъ взяли въ плѣнъ, для языковъ. Плѣнниковъ этихъ немедленно Войско отослало въ Москву, въ легкой станицѣ своей, съ атаманомъ Филиппомъ Молодымъ, для распросовъ и предостереженія украинскихъ мѣстъ отъ набѣговъ Азовскаго сбора (29).

Въ то же время (въ іюні), когда одни казаки ловили Азовцевъ въ нижнихъ юртахъ, другіе ловили ихъ въ юртахъ верхнихъ. На Козанскомъ перевозѣ черезъ Донъ (гдѣ нынѣ Казанская станица) собравшіеся изъ ближайшихъ городковъ казаки болѣе 100 человекъ, съ атаманомъ Козарцемъ, подстерегли 70 Азовцевъ, которые возвращались изъ Русскихъ украинъ, и многихъ изъ нихъ побили, другихъ разогнали, а одного схватили въ плѣнъ. Отъ него узнали, что изъ Азова пошло ихъ 500, что назадъ идутъ многіе съ Русскими плѣнниками и что остальные дожидаются въ Руси сѣнокоса и жнитвы, чтобъ удобнѣе нахватать ясыря (30).

Миръ Турціи съ Польшею не былъ еще окончательно утвержденъ, когда (въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1622 г.), поѣхалъ обратно изъ Москвы султанскій посоль (Омаъ Контакузино. Съ нимъ отправлены и Русскіе посланники въ Царьградъ дворянинъ Кондыревъ и дьякъ Бормасовъ. На Донъ посланъ изъ Москвы наскоро находившійся тамъ атаманъ Слѣповъ съ извѣстительною грамотою о постахъ и съ повелѣніемъ, чтобы казаки съ Азовцами мирны были, для посольскаго приѣма. На эту грамоту, Донцы съ атаманомъ Кульневымъ доносили Государю, что въ предпринятѣмъ ими до того морскомъ

(29) Дѣл. тур. въ столбц. 1622 г. № 1 см. распр. рѣчи въ Москв. Денск. атаманъ Филиппа Молодого.

(30) Дѣл. турец. въ столб. 1622 г. № 1 смот. стат. список. Русск. посл. Кондырева и Бормасова.

походъ „его Царская воля надъ нами“, но что, по прибы-
 тии пословъ, съ Азовцами помирятся. Тутъ же извѣщали они
 по рѣчамъ ушедшихъ изъ Турціи плѣнныхъ казаковъ своихъ о
 военномъ движеніи турокъ, которые перевозились чрезъ проливъ
 подъ Керчью въ Крымъ съ кормовыми и другими запасами, для
 похода не извѣстно куда и что султанъ находится въ разно-
 гласіи съ польскимъ королемъ въ отношеніи окончанія мирнаго
 договора (31). Это донесеніе составляло политическій интересъ,
 какъ обнаружилось послѣдствіями, хотя оно тогда и не могло
 быть сочтено такимъ. Керчинское движеніе турокъ заключало
 тайное средство нылкаго Османа понудить Польшу къ умень-
 шенію притязаній для окончанія мира, предположеннаго Хотин-
 скимъ трактатомъ (въ чемъ она сомнительно медлила) и вхо-
 дила въ связь съ тѣмъ не ожидаемымъ впаденіемъ Крымскаго
 Хана во владѣнія Польши тогда, отъ когда полномочный послан-
 никъ ея, не скоро вхавшій, только что прибылъ (въ ноябрѣ)
 1622 г.) въ Царьградъ; оно не ожиданно также вошло въ
 соприкосновеніе и съ цѣлю Русскаго посольства, которому по-
 лезно было желать продолженія войны Турціи съ Польшею,
 уклоняясь отъ дѣйствительнаго содѣйствія въ ней султану, за
 какии пріѣзжалъ въ Москву Контакузино (32).

Но Осману не суждено было видѣть конца всего этого.
 Можетъ быть, по глубокому оскорбленію въ Хотинской битвѣ,
 на несенному ему не повиненіемъ милиціи и въ особенности
 янычаръ, отказывавшихся идти противъ Поляковъ и громко
 укорявшихъ его въ скупости, а также трусостію и интригами
 между собою главнаго Визиря, Янычаръ-Аги и Кизляръ-Аги (33),
 а можетъ быть, и по другой причинѣ, не обнаруженной его ду-
 шею, вскорѣ, по возвращеніи въ Царьградъ, объявилъ онъ на-
 мѣреніе основать столицу въ Каирѣ. Не смотря на совѣты и

(31) Дѣя. турец. въ столб. 1622 г., № 1-я стол. Хотинску Доцк. мѣз. въ маѣ получ. 16 июля 1622 года.

(32) Смотри депеши Де-Сези отъ 22 и 27 ноября и 12 декабря 1622 года 5 и 19 марта и 14 мая 1623 года.

(33) Смотри депеши Де-Сези отъ 24 ноября 1621 года.

на просьбы Великаго Визиря Муфтія, Ходжи и Бизляръ-Аги отъ лица всѣхъ законниковъ и войска, на представленія ихъ о незаключенномъ еще съ Польшею мирѣ, онъ оставался не приклоннымъ и говорилъ, что если бы польскій король былъ у воротъ Царьградскихъ съ арміею и еслибы казаки взяли Галиту, то и тогда онъ не отложилъ бы ни на одинъ день предпринятаго похода (34). Янычары и спаги, узнавъ, что султанъ готовится уже къ отпращиванію изъ Сералья всѣ сокровища и драгоценности предковъ, вида при этомъ общій ропотъ, рѣшились употребить послѣднее средство — потребовать отъ Муфтія Фетву и представить Осману. Онъ прочелъ ее и съ гнѣвомъ разорвалъ, говоря: „ни что не можетъ препятствовать отъѣзду“. Это до крайности раздражило войско, а перехваченное въ тотъ же день султанское письмо къ пашѣ Каирскому, сущность котораго была въ томъ, что „рабы его, какъ военные такъ и другіе, не любовью своею заставили его основать столицу имперіи въ Каирѣ и устроить войско, способное привести въ должное повиновеніе“, — подвигло всѣхъ къ бунту. Янычары, какъ бѣшеные, вломилась въ Сераль, взяли Мустафу, дядю Османова, увлекли его въ свои казармы и тамъ немедленно провозгласили султаномъ. На другой день Османъ, геройски, верхомъ на лошади, явился къ бунтовщикамъ, располагая ласками и обѣщаніемъ награды усмирить ихъ; но они, какъ кровожадные звѣри, изрубили въ мелкіе куски Гусейна пашу и янычарскаго Агу, окружавшихъ Османа, а его сняли съ лошади посадили на другую, недостойную повелителя, и потащили въ Семибашенный замокъ. Тамъ скоро по приходѣ, подъ ударами топоровъ, удавили его тетивою лука (20 мая) (35).

Такъ умеръ повелитель, къ которому отпращивенное изъ Москвы посольство еще не успѣло тогда добраться и до Воронежа. Долго оно не знало объ этомъ важномъ переворотѣ въ турціи, продолжая путь. Дорожныя донесенія Кондырева и Бор-

(34) Делеша Де-Сези отъ 25 мая 1622 года.

(35) Делеша Де-Сези отъ 20 и 29 мая 1622 года.

масова къ Царю съ Дона весьма замѣчательны потому, что представляють многіе оригинальныя черты тогдашней жизни войска. 22-го іюня посольство прошло Дономъ Борцовъ Монастырь (считаясь отъ Воронежа въ двухъ дняхъ плаванія, который находился подъ попечительствомъ казаковъ какъ объяснили мы въ предшествовавшей главѣ), и, спускаясь далѣе Дономъ внизъ, узнало отъ возвратившагося къ нему Донскаго есаула Богданова, бѣдившаго передовымъ до Чирскаго городка, о разбитіи казаками Азовцевъ на Казанскомъ перевозѣ, что нами выше описано. На сдѣланное при этой вѣсти Кондыревымъ замѣчаніе турецкому нашѣ о хищническихъ поступкахъ Азовцевъ, Контакузино отвѣчалъ: „можетъ статься, что Азовцы ходили въ Русь, но только не по повелѣнію Османа, а сами собою; потому что и въ Азовѣ живутъ такіе же вольные люди, какъ и у Васъ на Дону (36). Спускаясь ниже пришло посольство 2-го іюля въ Клетскій городокъ, гдѣ городковый атаманъ Торовой-Ивановъ, только что возвратившійся изъ нижнихъ юртовъ, рассказывалъ Кондыреву о добычномъ прѣздѣ Запорожцевъ съ Морскихъ походовъ, сдѣланныхъ ими вмѣстѣ съ Донцами. Іюля 5-го получилъ Кондыревъ на пути отписку изъ Войска, которою атаманы успокоивали посольство, что бы шло безъ всякаго опасенія отъ Запорожцевъ, потому что буйный полковникъ ихъ Пырской ушелъ съ Донца въ Литву.

Въ городкахъ Паньшенскомъ (нынѣ Качалинская станица) и Голубомъ (нынѣ Голубинская станица) видѣли посланники Волжскихъ воровскихъ казаковъ человекъ до 50-ти съ атаманомъ Богдановымъ-Чернушкинымъ, щеголявшихъ въ рубашкахъ тафтяныхъ и въ кафтанахъ бархатныхъ и камчатныхъ. Распрашивали этихъ людей; они сказали, что всѣхъ ихъ 160 человекъ; что жили на Волгѣ, хаживали на Каспійское море громить Персидскіе бусы (торговые суда); но Астраханскіе люди согнали ихъ съ Волги „не вѣдомо для чего“, и они пришли

(36) Дѣл. турецкія въ столб. 1622 года № 1 смотри отписк. Кондырева и Бормасова привезен. въ Москву 16 іюля 1622 года.

теперь на Донъ пѣши. Этѣхъ казаковъ, ѣхавшій изъ Москвы съ послами, атаманъ Епифанъ Родиловъ, по заботѣ своей о пополненіи убитыхъ въ войскѣ людей, взялъ съ собою въ Нижніе юрты. Посланники, опасаясь ихъ въ дорогѣ говорили Родилову, чтобы не брать съ собою; но онъ отвѣчалъ, что если Волжскихъ казаковъ не принять, то они познаютъ чужую землю (37). 10-го іюля приблизилось посольство на день плаванія къ Монастырскому городку, гдѣ было Главное войско. Остановившись, Кондыревъ послалъ атамана Родилова въ Монастырскій къ атаману Исаю Мартемьянову, извѣстить его и войско о прибытіи посольства и о встрѣчѣ, по обычаю. Не довѣжая Монастырскаго Родиловъ узналъ отъ казаковъ, плывшихъ Дономъ въ верхніе городки, что Мартемьяновъ, назадъ тому 5 дней, со всѣмъ войскомъ отправился на море, и теперь въ городкѣ казаковъ нѣтъ и встрѣтить посольство некому. Кондыревъ снова послалъ Родилова довѣдаться о всемъ слышанномъ на мѣстѣ и узнать, сколько въ городкѣ казаковъ. Исполнивъ это требованіе, Родиловъ воротился съ прежними вѣстями, и съ нимъ пріѣхали изъ городка на одномъ стругѣ два атамана (Семень Вучновъ и Григорій Пушкинъ) съ казаками всего только 15-ть человекъ, объявившихъ, что ихъ больше тамъ не набралось. Съ этими встрѣчными посольства отправилось и прибыло въ Монастырскій городокъ 12 іюля (38).

Остановились посольства ниже городка, на берегу Дона, — отдѣльно одно отъ другого сажень на 50. Провожавшіе ихъ изъ Воронежа ратные люди раздѣлены были для караула на двое, къ каждому стану особо (39).

На другой день, по утру, встрѣтившіе посланниковъ ка-

(37) Дѣла турецкія въ столб. 1622 г., № 1 смотр. отписку Кондырева привез. въ Москву 31 іюля 1622 г.

(38) Дѣла турецкія въ столб. 1622 г., смот. отписку Кондырева привез. въ Москву 23 август. 1622 г.

(39) Дѣл. тур. въ столб. 1622 г., № 1 смот. распр. рѣчи въ Москвѣ Воронежск. Бѣлопомѣтн. атамана Ларіона Чернышева.

заки сошлись въ кругъ, въ которомъ Кондыревъ и Бормасовъ сказали емь о государевой грамотѣ и жаловань войску и о томъ, чтобы съ Азовомъ помирились и пословъ туда проводили. Атаманъ отвѣчали, что Царской грамоты и жалованья принять и отпуска посольскаго сдѣлать не кому, — все войско находится въ походѣ (40).

Послѣ круга, бывшіе въ городкѣ казаки и пріѣхавшіе съ послами, оправившись на пяти стругахъ въ море къ атаману Исаю Мартемьянову; плыли они мимо посольскихъ становъ. Видя это, турецкіе послы упрекали весьма „шумно“ приставовъ своихъ тѣмъ, что, когда они (послы) ѣхали въ Москву, то казаковъ было въ войскѣ много и встрѣча была „великая“, а теперь ни кого въ войскѣ нѣтъ, да и остальные казаки поплыли въ море, конечно, по дозволенію русскихъ пословъ. Узнавъ о неудовольствіи, Кондыревъ и Бормасовъ посылали къ Кантакузино толмача объяснить, что Азовцы, собравшись съ Ногайцами Козыева улуса, ходили въ Россійскіе украинны, много нанесли разореній и забрали въ плѣнъ людей, о чемъ казаки узнали и пошли подстеречь ихъ, чтобы отбить плѣнныхъ. Послѣ въ тотъ же день, (13 іюля) написали къ атаману Мартемьянову о своемъ пріѣздѣ и просили извѣщенія, гдѣ теперь стоитъ войско, долголь будетъ оно въ походѣ, кому отдать Царское жалованье и сколько времени проживуть посольства въ Монастырскомъ.

Донцы, всѣми мѣрами стараясь предотвращать успѣхи рѣшительной мысли Дивана о уничтоженіи ихъ и горячо питая мщеніе къ Азовцамъ за вѣроломное злодѣйство Бей-Мурзы, какъ долгъ не прѣмѣнный по тогдашнимъ обычаямъ дошли теперь до неукротимаго ожесточенія противъ мусульманъ. Къ этимъ причинамъ, разгорячившимъ казацкое „молодечество“, одну изъ основныхъ идей его — присоединилась еще непріятная случайность, встрѣченная въ Москвѣ атаманомъ Родиловымъ, состоявшая въ томъ, что бояры посольскаго приказа, въ видахъ охра-

(40) Смотри тѣже рѣчи Чернышева.

ненія своей политики противъ турецкаго двора, смотрѣвшія на отношенія его съ другой точки зрѣнія, нежели какъ видѣли казаки, такъ увлеклись своимъ долгомъ, что „шумно“ упрекали Родилова и войско за набѣги на турцію и довели атамана до горькаго чувства, какъ изъяснился онъ съ Кондыревымъ на пути. Вотъ обстоятельства, которыя не должны быть упущены изъ вида при взглядѣ на послѣдующія задержанія посольствъ на Дону. При томъ историческое разумѣнiе обязано становится въ уровень съ тѣмъ вѣкомъ, дѣянiя котораго представляются его суду.

По отпискѣ Кондырева, пріѣхавъ отъ войска къ посольству (19 іюля) Тихонъ Чулковъ и объявилъ (пишемъ изъ донесенiй Кондырева), что атаманы и казаки стоятъ на море, въ вѣсть Дона, и дожидаются турецкихъ каравановъ, чтобъ ихъ въ Азовъ не пропустить; что въ Монастырской городокъ будутъ вскорѣ, и посламъ бы дожидаться ихъ здѣсь; Государева жалованья, безъ войска, никому не отдавать: въ Москву, куда атаманы и казаки не придутъ, ни о чемъ ни писать. Противъ послѣдняго Кондыревъ и Бормасовъ сказали Чулкову, что отъ нихъ, для посылки въ Москву станица уже изготовлена, и ее бы отпустить тотчасъ. Чулковъ возразилъ, что если безъ вѣдома войска станица въ Москву пошлется а *войсковой есаула* того не убережетъ, то ему (есаулу) отъ *войска быть въ водѣ*. 20 іюля, атаманъ Исая Мартемьяновъ, съ частію войска (въ числѣ 800 человекъ), пришелъ съ моря въ Монастырскій городокъ и того же дня просилъ Кондырева и Бормасова въ войсковой кругъ. Посланники были въ немъ, отдали атаманамъ Царскую грамоту, объявили жалованье и говорили по „наказу“, чтобъ войско съ Азовцами помирилось, на море не ходило, посольства отпустило бы въ Азовъ, не задерживая, жалованье: деньги, сукно, хлѣбные и пушечные запасы приняли бы казаки „тайно“ раздѣлили бы жалованье по отъѣздѣ пословъ и между собою о немъ „не славили“, чтобъ въ Азовъ не пронеслось и турецкiй посоль объ этомъ не узналъ для

избѣжанія имъ (посламъ) въ турціи задержанія. Прочтя Государеву грамоту, весь кругъ радовался на Царской милости. Тутъ атаманы сказали Кондыреву и Бормасову, что съ Азовцами „не управляся, помириться нельзя, и потому посольствъ вскорѣ отнустить „неможно“. Выгрузя присланные запасы изъ судовъ казаки сложили ихъ на площади, у часовни, а суда выволокли на берегъ. — Увидавъ это, Кондыревъ послалъ сказать атаманамъ, чтобъ запасы положили не на площади а въ иномъ мѣстѣ невидномъ людямъ турецкаго посольства; судовъ же не брали бы къ себѣ. Атаманы отвѣчали: что кромѣ площади запасовъ сложить не гдѣ; что суда въ которыхъ привозилось жалованье и въ прежнее время не были возвращаемы съ Дона; а до тѣхъ въ какихъ привѣзжаютъ посланники и провожатые, имъ дѣла нѣтъ. Въ то время, какъ войсковой кругъ продолжался прибѣжалъ отъ Морской дружины вѣстникъ что турецкіе корабли идутъ. Немедленно атаманы съ войскомъ поплыли изъ городка въ море. Пять дней пробыли Донцы на поискахъ, не допустили турокъ къ Азову, разбили ихъ и взяли корабль, да двѣ кояги (кущескія суда) 26 іюля ворстились они въ Монастырскій съ добычею привезли три небольшихъ пушки много разныхъ вещей и оружія. Плыва мимо становъ посольскихъ, въ знакъ побѣды и радости всѣ стрѣляли изъ ружей а находившіеся съ ними запорожцы били въ литавры.

Уже около двухъ недѣль прошло послѣ этого по миръ у Донцовъ съ Азовцами неустанавливался; казаки поджидали возвращенія своего Морского войска отплывшаго весною; чему срокъ положенъ былъ около Самсонова дня (1-го сентября). Нѣсколько разъ Кондыревъ и Бормасовъ требовали отъ атамановъ примиренія съ Азовомъ ходили даже въ войсковой кругъ и тамъ „шумно упрекали“ казаконъ въ самоволіи; представляя, что при дальнѣйшемъ замедленіи морской ходъ въ Царьградъ можетъ миноваться. Донцы говорили въ извиненіе, что весеній походъ начать войскомъ до полученія Царскихъ грамотъ о послахъ. Затѣмъ просили, чтобы Кондыревъ и Борма-

совѣ сами стали ссылатся съ Азовцами о мирѣ; но что имъ начинать это не для чего. Если же Азовцы пришлютъ просить мира то думатьъ они казаки, что съ ними помирятся. Такъ твердо сохраняли Донцы свое законное правило ни когда ни начинать просить мира у Азовцевъ. При этихъ разговорахъ въ кругу, какъ показывалъ въ посольскомъ приказѣ, присланный съ Дону отъ головъ провожавшихъ посольства, боярскаго сына Прутской, *„никакого невпжества и шуму отъ казаковъ не было; во всемъ говорили“* они съ Кондыревымъ и Бормасовымъ *„по словно и впжливо“* (41). Послѣ этого, отправили послы (27 іюля) въ Азовъ боярскаго сына Неустроя Григорьева съ толмачемъ Видѣвымъ и съ 10 челомъ стрѣльцовъ и казаковъ, сказать Азовскому начальнику что бы онъ, какъ для возвращающагося султанскаго посла Кантакузино, такъ и для нихъ прислалъ на встрѣчу пристава, кормъ и провожатыхъ людей до Азова. Черезъ два дня возвратились посольные и донесли: что въ Азовѣ главнаго начальника нѣтъ; а вѣдаетъ городомъ Кафинскій паша, отъ котораго находится тутъ уполномоченный Сеивъ-Бей управляющій Азовцами вмѣстѣ съ воротными и янычарскими Агами. Отъ этихъ лицъ прѣехали къ посламъ вмѣстѣ съ русскими нарочными, три грека съ письмомъ въ которомъ говорилось: что проходившіе въ прежнее время послы въ Царьградъ всегда примиряли Донскихъ казаковъ съ Азовцами; а какъ и нынѣ они въ войнѣ, то посламъ-бы казаковъ свести на миръ и отписать: расположены ли они къ тому, или нѣтъ. Отъ грековъ послы узнали что султанъ Османъ убитъ въ бунтѣ, и что на мѣсто его возведенъ Мустафа; что великій Визирь и прочіе сановники Дивана всѣ новые лица. Это поставило Кондырева и Бормасова въ безпокойство; а а сверхъ того Неустрой-Григорьевъ свелъ ихъ еще и въ большее оивсеніе, рассказавъ, что въ Азовѣ приходили къ нимъ люди съ великимъ шумомъ и упрекали за разбитіе казаками

(41) Дѣла турецкія въ столб. 1622 г. № 1 смотри распросныя рѣчи боярскаго сына Давыда Прутскаго.

кораблей на море, относя набѣгъ этотъ къ повелѣнію русскихъ пословъ и тутъ же грозили „*управиться*“ съ ними когда будутъ въ Азовѣ; привезенную отписку Азовцевъ Кондыревъ отослалъ къ казакамъ, а въ слѣдъ затѣмъ былъ и самъ въ войсковомъ кругу и говорилъ о ускореніи отпуски посольствъ. Атаманы объявили, что они мирится начнутъ, и немедленно написали Азовцамъ отписку объ этомъ съ присланными греками, съ которыми отправили также и отъ себя отписку Кондыревъ и Бормасовъ.

Вслѣдствіе казацкаго отвѣта переговоры о мирѣ начались. На третій день, по отправленіи Донской отписки, явился къ посламъ и посломъ въ Манастырскій городокъ „старый Азовскій мировщикъ Мустафа“. Донцы, зная хорошо этого лукаваго Азовца по прежнимъ договорамъ, нерѣшились дѣлать съ нимъ мирнаго „*постановленія*“ сказавъ, что за Мустафинимъ миромъ Азовцы никогда въ словѣ не устываютъ. И потому, задержавъ Мировщика у себя, послали въ Азовъ Атамана Василія Чернаго и толмача Ивана Кору съ отпискою о главныхъ статьяхъ мира и сказать на рѣчахъ: что-бъ Азовцы прислали договариватся и въ „*закладѣ*“ дали лучшихъ людей, кому можно было бы вѣрить и за кѣмъ миръ былъ-бы крѣпокъ, тогда они (Донцы) помирятся съ ними на все время пока русскіе послы изъ Царьграда назадъ придутъ; что на переговоры сроку полагаютъ пять дней, а отнюдь не болѣе десяти съ тѣмъ, чтобы въ это время окончательно договорится и заключить „*крѣпкій мирѣ*“. А когда состоится миръ тогда и Государевы посланники въ Азовъ придутъ (42).

Соскучивъ долгимъ ожиданіемъ отправленія изъ юртовъ Кондырева и Бормасова, на третій день по отъѣздѣ Чернаго въ Азовъ, послали тайно ночью отъ казаковъ, 5 Августа гонца въ Москву Бѣлопомѣстнаго Воронежскаго атамана Чернышева, съ донесеніемъ къ Царю. Описавъ подробно все случившееся съ

(42) Дѣла турецкія въ столбц. 1622 г. № 1 смотр. распросы рѣчи послан. отъ Кондырева съ Дону Воронеж. Бѣлопомѣст. атаман. Лариона Чернышева и каз. Кузьмы Ильин. вят. къ посол. прик. въ август. 1622 года.

ними на Дону (съ 5 іюля по 5 августа) заключали донесеніе тѣмъ, что будто казаки „манятъ“ ихъ со дня на день миромъ и заставляютъ „продатся“ (43).

8 Августа войско встрѣтило давно ожидаемыхъ съ моря казаковъ своихъ. Ихъ воротилось 25 струговъ, человекъ до 700, съ Запорожскимъ атаманомъ Шило, а болѣе 400 человекъ погибло въ походѣ. Въ слѣдъ за этимъ утверждень былъ Донцами миръ съ Азовцами. 13 Августа отпавились посольства изъ городка Монастырскаго въ Азовъ. Ихъ провожали до рѣки Каланчи (гдѣ сторожевыя башни), Вѣлопомѣстный атаманъ Яблочковъ съ ратными людьми (800 человекъ) и Донскіе атаманы Мартемьяновъ и Родиловъ съ 400 казаковъ. На каланчѣ, не доходя Азова версты 2, встрѣтилъ пословъ Большой Воротный Ага обдяи съ 400 янычаръ и Азовцевъ въ 30 стругахъ и повезъ въ городъ. Передавъ пословъ Донцы и ратные люди воротились въ Монастырскаго городокъ (44).

Собравъ много добычи въ морскихъ набѣгахъ, заключивъ миръ съ Азовцами, Донцы предались отдохновенію и разгулюю, хотя и не на долго, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Скоро по отъѣздѣ пословъ, получили они съ нарочнымъ гонцомъ толмачемъ Лежневымъ Царскую грамоту, или чрезъ донесенія Русскихъ пословъ изъ крима, или другими путями. Царь, узнавъ прежде пріѣзда въ Москву тайно отпавленнаго Кондыревымъ съ Дона нарочнаго, что въ Турціи уже новый Султанъ Мустафа, писалъ объ этомъ къ Донцамъ и къ посольству. При томъ казакамъ повелѣвалось, если послы не отпавились еще изъ Азова, проводить туда Лежнева, эту же грамотою ихъ упрекалъ Царь, хотя и снисходительно, что долго задерживали посольства въ юртахъ собственно чрезъ морскіе походы; удивлялся такимъ поступкамъ, не согласнымъ съ его желаніями и тре-

(43) Дѣла турецк. въ столбц. 1622 г. № 1 смотр. отпикс. Кондыр. и Бормас. привезен. въ Москву 28 август. 1622 года.

(44) Дѣла Турецкія въ столбц. 1622 г., № 2 смотр. стат. свисок. Кондырева и Бормасова.

боваль, чтобы жили мирно съ Азовцами (45). Въ слѣдъ за исполненіемъ повелѣнія о Лежневѣ, Донцы получили другую грамоту Царскую, посланную съ находившимися въ Москвѣ атаманами Кульневымъ и Молодымъ. Извѣстясь изъ украинскихъ городовъ о утвердившемся мирѣ у казаковъ съ азовцами, Царь назвалъ это „*добромя*“. Потомъ, напоминая о запорожцахъ какъ о людяхъ дѣйствующихъ по наученію Польскаго Короля для ссоры между Турціею и Крымомъ, запрещалъ казакамъ принимать ихъ къ себѣ и въ чемъ-либо слушать; а повелѣвалъ ходить на перевозки и подстергать тѣхъ Крымцевъ и Нагайцевъ, которые отпраляются въ Русь для грабежей, истреблять ихъ и отбивать у нихъ плѣнныхъ христіанъ (46).

Лишь только Кондыревъ и Бормасовъ вошли въ Азовъ, то и встрѣтили за казаковъ притязанія. Аги требовали отъ нихъ ручательства въ томъ, что Донцы, по отъѣздѣ ихъ съ Царьграда, не будутъ разбивать Турецкіе корабли на море. Кондыревъ и Бормасовъ рѣшительно отказались согласиться на это говоря, что на Дону живутъ, какъ и самими Азовцами извѣстно, „*воры люди схожіе*“ и на море ходятъ самовольно; что Азовцы и городовые жители, тоже ежегодно, лѣтомъ, и осенью и зимою, дѣлаютъ набѣги на Россійскіе украинцы, наносятъ много разореній и уводятъ людей въ плѣнъ. Аги отвѣчали, что и въ Азовѣ живутъ *вольные* — жъ люди и на Русь ходятъ самовольно. — И тѣмъ притязанія кончились.

Въ Кафѣ Кондыревъ и Бормасовъ не избѣгли подобныхъ же притязаній отъ Паша Магмета и хотѣли было отдѣлаться обычною отговоркою; но Паша, приказавъ привести къ себѣ на дворъ передъ пословъ челоуѣкъ 20 русскихъ плѣнниковъ окованныхъ тяжкими цѣпами и, обратясь къ посламъ, сказалъ: „спросите сами „*своихъ казаковъ*“ какіе они люди, и почему повелѣнію ходятъ на море, разбиваютъ корабли и каторги, гу-

(45) Дѣл. Турец. въ столб. 1622 г. № смотр. Царскія грам. на Донъ 31 Августа 1622 г. послан. съ толмачемъ Лежневымъ.

(46) Дѣл. тур. въ столб. 1622 г., № 1 смот. Цар. грам. на Дон. отъ 20 Сентября 1622 г., послан. съ Кульневымъ и Молодымъ.

бить людей и опустошать земли нашего Государя*. — „Намъ не для чего спрашивать ихъ. А видимъ мы, отвѣчали Кондыревъ и Бормасовъ, — что приведены все Черкасы Польскаго Короля люди; а что между ними и Русскіе есть, то измѣнники нашего Государя, служащіе Королю вмѣстѣ съ Черкасами. А если бы между ними были и *прямые* Донскіе казаки, то извѣстно, что на Дону живутъ *всякіе, схожіе люди вольные*, за которыхъ Государь нашъ не стоитъ“. — Паша возразилъ: „Донскихъ казаковъ наши люди побиваютъ на море каждый годъ очень много, а ихъ на другой годъ проявляется еще болѣе прежняго; и если бы не было прибывныхъ людей съ — Руси на Донъ, то мы съ тамошними *жителями* казаками давно бы управились и съ Дону ихъ сбили“. На этомъ упреки и кончились. Безъ дальнихъ неприятностей Кондыревъ и Бормасовъ отплыли и изъ Кафы. На пути въ море, не подалеку отъ Константинопольскаго пролива, подверглись они сильной бурѣ, долго носившей ихъ корабль, который съ трудомъ присталъ у городка Легры. Тутъ принуждены они были переждать бурю пять дней. Городокъ былъ пустъ, всѣ жители разбѣжались изъ него отъ казацкихъ наѣздовъ. Поплывъ отсюда посланники снова потерпѣли сильѣйшую бурю и нашлись въ необходимости (28 Сентября) выйти на берегъ, въ Лиманы, при селеніи Кондрѣ (въ 100 верст. отъ Царьграда).

Тутъ стояло 10 кораблей Турецкихъ, сохранявшихся тоже отъ бури. Турки, увидя посланниковъ, бѣжали съ кораблей по селеніямъ, думая, что пришли на нихъ *„Донскіе казаки“*. Такъ силенъ былъ ужасъ наведенный въ этихъ мѣстахъ казацкими наѣздами. Слѣды наѣздовъ, оставленные здѣсь въ прошедшемъ іюлѣ, высказывались весьма горестно: Кондра (изъ 500 дворовъ) и другія близкія селенія представляли обгорѣлыя развалины. — Кондрійскій Кади и многія кунцы и жители (до 300 человекъ) приходили къ Русскимъ посламъ и тяжело жалуясь на *„Донскихъ казаковъ“* за разоренія, пожаръ и истребленіе многихъ Кондрійскихъ жителей и другихъ селеній; говорили, что

и мы сдѣлаемъ вамъ тоже, что сдѣлали намъ ваши казаки. Послы объяснили оскорбленнымъ, что они идутъ отъ Царя къ Султану Мустафѣ по Государственнымъ дѣламъ; что Донскимъ казакамъ строго запрещено врываться въ Турецкія области; что на море ходятъ запорожцы — люди Польскаго короля, а не Донскіе казаки. Турки возражали, что они запорожцевъ отъ Донцовъ различать умѣютъ; что нынѣшняго лѣта сожгли Кондру Донцы, а не запорожцы; и что если дѣйствительно Донцамъ на море ходить запрещено, то они посламъ ни какой обиды не сдѣлаютъ.

Дождавшись ночи, оба посольства — Русское и Турецкое — ушли изъ Кондры сухимъ путемъ къ Царьграду и были въ дорогѣ четыре дня съ великою боязню, чтобъ за казачьи наѣзды турки не сдѣлали на нихъ нападеныя. Селенія, по какимъ они проходили, всё были пусты; люди разбѣжались изъ нихъ отъ казаковъ и жили по лѣсамъ.

За 10 верстъ отъ Царьграда, въ селѣ Бейкусѣ, сѣли послы на корабли и приплыли въ столицу 13 октября (47).

Почти въ слѣдъ за прибытіемъ Русскихъ пословъ въѣхалъ въ Царьградъ и Польскій посланникъ Зборожскій для заключенія мира. — Дѣло о мирѣ приняло затруднительный ходъ. Совершенію его противодѣйствовали: Константинопольскій патріархъ Кирилль, въ замыслахъ котораго Французскій посолъ Де-Сези усматривалъ великую цель ослабленія, или разрушенія Римской церкви и представлялъ его Царю и Королю своему Людовику XIII, еритокомъ; Голландскій посланникъ и въ особенности Верховный Визирь Жіуржи, къ этой партіи присоединилось и Русское посольство искусно дѣйствуя по ходу дѣла. Строитивый и гордый до грубости Жіуржи ссорился съ Польскимъ посломъ до тѣхъ поръ, пока замѣненъ былъ другимъ Верховнымъ Визиремъ Гуссейномъ Пашею. Новый Визирь, хотя и обходился съ поляками въ ливѣ своего предшественника, но дѣйствовалъ

(47) Дѣл. Турец. въ столбц. 1622 года № 2 смотр. стат. свисокъ Кондрева и Бормасова.

въ прежнемъ духѣ, и тянулъ рѣшеніе дѣла подѣ разными изворотами, заставляя ихъ какъ и Жіуржи, тратить много денегъ на подарки; наконецъ прибавленіемъ въ Хотинскій договоръ двухъ статей: а) чтобы Поляки не могли прямо, или косвенно подавать помощь Императору противъ Трансильванскаго князя и б) чтобы Россія возвратила двѣ или три крѣпости, — вывелъ ихъ изъ терифніа, принудивъ уѣхать изъ Царьграда безъ заключенія мира и превратить личныя переговоры въ переписку Дивана съ Польскимъ Сеймомъ. Среди такихъ обстоятельствъ Кондыревъ, хотя и получилъ было отпускъ отъ прежняго Визиря Жіуржи, но нашлось нужнымъ дождаться конца Польскому договору, медлилъ отъѣздомъ, пустивъ въ ходъ предложеніе (какъ пишетъ Де-Сези) 400 тыс. талеровъ Султану если онъ объявитъ войну Полякамъ, съ обѣщаніемъ платить такую сумму всякій годъ доколѣ будетъ продолжаться война (48). Это предложеніе хотя и осталось безъ окончанія, однакожь Порта, вмѣстѣ съ возвращеніемъ Кондырева, отправила въ Россію и своихъ пословъ. При совѣщаніяхъ о Польскихъ дѣлахъ съ Кондыревымъ, Визирь не проминулъ вести разговоръ и о Донскихъ казакахъ потому, что въ Царьградѣ слухъ о четырехъ казачьихъ лодкахъ на Черномъ море, какъ замѣчаетъ Де-Сези, — безпокоилъ тогда Порта гораздо болѣе, нежели чума въ Моравіи или Варваріи (49). Но переговоры эти кончились безъ положительнаго постановленія: турки, по обыкновенію, требовали удержанія Донцовъ отъ наѣздовъ по морямъ, а русскіе, тоже по обыкновенію, взаимно требовали удержанія Азовцевъ отъ набѣговъ на Украину и ни то ни другое не могло исполниться (50).

Большое стеченіе молодыхъ „гуляющихъ“ (отважныхъ) людей въ нижнихъ юртахъ изъ городовъ Украинныхъ и появленіе между Атаманами Тихона Чулкова, оставившаго Волгу по-

(48) Де-Сези смотритъ депеши отъ 13 и 27 ноября и 12 декабря 1622 г., 9 февраля 5 и 19 марта 2, 15 апрѣля и 14 мая 1623 г.

(49) Депеши 18 сентября 1622 года.

(50) Турецкія дѣла въ столбц. 1622 года № 2-й смотр. статьи; списокъ Кондырева и Бормасова.

елѣ уничтоженія шаекъ Заруцкаго возродило въ главномъ въ вѣскѣ какую-то особую вольницу, главою которой былъ Чуковъ. Отважный духъ этой вольницы увлекалъ ее до непоколебленія „лучшимъ“ или „старѣйшимъ“ Атаманамъ Исая Мартыянову, Елифану Родилову и другимъ. Не могли „не скорбѣть“ старѣйшины отъ такого поведѣнія молодыхъ и скорбѣли, (какъ о томъ объявилъ въ Посольскомъ приказѣ при ланной Кондыревымъ Неустрой-Филимоновъ зная, что оно можетъ повести на войско „опалу“ Царскую, но удержать „Муныхъ“ — какъ они называли ихъ — было не возможно. Такъ, въ концѣ крѣпѣи весны 1623 года, едва только пронеслось въ стѣжкахъ юртахъ, что Царскіе посланники отпущены изъ Царскаго града, толпа „молодыхъ и муныхъ“ Донскихъ отвага, человекъ до 1000, (а въ томъ числѣ до 400 Запорожцевъ) на 30 стругахъ, подъ начальствомъ „такого же Атамана“ считая, что уже время мира съ Азовомъ для пословъ кончилось, пустилось на море. — Войдя въ Керченскій проливъ, между Керчью и Таманью, захватили казаки сына Таманскаго Градоначальника, во время прогулки его по морю на Камыгъ, и отдали ошу не иначе какъ по выкупу за 2000 золотыхъ. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ ихъ скажемъ въ послѣдствіи. —

Бывъ недоволенъ долгимъ задержаніемъ (въ 1622 году) пословъ на Дону и слыша многія упрёки Крымцевъ и Турокъ за морскіе наѣзды казаковъ, Царь отправилъ (въ мартѣ 1623 года) изъ Москвы Князя Михѣила Бѣлосельскаго, лично убѣдиться на мѣстѣ въ положеніи войска и объяснить казакамъ важность дружественныхъ отношеній Турціи и Крыма къ Россіи. Съ нимъ послана на Донъ Царская грамота и жалованье. Для исполненія порученія данъ ему особый наказъ.

По наказу, Князь, кромѣ произнесенія рѣчи въ войсковомъ кругу, которой содержаніе было одинаково съ грамотою, долженъ былъ не одинъ разъ призывать къ себѣ „на станъ лучшихъ атамановъ — Исая Мартыянова, Елифана Родилова и иныхъ Атамановъ, есауловъ и казаковъ лучшихъ,

не многихъ*, какихъ войско слушается и разюваривать и рассуждать съ ними всякими мѣрами*.

а) О томъ чтобы казаки исполняли Царскія повелѣнія, съ Азовомъ жили мирно, на море не ходили, Турецкихъ и Крымскихъ владеній не разоряли, кораблей и каторгъ не разбивали, для сохраненія дружбы Султана и Хана съ Царемъ, устраненія помѣшательства въ посольскихъ сношеніяхъ и для неотлученія себя отъ Государевой милости. Что напротивъ, при ослушаніи, имъ нельзя будетъ впередъ показываться въ Москвѣ, надѣяться на Царское вниманіе и просить о чемъ нибудь. — За мѣчанія такія велѣно князю сдѣлать спокойно и ласково *и многихъ рѣчей не плодить, чтобъ не ожесточить и отъ Государевой милости не отогнать*.*

б) Противъ жалобъ Атамановъ на непостоянство Азовцевъ въ мирныхъ договорахъ и на лукавство ихъ въ склоненіи къ набѣгамъ Крымцевъ и Нагайцевъ сказать, что при сохраненіи дружественныхъ отношеній Хана и Султана, нельзя ожидать отъ Татаръ и Турокъ вреда украиннымъ городамъ.

в) О Запорожцахъ если окажется ихъ на Дону человекъ 200 или 300 и болѣе, недавно пріѣхавшихъ въ прошломъ лѣтѣ или зимою, — объяснить, что люди эти, какъ подручные злему недругу Россіи Сигизмунду, не могутъ быть Царю *„доброхоты*“* и кромѣ зла и ссоры ничего отъ нихъ ожидать нельзя; что и въ Донскіе юрты пріѣзжаютъ они по умыслу Короля, съ намѣреніемъ стѣснять казаковъ на Дону, а казаки лести ихъ вѣрятъ и держатъ у себя, почему Атаманы сдѣлали бы цѣлымъ войскомъ совѣтъ объ этомъ и выслали запорожцевъ изъ своихъ юртовъ. Когда же Донцы напротивъ скажутъ, что Запорожцы пріѣхали на житье и общались вмѣстѣ съ ними служить Царю и въ этомъ за нихъ *„поручатся своими головами*“*, то Князю дальнѣйшаго противорѣчія не дѣлать, но объяснить, что если послѣ такого ручательства возникнетъ отъ запорожцевъ какой-либо раздоръ, то какъ тогда просить казакамъ у Государя милости. Почему они Атаманы посудили бы

объ этомъ хорошенько. Если же вновь прибылыхъ Запорожцевъ нѣтъ, а только давно живущіе на Дону съ женами и дѣтьми, то Князь и не заводилъ бы о нихъ рѣчи съ Атаманами.

Сверхъ того вмѣнено ему въ обязанность узнать тайно: а) сколько при немъ будетъ всѣхъ въ сѣздѣ атамановъ и казаковъ *лучшихъ, среднихъ и худыхъ* и б) сколько на Дону живетъ Запорожцевъ и въ какихъ юртахъ, или они имѣютъ свои особые юрты.

25 апрѣля приплылъ Князь Вѣлосельскій къ Манычскому городку, остановился тутъ и послалъ въ Монастырской Воронежца Боярскаго сына Неустроя — Татарина, извѣстить Атамановъ о себѣ и о сдѣланіи созванія казаковъ изъ всѣхъ верхнихъ городковъ въ Нижніе юрты для Государева дѣла, немѣшкая.

Атаманы Исай Мартемьяновъ съ товарищами и войсковымъ есауломъ радостно приняли Татарина у часовни, и сказавъ ему чтобы Князь ночевалъ ниже Манычскаго городка у *Трехъ-Острововъ*, гдѣ въ слѣдующее утро, встрѣтять они его съ честію по обычаю, тотчасъ отпустили назадъ.

26 апрѣля (тогда были казаки со всѣхъ городковъ въ сборѣ) — иные въ стругахъ по р. Дону, иные берегомъ на коняхъ — войско приняло Князя у Трехъ-Острововъ и проводило его до мѣста, назначеннаго для стана близъ городка Монастырскаго.

Тутъ Князь объявилъ *лучшимъ* Атаманамъ, чтобы въ Войсковомъ кругу, когда онъ будетъ отдавать Государеву грамоту и говорить рѣчь, изъ Запорожцевъ ни одинъ человекъ не былъ, для устраненія всякаго помѣшательства Государеву дѣлу. Атаманы отвѣчали, что запорожцы проявились въ прошедшемъ году — человекъ съ 300 и въ нынѣшнемъ по веснѣ, человекъ со 100, взявъ струга весною же, тайкомъ уплыли въ море, а какіе здѣсь остались и тѣ въ Войсковой кругъ не ходятъ; даже и тѣмъ Запорожцамъ Атаманы не велѣли быть въ кругу, которые давно живутъ на Дону съ женами и дѣтьми и во всемъ вѣрны.

27 апрѣля собрался большой Войсковой кругъ, въ кото-

ромъ Князь Бѣлосельскій вручилъ Атаманамъ Царскую грамоту и затѣмъ сказалъ рѣчь по наказу. Государь съ неудовольствіемъ и снисходительностію писалъ казакамъ: „По вступленіи на престоль, желая сохранить согласье и дружбу съ Султаномъ Турецкимъ и Ханомъ Крымскимъ, не однократно писали мы къ вамъ съ нашими послами, съ дворянами и съ атаманами вашими, повелѣвая жить мирно съ Азовцами, по морямъ не плавать, городовъ и людей Турецкихъ и улусовъ и людей Крымскихъ не разорять. Вы Атаманы и все Войско, не одинъ разъ, отвѣчали намъ отписками своими, что служите намъ и въ нашемъ повелѣніи быть готовы. За вашу службу, мало что не ежегодно, посылали мы вамъ наше жалованье свѣше прежнихъ Государей, деньги, сукна, хлѣбные и пушечные и всякіе запасы, а пріѣзжающихъ отъ Васъ въ Москву атамановъ и казаковъ жаловали на пріѣздѣ и на отпускѣ деньгами, камками, тафтами и сукнами добрыми и всѣмъ просьбамъ вашимъ внимали милостию. Но за всѣмъ этимъ, какъ извѣстно намъ отъ *многихъ людей**, посылали вы войско свое подъ Азовъ и подъ Турецкіе города и на море и на Крымскіе улусы, чѣмъ наводили непріязнь къ намъ Султана и Хана. Да онижъ Султанъ (и особенно) Ханъ—пишетъ къ намъ безпрестанно о Васъ, жалуются за разоренія, отрекаются помогать намъ впередъ противъ недруговъ нашихъ и даже сами грозятъ за васъ идти войною на наши украинны*.

(За этимъ объясняются дѣйствія казаковъ въ бытность пословъ на Дону Турецкаго—Контакузино и русскихъ—Кондырева и Бормасова). „Кромѣ этого, вы сами знаете, что за ваши наѣзды, посланники наши подвергаются въ Царьградѣ *задержанію и неволя*“, а Азовцы и Нагайцы воюють украинны наши. И если впередъ Султанъ и Ханъ, видя отъ Васъ тѣсноту землямъ своимъ, пошлютъ на наши украинны свою рать, то ссора и кровь *будетъ отъ Васъ**. Слушаясь прежнихъ и этой нашей грамоты—живите съ Азовцами мирно, на море и подъ Крымскіе улусы для добычи не ходите. Посылая на

Донъ *Дворянина нашего* Князя Бѣлосельскаго, послали съ нимъ къ вамъ и наше Царское жалованье: деньги и хлѣбные и пушечные запасы, противъ прежнихъ лѣтъ; и что Князь, по нашему повелѣнію, будетъ говорить вамъ о нашихъ дѣлахъ, вы бы его слушали и во всемъ ему вѣрили. Когда же посланники наши придутъ на Донъ къ вамъ изъ Царьграда и съ ними можетъ быть ѣхать будутъ Турецкіе Чауши, то примите ихъ честно и проводите до Воронежа“.

Выслушавъ грамоту Царскую, атаманы съ покорностію отвѣчали Князю, что „они, по Государеву указу, въ мирѣ съ Азовцами и на море для добычи не ходятъ“. Подъ этимъ, конечно, разумѣли они дѣйствіе своего Войсковаго круга, а не той молодой вольницы, о весеннемъ походѣ которой, сказали мы выше.—А что впередъ ходили войскомъ и корабли и каторги громилы—продолжали атаманы—въ томъ они передъ Государемъ виноваты; и во всемъ царское повелѣніе исполнять хотятъ“. Потомъ съ великою радостію и честію приняли Государево жалованье.

Въ послѣдствіи, при неоднократныхъ бесѣдахъ съ Княземъ, атаманы и казаки говорили ему: что имъ слухъ есть о замыслахъ Азовцевъ поставить близъ *Нижняю* Донскаго городка, на „*Крымской сторонѣ*“ „при р. *Темерникѣ* „городъ“, чтобы войско стѣснить и промыслы стять; и что имъ этого намѣренія Азовцевъ *не стерпятъ*; и допустить поставить городъ „они не хотятъ“. Это опасеніе Донцовъ имѣло большое вліяніе на послѣдующія дѣйствія ихъ противъ Азовцевъ, а слѣдовательно и на поведеніе въ отношеніи требованій правительства. Чудная жизнь казаковъ не падала но крѣпла отъ того болезненнаго положенія, въ которомъ она постоянно находилась; и по которому они не могли придти въ усиленіе, безпрестанно осылая раны.

Исполнивъ порученіе, Князь Бѣлосельскій скоро отправился обратно. Донцы проводили его какъ и приняли, съ болшею почестію.

Почти въ то время, какъ Князь Вѣлосельскій выѣхалъ съ Дону, Русскіе послы вмѣстѣ съ послами Турецкими — Ахметомъ Агою и Махметомъ и съ приставомъ Азовскимъ Беемъ Ассаномъ приплыли изъ Царьграда въ Кафу (19 мая 1623 г.). Тутъ, при нихъ, по увѣдомленію Азовскаго Аги къ Крымскому Хану и Кафинскому Пашѣ, разнеслась вѣсть, что Донскіе казаки вышли въ морѣ. Городъ пришелъ въ тревогу и ужасъ; жители съ дѣтьми и женами, забравъ имущество, кто что могъ, бѣжали въ безопасныя селенія въ глубь Крыма; остались не многіе, рѣшившіеся вооружиться. Они, озлобившись, пришли шумно къ Русскимъ посламъ, заперли ихъ въ одномъ дворѣ, приставили стражу, чтобъ не пускать ни кого съ двора и хвалились побить.

Къ несчастію пословъ, въ слѣдъ за этимъ отъ Крымскаго Хана, получено Кафинскимъ Пашею повелѣніе о принятіи всѣхъ мѣръ осторожности, чтобъ не упустить Русскихъ изъ Кафы, провѣдывать о казакахъ, и, какъ только они покажутся, немедленно извѣстить его для прихода съ войскомъ на помощь Кафѣ. Казаки не являлись здѣсь. Кафинцы, продержавъ у себя пословъ три мѣсяца, отпустили ихъ (20 іюля) въ дальнѣйшій путь.

Когда посланники приплыли изъ Кафы въ Керчь, тогда показались тутъ и казаки, напали на плывшую въ виду города Турецкую Комагу и людей на ней, однихъ побили а другихъ забрали въ плѣнъ. Въ городѣ произошло величайшее смятеніе и ужасъ. Многіе Керченцы пришли на посольскій корабль, взяли Кондырева и Вормасова, повели ихъ въ городъ, посадили въ башню и грозили побить. Корабли же съ посольскими людьми и всѣ другіе суда подвели къ городу и немедленно послали извѣстіе о казакахъ Крымскому Хану и въ Кафу. Послѣ того, Керченцы требовали отъ Русскихъ пословъ, чтобы они уговорили казаковъ не приступать къ городу и судовъ не трогать, а въ противномъ случаѣ обѣщались все посольство побить. Кондыревъ принужденъ былъ послать къ ка-

закамъ Кречетника Бакина и Толмача Бидѣва, уговорить ихъ чтобы отошли отъ города въ юрты, что они, послы, идутъ на Донъ; и что имъ за этотъ казачій наездъ грозятъ смертію. Казаки, отвѣчая, что „не издобывся“ назадъ они не пойдутъ, не тронули города и поплыли мимо Керчи за Кафу въ Черное море.

По уходѣ казацкихъ струговъ, приставъ Бей Асанъ объявилъ посламъ русскимъ, что онъ ихъ и старшаго посла Турецкаго Ахмета Агу поведетъ въ Азовъ степню, темрюцкою стороною, а всѣ прочіе посольскіе люди поплывутъ моремъ; что путь такой предпринимаетъ онъ для безопаснаго прохода отъ казаковъ и запорожцевъ. — Кондыревъ противился этому, говоря, что онъ съ своими людьми разойтись не можетъ и степню одинъ безъ нихъ не пойдетъ, да и прежде ни когда пословъ степню чрезъ Черкасскіе города не водили. — Бей Асанъ и Керченскіе старшіе люди сказали, что если послы не пойдутъ темрюцкою стороною свободно, то они повезутъ ихъ противъ воли. — Послѣ того Бей Асанъ, взявъ Кондырева и Бормасова изъ Башни и Ахмета—Агу, перевезъ изъ Керчи на Темрюцкую сторону; а посольскія люди-толмачи Кречетники собольники и прочіе отправлены моремъ.

28 іюля пріѣхали послы въ Темрюкъ. На другой день пришли къ нимъ толпою Темрючане, укоряли за казаковъ и требовали чтобы они заплатили 2000 золотыхъ, взятыхъ за окупъ сына Темрюцкаго градоначальника. Бей Асанъ и Турецкой посланникъ Ахметъ Ага убѣждали Темрючанъ, чтобы они ни какого притѣсненія посламъ Русскимъ не дѣлали и отпустили ихъ немедленно. — Темрючане взбѣсались, хотѣли порѣзать ножами Бей—Ассана и Турецкаго посла, но одумались и вложили ножи въ ножны; потомъ сказали чтобы они отправились въ Керчь; а Русскихъ пословъ хотѣли посадить въ Баню. — Тутъ Бей Асанъ и Турецкой посланникъ дали на себя „память въ подаркахъ“ Темрючанамъ и они освободили путниковъ, послы отправились на р. Кубу. 30 іюля не до-

ходя р. Ей, ограбилъ ихъ Нагайскій Мурза Видей, мстя за набѣгъ зимою Донскихъ казаковъ.

3 августа посланники достигли Азова. Здѣсь, при входѣ ихъ въ дворъ, Азовскіе люди съ шумомъ приступали къ нимъ и хотѣли побить; другіе совѣтовали отпустить на Донъ, но отрѣзавъ уши и носъ за то, что будто казаки, за миромъ нанесли имъ многіе убытки, угнавъ лошадей и другой скотъ и не допустивъ свести съ полей хлѣбъ и что при Донскомъ устьѣ и теперь стоитъ до 30 струговъ казачьихъ, ожидающихся каравана изъ Кафы, чтобъ разбить его, не допустивъ до Азова, чрезъ что они и сидятъ въ осадѣ отъ казаковъ. А какъ имъ извѣстно, что изъ Москвы, каждый годъ, присылается казакамъ жалованье и всякія запасы съ повелѣніемъ ходить на море, то теперь Русскіе послы должны помирить казаковъ съ Азовцами съ тѣмъ, чтобы казаки Караваны не трогали. Если же не помирятся и съ устьевъ Дона не сойдутъ, то они, Азовцы, посламъ долже терѣть не будутъ и побьютъ ихъ. Потомъ заперли пословъ въ дворѣ, приставили къ нимъ 20-ть человекъ для стражи и не велѣли ни куда пускать.

Въ тотъ же день, въ который прибыли послы, Азовцы сами ходили подъ Черкасскій городокъ; убили двухъ казаковъ и много лошадей и скота угнали. Терпя эту обиду Донцы не знали о прибытіи посольствъ въ Азовъ. На другой день пришелъ Бей Ассанъ и Азовскій Бей, говорили Кондыреву о посылкѣ отъ себя въ Донское устье нарочного къ казакамъ для извѣщенія о своемъ приходѣ и объявленіи, чтобы они ушли съ моря въ юрты. Въ удовлетвореніе этого желанія, Кондыревъ отправлялъ къ судовому войску переводчика Резена Кучумова и Неустроя Филимонова; казаки послушались, одна часть ихъ воротилась въ Монастырской городокъ, а другая большая поплыла въ даль моря къ Анатольскимъ (Анатолія) берегамъ. Возвращавшіеся казаки, въ отмщеніе за набѣгъ, напали на пути на рыболововъ Азовскихъ и взяли въ плѣнъ 25 человекъ.

Скоро послѣ этого начали ссылатся Азовцы съ Донцами

во миръ, и три раза ѣздили одни къ другимъ для перегово-
ровъ, спора въ главныхъ предметахъ мирнаго условія. Азовцы
требовали, чтобъ мирныя мѣста были въ юртахъ только до го-
родка Курмань—ары (нынѣ Курмырская станица), занять го-
родковъ ниже по р. Дону отъ Пятинаблянскаго. Прежде же въ
тяжкихъ обстоятельствахъ Донцы мирились иногда только по
городокъ Пятинаблянскій, но не ниже. Почему теперь они и не
соглашались на требованіе Азовцевъ, ссылаясь на прежнія усло-
вія какъ на обычай, противъ того не бывалаго домогательства,
съ своей стороны устанвали о замиреніи на весь Донъ, чтобъ
ни какихъ городковъ не предоставлять въ жертву набѣговъ не
угомонныхъ сосѣдей. Да и вообще на море рѣшались теперь
казаки только для скорѣйшаго освобожденія изъ Азова и про-
веденія Русскихъ и Турецкихъ пословъ къ Москвѣ, а иначе
и не помирились бы. По уваженію этой важной причины Ата-
маны полагали между собою, какъ показывалъ въ Москвѣ Не-
устрой Филимоновъ, согласится даже на миръ и по Курмань-
Ярь съ тѣмъ, чтобы по проѣздѣ пословъ чрезъ юрты, разорвать
его, какъ явно притѣснительный потому, что верхніе городки
очень „о безлюдли“ тогда и бессильны были для отпора на-
бѣговъ. Между тѣмъ, какъ начались эти переговоры, Кондыревъ
прислалъ изъ Азова въ Монастырской брата своего Петра Кон-
дырева съ Неустроемъ Филимоновымъ съ тѣмъ, чтобы послѣд-
ній отправленъ былъ казаками въ Москву съ отпискою его къ
Царю о задержаніи посольствъ въ Азовѣ. Съ Неустроемъ Дон-
цы послали и свою „въстовую станицу“ Атамана война
Несвѣтаева съ семью казаками и съ отпискою, въ которой
представляли, что Азовцы съ ними задираются безпрестанно и,
соединясь съ Нагайцами, наносятъ разоренія городкамъ ихъ,
бьютъ казаковъ, угоняютъ стада и, заставляя обороняться, подвер-
гаютъ ихъ такимъ образомъ Царской опалѣ; но что, не смотря
на всѣ глубокія обиды, они для принятія и провожанія по-
словъ съ ними замиряются. При всемъ этомъ имъ сдѣлалось еще

известно, что теперь Начальникъ Азова Бей Асанъ, по совѣту съ Крымскимъ Ханомъ, вызвался Султану открыть войну; привезъ изъ Турціи пушки, порохъ и другіе боевые снаряды, и располагаетъ за миромъ приступать къ Донскимъ городкамъ, чтобы ихъ уничтожить и съ Дона прогнать. Почему и спрашивали казаки, какъ Государь укажетъ имъ поступить? Подавъ отписку, Атаманъ Несвѣтаевъ, по наказу войска, говорилъ въ Посольскомъ Приказѣ что Донцы, не смотря ни на какія опасенія, всѣми душами ради Государю неслужить и скорѣйшимъ заключеніемъ мира съ Азовцами освободить пословъ. Судя же по времени, онъ Атаманъ думаетъ, что уже теперь (8 сентября) миръ заключенъ и послы на Дону.

Наконецъ, переговоры Азовцевъ при неоднократныхъ посылкахъ Кондыревымъ переводчика Кучумова въ Монастырской городокъ, установились миромъ съ Донцами. Не знаемъ, весь ли Донъ былъ замиренъ, или съ исключеніемъ верхнихъ городковъ по городокъ Курмань-Яръ. 20 сентября, для принятія посланниковъ, ѣздили подъ Азовъ Атаманы Мартемьяновъ и Родиловъ и до 500 казаковъ на стругахъ и конные. За двѣ версты, не доходя до города, у рѣкъ Каланчи, войско встрѣтило пословъ. Здѣсь, при самой передачѣ ихъ, Азовцы не могли выдержаться отъ злобы на казаковъ и двухъ изъ нихъ ранили, казаки хотѣли было немедленно отмстить за себя, но были удержаны совѣтомъ Кондырева и отошли безъ драки. По приближеніи къ городкамъ своимъ, Донцы въ честь пословъ, стрѣляли изъ пушекъ и мелкаго оружія. Въ тотъ же день, въ который пришли посольства (21 сентября), возвратились въ юрты Нижніе и казаки съ моря (въ 30 стругахъ), отплывшіе еще весною. Ни чего не зная о мирѣ, заключенномъ войскомъ съ Азовцами, они близъ Донскихъ устьевъ, напали на турецкую команду, шедшую изъ Азова въ Кафу, взяли ее и убили на ней 20 человекъ турокъ. Азовцы жестоко упробали казаковъ, что за миромъ сдѣлали такое нападеніе и выставляли это предлогомъ къ новой войнѣ.

Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи посольствамъ случилось большое затрудненіе „*Встрѣчниковъ*“, прїѣзжавшихъ обыкновенно въ Морскіе порты изъ Воронежа судами для подъема посольствъ, еще не было, а путь Дономъ при упущеніи осени могъ сдѣлаться не возможнымъ. У казаковъ же не нашлось столько способныхъ судовъ (бударокъ), которые подняли бы оба посольства, состоявшіе изъ 150 человекъ; при томъ не было и гребцовъ и потому, казаки, объявивъ объ этомъ Кондыреву, присоветовали, что имъ безъ *встрѣчниковъ* посольствъ и отпустить нельзя потому, что такъ ни когда не бывало. Провожать же пословъ до Воронежа они рады и по Дону отъ городка до городка казаки будутъ встрѣчать и провожать по распоряженію войска. Потомъ заключили, что посольства должны зимовать на Дону. Услыша это, Турецкіе послы объявляли чтобы имъ въ зимовку на Дону дано было хорошее содержаніе а вѣтъ, то отпустили бы ихъ въ Азовъ. О такихъ обстоятельствахъ Донцы послали въ Москву стѣнью чрезъ Волуйки „*рзвую* (скорую) *вѣстовую*“ станицу съ отпискою атамана Карна Горожанкина и 8 казаковъ, а съ нею Кондыревъ отправилъ и отъ себя посольныхъ толмачей Бидѣва и Кречетника Петрова съ донесеніемъ. Между тѣмъ, отправленный изъ Москвы на Донъ для встрѣчи и подъема пословъ, дворянинъ Лызловъ медлилъ прїѣздомъ отъ части по позднему выѣзду изъ Воронежа, за не извѣстностію прїбытія посольствъ въ Азовъ, а главное потому, что вздумалъ при этомъ промышлять: нагрузивъ суда, самъ и бывшіе съ нимъ ратные люди разными запасами и виномъ, ѣхали по Дону спокойно и приставали у городковъ для торговли на столько времени, сколько ему хотѣлось (51). Кондыревъ, не зная ничего о томъ, принужденъ былъ изыскивать средства какъ бы отправится въ дорогу. — Атаманы сказали ему, что „въ войскѣ казаа есть и денегъ они дадутъ сколько ему надобно“. Итакъ Кондыревъ, взявъ у казаковъ восемь струговъ и Барокъ и нанявъ еще барокъ, сколько нашлось у торговыхъ людей, бывшихъ

(51) Дѣл. Турец. 1624 г., № 1, смотри грам. на Донъ 18 марта 1624 г.

тогда на Дону изъ украинскихъ городовъ, отправился съ посольствами изъ Монастырскаго 6-го октября. Для провожанія и охраненія ихъ въ пути до самой Москвы, войско послало двухъ атамановъ своихъ Ивана Васильева и Ѳедора Кольца съ 8-ю казаками. Уже въ декабрѣ доѣхали туда посольства, претерпѣвъ такъ много непріятностей.

Жестокая перемѣна во владыкахъ Турціи произвела потрясеніе и во владыкахъ Крыма, находившихся подъ вліяніемъ силы первыхъ.—Новый Верховный Визирь и новые совѣтники Дивана добились у Мустофы указа свергнуть Джанъ—Бекъ—Гирей, и на мѣсто его дать Крыму Хана новаго Магметъ—Гирей. Не знаемъ дѣствительной причины побудившей къ тому турцію. Знаемъ только, что среди переговоровъ Дивана съ Поляками о мирѣ Джанъ—Бекъ Гирей, дѣйствовавшей въ духѣ пылкаго Султана Османа, произвелъ въ короткое время (1623 г.) три значительныхъ набѣга на Польскую Россію, имѣвшихъ большое вліяніе на змедленіе окончанія упомянутыхъ переговоровъ. При томъ татарскія набѣги захватывали селитьбы запорожцевъ, то и ихъ ожесточеніе противъ Крыма и Турціи тогда усилилось и умножило морскія наѣзды. Быть можетъ все это и составляло причины къ неудовольствію на Джанъ—Бекъ—Гирей. Новый Ханъ привелъ съ собою изъ Царьграда въ Крымъ значительное число янычаръ, на двѣнадцати каторгахъ, назначенныхъ для крейсированія по морямъ противу Запорожскихъ и Донскихъ казаковъ (52). При самомъ вступленіи на владычество, встрѣтилъ онъ множество жалобъ отъ Крымцевъ на Донскихъ казаковъ за давнія и свѣжія обиды. Мало что Крымцы даже и Азовцы приходили къ нему съ „великими слезами“ о претерпѣнныхъ разореніяхъ отъ казаковъ (53). Извѣщая Русскаго Царя о вступленіи своемъ на Ханство, надмѣнный Татаринъ прислалъ грамоту безъ полнаго титула Михаилова, объявляя го-

(52) Дѣла Крым. въ столб. 1623 г., № 10 смотр. распр. рѣч. Новокрещ. Татар. Войберли.

(53) Дѣл. Крым. въ столб. 1623 года, № 7, смотр. Стат. список. послан. Дашкова и Волкова.

товность свою къ вѣчной дружбѣ, требовалъ „казны въ помин-
 кахъ“ и потомъ упрекая, что Донскіе казаки дѣлають — лю-
 дяма Султана и людяма его „юрта великое дурно и убыт-
 ки“ наставлялъ, что бы Михаилъ непременно велѣлъ унять
 казаковъ отъ наѣздовъ и съ Азовцами жить мирно (54). Тоже
 писали тогда и Мурзы и „ближніе Хановы люди“. Послѣ
 того Магметъ-Гирей лично говорилъ находившимся въ Крыму
 Россійскимъ посламъ Дашкову и Волкову — что если Царь не
 велитъ унять Донцовъ, то онъ самъ пойдетъ войною на Мос-
 ковское Государство и на казаковъ и ихъ смирить.

Въ такихъ обстоятельствахъ, и по полученіи свѣденій о
 задержаніи посольствъ въ Азовъ чрезъ размиръ съ казаками,
 Царь послалъ на Донъ грамоту (отъ 7 октября 1623 г.) съ
 толмачемъ Зябровымъ, (которую получили казаки уже по отъ-
 ѣздѣ посольствъ съ Дона). — Въ ней изложенъ былъ выговоръ
 и угроза казакамъ: „всѣмъ извѣстно, что при прежнихъ Госу-
 даряхъ службы ваши были многія „низовыя и польскія и въ
 нѣмецкія города ходили“ и инныя многія службы, а жало-
 ванья вамъ никогда не было такого какъ при насъ“. При Царѣ
 Борисѣ со всѣмъ жалованье никакого не дѣлалось и утѣ-
 шеніе вамъ было великое и въ украинные города приходить
 не дозволялось. Мы же посылая Вамъ во всѣ годы деньги,
 занасы кормовые и боевые, хотимъ сдѣлать надежными въ на-
 шей милости; атамановъ, пріѣзжающихъ къ намъ съ челобит-
 ными о нуждахъ вашихъ, жалуемъ — даемъ видѣти наши
 Царскія очи на пріѣздѣ и на отпускѣ, по указу нашему, они
 получаютъ кормъ, вино, медь, пиво, деньги, сукна, камни,
 тафты. — Когда посланники наши Кондыревъ и Бормасовъ ѣха-
 ли къ Султану, тогда писали вы, что по нашему указу, будете
 съ Азовцами въ мирѣ, — и на море не пойдете, тоже писали
 когда посланъ былъ къ вамъ и князь Вѣлосельскій, а посту-
 пали на противъ. Почему Крымскій Ханъ Магметъ-Гирей и

(54) Крым. Дѣл. въ столбц. 1623 г., № 5 смотр. грам. Хана привезен. въ
 Москву голицомъ Магмудомъ.

посланники наши изъ украинскихъ городовъ воеводы извѣщали насъ, что вы и нынѣшняго лѣта ходили на море и не одинъ разъ воевали земли Турецкаго Султана и Хана Крымскаго; чрезъ что посланникамъ нашимъ Кондыреву и Бормасову, на возвратномъ пути изъ Царь-града въ Кафѣ, Керчи и въ улу-сахъ Нагайскихъ, была великая неволя и притѣсненіе до того, что едва не побили ихъ, а теперь въ Азовѣ держатъ подъ стражею. Все это принимаемъ мы съ великою *кручиною*. Почему вы Атаманы и казаки, забыли наше жалованье и сдѣлались не послушны? Пишите, что служите намъ, а дѣломъ дѣлаете противное и наводите ссору намъ съ Султаномъ и Ханомъ для своего *лакомства*. Хотя-бъ Запорожскихъ Черкасъ устыдился!—вы знаете сами, какъ они служатъ Королю многими людьми: гдѣ только велить имъ быть, тамъ они кровь и головы свои нещадятъ. Чѣмъ же вамъ похвалится предъ людьми иныхъ Государствъ? Сами вы можете знать, что намъ возможно смирать васъ за ваши неправды, да не хотимъ оскорбить ожидая отъ васъ *обращенья*. Какъ къ вамъ эта, наша, грамота придетъ, то вы, Атаманы и казаки непременно помнитесь тотчасъ съ Азовомъ и нашихъ посланниковъ и Султанскихъ примите честно и проводите до Воронежа; если же водной путь запоздаетъ, то дайте посольствамъ лошадей и кормъ и проводите степью до Волуекъ. А мы, васъ, за то пожалуемъ, вины ваши поброемъ нашимъ милосердіемъ, всѣ убытки велимъ заплатить изъ нашей казны и будемъ жаловать по прежнему. А будетъ тотчасъ съ Азовомъ не помнитесь, то знайте, что мы не послушанія больше терѣть не будемъ; для васъ съ Султаномъ и Ханомъ въ недружбѣ быть не хотимъ: впередъ къ вамъ изъ украинскихъ городовъ съ запасами и ни съ чѣмъ ѣздить не велимъ; а кто къ вамъ поѣдитъ, тѣхъ велимъ казнить смертію. Кто же изъ вашихъ казаковъ будетъ выходить въ городъ, тѣхъ велимъ брать и сажать въ тюрьмы—и то вамъ произойдетъ самымъ отъ себя, а не отъ насъ. Если только не будетъ къ вамъ нашей Царской милости и помощи и вамъ ку-

да дѣться и отъ нашей руки избыть? Въ то время какъ Зябровъ вѣхалъ съ этою грамотою, на Донъ, Атаманъ Горожанкинъ скакалъ въ Москву съ отпискою войска, о которой сказано нами выше, что посланники приняты. Довольный этимъ донесеніемъ, Государь немедленно повелѣлъ отправить на другой день по приѣздѣ Горожанкина (13-е октября) грамоту на Донъ, въ которой сказано, что вы Атаманы и казаки, съ Азовомъ замирились и пословъ встрѣтили и приняли честно по прежнему, то сдѣлали *добро*, служба и радѣя намъ и служба ваша намъ извѣстна. Далѣе повторилось повелѣніе о ускореніи отправленія пословъ (55).

Донцы еще до мира съ Азовцами, доведя ихъ подь осень до большого разоренія отбитіемъ до 1000 лошадей и почти всѣхъ скотскихъ стадъ (56), сидѣли противъ нихъ смирно, сохраняя свой договоръ. Но Азовцы, въ соединеніи съ Нагайцами подь начальствомъ турчанина Бей-Ассана, въ числѣ 620 человекъ необъявивъ о разрывѣ мира, прокрались къ казачьему городку Маньчи и напали на него въ день св. Николая; 6 декабря тутъ завязался жаркій бой. Казаки стояли дружно, отбили враговъ отъ городка, положивъ многихъ на мѣстѣ и потомъ гнались за ними по камышамъ до рѣки Аксая и всѣхъ разсѣяли (57).

За размирьемъ, вся зима прошла въ мелкихъ схваткахъ Донцовъ съ Азовцами. Но лишь только стала проявляться весна, то, за три съ половиною недѣли до пасхи, Донцы (большею частью молодые) въ соединеніи съ давно живущими здѣсь Запорожцами, всего до 1500 человекъ, на 55 стругахъ пустились изъ Монастырскаго городка въ походъ на море. По обычаю, на пути избрали они Атаманомъ Флотиліи Черкашенина

(55) Дѣл. Турец. въ столбц. 1623 г. № 2, смотр. Царск. грам. на Донъ отъ 13 октября 1623 г.

(56) Дѣл. Крымск. въ ст. 1623 г. № 7, смотр. ст. списокъ посл. Дашкова и Волкова.

(57) Дѣл. Крымск. въ столбц. 1624 г. № 2 смотр. отп. (съ волеуекъ) околичнаго Измайлова и Дька Степанова, получ. въ Москвѣ мая 8-го 1624 года.

Демьяна. Прошля Кафу не далеко отъ этого города, высадились казаки на берегъ, и между горъ, украдкой, пробрались до города *Старого Крыма* (Эски-Крыма, Солгота). Въ это время, какъ видно по выраженію казаковъ, *Старый Крымъ* — *базарные торги* — былъ сдѣсь большой торговый сѣздъ (ярмарка), что особенно и заманило сюда ихъ. Нанавъ неожиданно на этотъ дряхлый остатокъ, нѣкогда великолѣннаго торжища царства Киичакскаго, какъ голодные вороны на сытный трупъ, казаки разграбили его, побили множество татаръ и немало ихъ забрали въ плѣнъ. Набѣгъ привелъ въ страхъ и ужасъ весь Крымъ, находившійся тогда въ безпокойномъ состояніи, о которомъ скажемъ ниже: онъ изумилъ даже самый Царьградъ болѣе нежели всѣ усилкіи Персидскаго Шаха, какъ замѣчаетъ Де-Сези, въ особенности тѣмъ, что казаки имѣютъ столько силъ, что могутъ такъ дерзко врываться въ глубь Крыма. Въспѣсъ Донцами участвовали въ набѣгъ и запорожцы, выплывшіе тою же весною въ море Дибиромъ, какъ видно изъ словъ Де-Сези, на 80-ти судахъ. — Разоривъ городъ и нагрузивъ струги богатою добычею Запорожцы поплыли къ Дибіру а Донцы къ своимъ юртамъ. На пути сильная буря разбила 12 струговъ Донскихъ; — но изъ остальныхъ воротилось (въ концѣ мая) только часть въ Монастырской городокъ, а прочіе отважнѣйшіе остались на море для продолженія набѣговъ.

Запорожцы много исполняли собою ежегодную гибель Донскихъ казаковъ. Весною 1624 года значительное число ихъ отдѣльными шайками, человекъ по 50-ти, по 100, по 500 и болѣе, на лошадяхъ и на судахъ, пришло въ нижніе юрты; отъ Дибіра перетягивались они, какъ и выше написано, степью на Донецъ въ постоянный свой притонъ къ Святымъ горамъ; тамъ дѣлали сами для себя лодки и на нихъ спускались по Донцу и Дону въ Монастырской городокъ, готовые къ морскимъ походамъ.

Во время этихъ междоусобій Крымцевъ, Россійское посольство къ Султану проходило чрезъ Кафу.

Оставшіесь на море Донцы и Запорожцы, послѣ долгаго плаванія, явились близъ Царьграда (въ іюль) на сто стругахъ, когда турки праздновали Ромазанъ Бейромъ. У большой деревни „Некорисъ“, принадлежащей къ башнямъ Черного моря и находившейся отъ столицы ближе, нежели загородные дома гдѣ иногда проводилъ время Султанъ, вышли казаки на берегъ, напали на эту деревню и разорили ее, сожгли и опустошили въ соседствѣ множество прелестныхъ домовъ по берегу пролива. Такъ, пробывъ болѣе шести часовъ на землѣ, удалились они не потерявъ ни одного человѣка. Турки, не имѣя готовыхъ въ портѣ галерръ, столь медленно вооружали суда, что казаки свободно нагрузили добычу и увезли ее.—Это смѣлое предпріятіе заслуживаетъ, какъ замѣчаетъ Де-Сези, высокой оцѣнки; что-бы привести его въ исполненіе, надобно имъ было рѣшиться сражаться съ 30-ю галерами, плававшими въ это время по Черному морю. Въ продолженіи суматохи, самъ Султанъ развѣзжалъ верхомъ на лошади по морскому берегу передъ Сералемъ,—приказывалъ наводить орудія и торопилъ отправленіе судовъ. Царьградъ былъ долго въ страхѣ; три галеры съ нѣсколькими фрегатами стояли долго въ устьяхъ пролива на случай возвращенія казаковъ (58).

Низверженіе хана Джанъ-Бекъ Гирей возрадило въ Крыму величайшее безпокойство, превратившееся въ междоусобіе;—отставленный Ханъ съ бывшимъ Калгою Дивлетъ Гиреемъ домагался престола, имѣя много приверженцевъ.—Боясь искателя, Магметъ Гирей, чрезъ посылку къ Козьевскимъ Нагайцамъ и въ Персію Калги и Иссанъ—Гирей, усилилъ себя частію Персидскихъ и Нагайскихъ всадниковъ.

Во время спора Хановъ произошло въ Турціи важное событіе, въ которомъ нашель себя покровительство Джанъ-Бекъ Гирей. Султанъ Мустафа I, въ другой разъ низведенъ въ темницу, а на мѣсто его взшелъ на тронъ Амурать IV. Разореніе города Старога Крыма казаками дало возможность добро-

(58) Дешети 21 іюля 1626 года и 18 августа 1624 года.

желателямъ и пособникамъ Джанъ Бекъ-Гирея дѣйствовать открыто въ пользу его предъ новымъ Султаномъ Крымскій Кади и Муфти прѣзжали въ Царьградъ съ просьбою отъ всѣхъ Крымцевъ, о перемѣнѣ Магметъ-Гирея прежнимъ Ханомъ относя къ безопасности Магмета успѣхъ казаковъ въ разореніи Стараго-Крыма „и показывая вообще что онъ „бразжничаетъ“ „а о Государствѣ нерадѣетъ“. Эта просьба и подозрѣніе, что Колга Иссанъ-Гирей искавъ пособія въ Персіи враждебной тогда съ Турціею подвинули Амурата рѣшить тяжбу въ пользу Джанъ Бекъ-Гирея котораго онъ и послалъ въ Крымъ Государствовать, а Магмета велѣлъ прислать къ себѣ въ Царьградъ.

Для исполненія этого повелѣнія и для обезопасенія береговъ Крыма отъ находничества казаковъ, отправленъ былъ Морской Паша съ нѣсколькими галерами, и двумя визирями Ибрагимомъ и Асаномъ, зятьями Султана.

Прибывъ въ Кафу (которую держалъ тогда въ Осадѣ Иссанъ-Гирей вынуждавшей жителей выдать ему Кади и Муфтия, ѣздившихъ въ Царьградъ съ жалобою) Морской Паша собралъ войско сколько можно было и вооружась 26-пушками распологалъ прогнать Иссанъ-Гирея. Но лишь только вышелъ въ полѣ какъ съ трехъ сторонъ окруженъ былъ столь внезапно, что если бы не ночь прекратила драку; мало турокъ ускользнуло бы изъ рукъ татаръ. Великій успѣхъ въ этомъ дѣлѣ со стороны татаръ относится къ казакамъ Донскимъ и Запорожцамъ, которые изъ любви къ дракамъ помогали Иссанъ Гирею высадысь подъ Кафою: они были лучшими стрѣлками. По сказаніямъ Русскихъ актовъ тутъ находилось ихъ не много; по словамъ Де-Сези, было до 2000 человекъ. Ночью, Турки рѣшились отступить къ городу. Татары перерѣзавъ имъ дорогу подъ самымъ городомъ побили болѣе 3000 человекъ и обонхъ Визирей а самаго Морскаго Пашу смертельно ранили, отняли всѣ пушки, 500 телѣгъ обоза и большое знамя Султана. Черезъ два часа, послѣ сраженія, Иссанъ Гирей возвратилъ это знамя раненому Пашѣ, который, кое-какъ добрался до галеръ и

ушелъ въ Варну вмѣстѣ съ искателемъ Ханства Джанъ Бекъ — Гиреемъ, въ весьма тяжкомъ положеніи. Эта побѣда оставила тронъ Крымскій за Мегметъ-Гиреемъ; Султанъ утверждалъ его по прежнему Царемъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ всю взятую артиллерію и отпраздился на войну противу Поляковъ. — Причину сраженія относили къ произволу самого Морского Паша, говоря что онъ взялъ на себя болѣе, нежели ему было приказано.

Еще въ мартѣ (1624 г.) послана на Донъ извѣстительная грамота объ отпращиваніи пословъ Ивана Бѣгичева и Андрея Ботвиньева къ Мустафѣ, съ которыми ѣхали обратно и Турецкіе послы Ахметъ Ага и Магметъ. Ихъ сопровождала бывшая въ то время въ Москвѣ Довская станица, атаманы Иванъ Васильевъ и Ѳедоръ Коневозовъ съ 80-ю казаками. Съ послами отправлено было на Донъ жалованье.

Въ грамотѣ, по прочемъ писано, чтобы казаки, ожидая пословъ, были все въ нижнихъ юртахъ, на море не ходили и съ Азовцами не задирались, — покуда посланники къ Султану сходятъ и назадъ въ Москву придутъ. Ее получили Донцы тогда, когда собраты ихъ плавали уже по морямъ.

Путевымъ наказомъ Бѣгичеву и Ботвиньеву главнѣйше вѣнялось въ обязанность:

а) Жалованье къ Донцамъ провести скрытно и тайно отъ Султанскихъ пословъ.

б) При врученіи его казакамъ объявить: что оно посылается имъ теперь „*свыше прежняго*“, что и впередъ казаки были бы на Государеву милость надежны, но отнюдь не разглаголяли бы ни слова о жалованье, дабы не сдѣлалось о немъ извѣстно Азовцамъ и посланники не подверглись чрезъ то задержанію и претѣсеніямъ.

в) Если же, сверхъ отчаянія, дѣло это не сохранится въ тайнѣ, то Азовцевъ увѣрить, что на Донъ привезено не много кормовыхъ запасовъ за то, что казаки принимали и провожали пословъ, что пороха и свинца не прислано, а выданы такіе за-

пасы въ украинныхъ городахъ только тѣмъ казакамъ, которые провожали пословъ для осторожности отъ нападенія запорожцевъ въ дорогѣ.

Въ случаѣ упрека Азовскаго Бѣя за набѣги казаковъ, сказать ему Азовцамъ извѣстно, что казаки живутъ „кочевнымъ обычаемъ, съ мѣста на мѣсто переходятъ и задоры дѣлаютъ самовольно“, что сами Азовцы, не смотря на то что горожане, а всякой годъ—лѣтомъ и зимою,—приходить на украинны русскіе, уводятъ въ плѣнъ людей.

Посольства прошли Донскіе юрты съ обычною почестію и въ іюль находились уже въ Азовѣ. Тутъ застало ихъ извѣстіе, что Мустафа, къ которому они ѣхали, не Султанъ, а вмѣсто его владѣеть Турціею Амурать IV. Огиравленіе пословъ изъ Азова, по мятежнымъ обстоятельствамъ Крыма, замедлилось; они приплыли въ Керчь уже въ концѣ лѣта (въ исходѣ августа) въ то время, когда Калга Иссанъ Гирей одержалъ побѣду надъ Турецкимъ Морскимъ Пашею и располагалъ всеми Крымскими путями, какъ хотѣлъ. Посольства—Русское и Турецкое были схвачены и приведены въ городъ Карасу—Базаръ (Мавронъ Кастровъ), бывший тогда достояніемъ Калги Султановъ, а въ послѣдствіи сдѣлавшійся Ханскою столицею. Здѣсь жадный и безчеловѣчный татаринъ Иссанъ Гирей, узнавъ въ Бѣгичевѣ, какъ говорить Де-Сези, того который былъ прежде въ Персіи и предпологая, что по обычаю съ нимъ находятся богатые подарки, дабы заграбить ихъ, сталъ укорять русскаго что онъ условливался съ Иссаномъ противъ Султана, и потомъ приказалъ отрѣзать ему голову. / Такъ скончался Бѣгичевъ,—благородная жертва за честь и пользу своего отечества,—а съ нимъ пали и другіе изъ его свиты отъ рукъ изуверовъ, поправшихъ безнаказанно права народныхъ и человѣческихъ. / Тутъ же побиты были и Турецкіе послы. Оставшіеся въ живыхъ Русскіе посольскія люди были распроданы татарами; а все имущество посольства заграблено. Даже въ Царьградѣ оскорбились этимъ злодѣйствомъ, какъ замѣчаетъ Де-Сези; но татары, отъ кото-

рыхъ требовали по договору 26 пушекъ и многіе вещи, взятыя съ боя, не слишкомъ тревожились Царьградскимъ неудовольствіемъ.

1625 годъ замѣчателенъ усиленіемъ наѣздовъ казацкихъ. Диванъ, видя, что миръ съ польшею посредствомъ котораго добивался онъ обузданія запорожцевъ, не могъ скоро установиться, предположилъ употребить съ весны этого года наибольшую часть галеръ для наблюденія, что бы казаки не сдѣлались обладателями Чернаго моря и не посѣщали окрестностей Царьградскихъ какъ въ прошломъ году (59). Такъ рассчитывали въ Царьградѣ; а на Дону въ Монастырскомъ и на Дивирѣ въ Свчи (на Хортицкомъ Островѣ), не обращая ни сколько вниманія на хитрость Турецкихъ Политиковъ, дожидали только весны—чтобъ понестись на легкихъ стругахъ по волнамъ морскимъ.—Съ самымъ первымъ проявленіемъ весеннихъ дней, 2030 человекъ Донцовъ поплыли изъ Монастырскаго въ Черное море. Они не проманили Крыма, напали на городъ *Козлевъ* (Кезлевъ Евпаторію), разорили близъ него деревни и забрали въ плѣнъ многихъ людей, сопровождая грабежъ ужасными жестокостями, какъ видно по словамъ татаръ (60).

Потомъ, Донцы соединясь на море съ запорожцами, условились съ ними воевать Транезонть. Плыя впереди Запорожцевъ они прежде и причалили къ берегу. Не дождавшись союзниковъ ринулись на приступъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе. Потомъ, четыре дня сряду, Донцы и запорожцы дрались тутъ жестоко съ Транезонцами, защищавшимись упорно и хотя взяли городъ и разграбили его, но не могли овладѣть внутренними укрѣпленіями или замкомъ и съ большою потерей принуждены были послѣ грабежа оставить приступъ. Запорожцы относили неудачу къ неспѣшности Донцовъ и съ негодованіемъ укоряли ихъ въ не сохраненіи условія. Закинула ссора, превратившаяся въ кровопролитное междоусобіе, въ кото-

(59) Де Сези смотри депешу 23 марта 1625 года.

(60) Дѣл. Крымскія въ столбц. 1625 г., № 8 смот. стат. свисок. послан. Скуратова и Писникова.

ромъ запорожцы убили „лучшаго Атамана у Донцовъ (61). Отплывъ отъ береговъ Анодоли, (анатоліи) казаки не ожиданно напали на нѣсколько Турецкихъ барокъ, вышедшихъ изъ Дуная для подкрѣвленія Султанскихъ галеръ, крейсировавшихъ по морю и забрали ихъ; тутъ отняли нѣсколько плѣнныхъ литовцевъ (62). Но радость ихъ была кратковременна. Они встрѣтились съ Морскимъ Пашею, управлявшимъ 40 галерами и были разбиты (63).

✓ Азовцы не упустили случая въредить Донцамъ. Когда поплыли казаки въ море, они, развѣдавъ какіе городки въ Нижнихъ юртахъ остались малолюдными, собрались въ значительномъ числѣ, раздѣлились на части и искусно прокрались въ тѣ юрты; почти въ одно время зажгли пять городковъ и испепелили ихъ. Потомъ сами безъ вреда ушли отъ казаковъ. Городки: *Нижній*, стоявшій противъ урочища, *Кобяковой* (*казны*) и *Манычской* были уничтожены; а какіе прочіе три неизвестно (64). ✓

Дѣятельный Атаманъ Епифанъ Родиловъ озаботился возобновленіемъ сожженныхъ городковъ на прежнихъ мѣстахъ и, въ ожиданіи Морскаго войска, придумывалъ какъ отмстить Азовцамъ за обиду. Когда вернулись казаки съ моря, тогда глубокая и смѣлая мысль Родилова—разорить Азовъ, сдѣлалась общою мыслию Войска. Кругъ рѣшилъ: не отлагая итти на приступъ потому, что Азовъ, отъ бывшаго въ немъ издавна „*Мороваго повѣтрія*“, весьма ослабленъ людьми. Состояніе этого города дѣйствительно было въ то время не сильное, такъ что

(61) Дѣл. Донскія въ столбц. 1625 г., смотр. распр. рѣчи въ Москвѣ Атамана, Алексія *Старова* 9 октября 1625 г., Дѣл. Крымск. въ столбц. 1625 г., № 11, Смот. вѣстовой списокъ послан. Осина *Прончишева* и *Болдырева*. Де-Сези Денеша 5 іюля 1625 г.

(62) Дѣл. Крымск. въ столбц. 1625 г. № 4, смотр. отписку, съ Волуйки послан. Волконскаго и Агѣева.

(63) Де-Сези смотр. депешу 13 іюля 1625 года.

(64) Дѣл. Донскія въ столбц. 1625 г. распр. рѣчи Атам. Старова и Дѣл. Крымск. въ столбц. смотр. распр. рѣчи на Волуйк. жильца Павлова Толстого и Ковдрашки Сулина.

Азовцы, не полагаясь на свои стѣны и башни, страшились большаго сбора казаковъ въ Нижнихъ юртахъ и послали нарочныхъ къ Крымскому Хану съ просьбою о помощи (65). Около 5500 Донцовъ, подъ начальствомъ Атамана Родилова, пришло къ Азову. Два раза ходили они на приступъ. Не смотря на убійственный отпоръ, казаки во второмъ приступѣ овладѣли одною угловою башнею и многіе изъ нихъ взшли уже на стѣну, но въ пылу драки башня обвалилась и разстроила осаждающихъ. Турки ободрились, усилили отпоръ и ранили тутъ Атамана Родилова. Казаки оставили приступъ.

Не совершивъ чего хотѣли надъ Азовомъ, Донцы обратились къ Каланчинской сторожевой башнѣ, препятствовавшей струговому выходу ихъ въ море. (Башня эта построена въ 1618 году, о чемъ говорили мы въ предшествовавшей главѣ). Ночью пришли они сюда. Рано по утру начали приступъ и скоро овладѣли башнею. Умертвили всѣхъ защищавшихся въ ней турокъ. Ваяли тутъ 9-ть пушекъ способныхъ и нѣсколько испорченныхъ и три боченка пороху. Потомъ всю башню разрушили до основанія и камни помѣтали въ воду. „Такимъ дѣломъ, какъ доносили казаки, — „они ходъ себѣ на море „опростали“. Испорченныя мѣдныя пушки, вѣсомъ 117 пудовъ, расослали „по убоимъ Монастырямъ“, въ Воронежъ въ Шацкъ въ Лебедянь и къ Святымъ горамъ на колокола (66).

Не удовольствуясь мщеніемъ туркамъ на Дону, казаки рѣшились нанести бѣду имъ и въ заморскихъ владѣніяхъ. Не смотря на наступавшую осень 1300 отважныхъ сѣло на 27 струговъ и пустилось изъ Монастырскаго въ море (67). Не одинъ Родилонъ, но и Запорожскій Гетманъ Дорошенко, еще

(65) Дѣл. Крым. въ столбц. 1625 г., № 11 смотр. вѣстов. списокъ послан. Прончищева и Болдырева.

(66) Дѣл. Донск. въ столбц. 1625 г., смотр. распр. рѣчи атаман. Старова 9 октября 1625 г., Дѣл. Крымск. въ столб. 1625 г. № 5 Смотр. распр. рѣчи на Волуйкѣ Паньки Толстого и Ковдрашки Сулина.

(67) Дѣл. Донск. въ столбц. 1625 г., смотр. распр. рѣчи Старова 9 окт. 1625 г., и дѣл. Нагайск. 1626 г., № 2 отписк. воевод. Головин. и Зубова 15 января.

дѣдъ славнаго Петра Дорошенко, въ это же время выпустилъ изъ Хортиць по Днѣпру своихъ удалцовъ на 300 лодкахъ, до 10,000 человекъ; въ Черномъ море Донцы и Запорожцы соединились. Было ли предворительное соглашеніе у нихъ на этотъ выходъ или сошлись они случайно изъ актовъ не видно. На море казаки составили общій совѣтъ и положили: направится къ Анодолійскимъ берегамъ и бить сначала на Трапезонтъ, а потомъ на другіе побережные города. Приплывъ къ Трапезонту не медленно пошли они на приступъ, взяли его и, ограбя, отправились отсюда моремъ къ Самсуну. Взяли этотъ городъ и потомъ приплыли къ Синону. Овладевъ и Синономъ казаки раскинулись было по другимъ береговымъ селеніямъ, но розогнанные жители Самсунскіе и Синопскіе извѣстили о находничествѣ казаковъ и своемъ разореніи Илезъ Пашу, шедшаго съ арміею въ 100 тыс. человекъ освобождать Г. Вогдадъ, которымъ овладѣлъ въ то время Персидскій Шахъ. Армія находилась тогда въ городкахъ Токатъ и Сивасъ. Паша немедленно отрядилъ значительную часть войска къ мѣстамъ занятымъ казаками. Они, прослышавъ о движеніи турокъ, бросили берегъ и съ богатою добычею поплыли въ море (68).

Среди моря наплыли казаки на 50 турецкихъ галеръ, крейсировавшихъ отъ сѣвернаго берега, подъ начальствомъ Морскаго Пани. Немедленно завязался жестокой бой. Рѣшительные и отважные казаки напали храбро на турокъ; они взошли было уже на Султанскую галеру, обрѣзали на ней веревки отняли руль и привели Пашу въ отчаянное положеніе, но къ счастью его, въ это мгновеніе поднялся чрезвычайно сильный сѣверный вѣтеръ, угрожавшій казакамъ потопленіемъ всѣхъ ихъ струговъ. Они посѣпили прекратить битву, удалится отъ турокъ и спастись себя отъ бури. Въ этомъ бою отъ турокъ и бури погибло до 500 Донцовъ и до 800 Запорожцевъ;—Турокъ же побили

---

(68) Дѣл. Нагайск. 1626 г., № 1 смотр. отписку Астраханскихъ воеводъ Головина и Зубова смотр. и другихъ отписк. тѣхъ же воеводъ о расприсныхъ рѣчахъ плѣнника. Сапожковскаго казака Алексѣя *Васильева*.

казаки до 300 человекъ. Не смотря на несчастливую случайность они имѣли славу заставить Пашу обратиться въ бѣгство, когда къ вечеру вѣтеръ немного поутихъ (69).

Послѣ этого Донцы и Запорожцы доплыли до своихъ городковъ спокойно.—Къ Донцамъ на зимовку пришло съ моря до 500 Запорожцевъ (70).

Тогда какъ одни изъ Донцовъ плавали по морьямъ, другіе, непрерывно дѣлали стѣнные набѣги на враговъ ближнихъ и дальнихъ. Войдя въ дружбу съ Астраханскими (юртовскими) Нагайцами, казаки, въ теченіи лѣта 1625 года, не одинъ разъ воевали Улусы Большого Нагая и Улусы Козьевскіе. Это весьма оскорбляло честолюбиваго и Вуйнаго Калгу Иссанъ-Гирея, потому, въ особенности, что Козьевскій улусъ былъ его кровнымъ гнѣздомъ; тамъ отецъ его и самъ онъ родились (71). Ободренный побѣдою надъ Турецкимъ Пашею, Калга сталъ мечтать высоко: намѣревался завоевать Казань и Астрахань „*похвалялся*“ этою мыслию передъ Козьевцами (72). Донцы, зная про—свѣсь и злобу его, чтобъ показать, что надъ свѣсью смѣются, а злобы не боятся, мало, что напали на Козьевцевъ, но не одинъ разъ вмѣстѣ съ Астраханскими татарами ходили глухими стѣнями подъ Крымскіе улусы и наносили имъ большой вредъ; особенно замѣчательнъ набѣдъ ихъ осенью этаго года. /150 человекъ Донцовъ вмѣстѣ съ 50-ю татарами пробрались подъ Перекопъ, къ стѣнямъ „*конскихъ атаръ*“ и тамъ цѣлый мѣсяцъ скрытно выжидали случая къ набѣгу. Наконецъ подстерегли какого-то Крымскаго Князя, выѣхавшаго гулять съ немногими людьми, схватили его и заставили подвести ихъ подъ конные гулевыя табуны. Побивъ табунщиковъ, казаки угнали на Донъ 3,000 лошадей и роздали ихъ по городкамъ

(69) Де-Сези смотр. депешу 5-го октября 1625 г., и Дѣл. Нагайск. 1626 года, № 1 смотр. отписк. Астраханскихъ воеводъ Головина и Зубова.

(70) Тѣхъ же дѣлъ и ту же отписку.

(71) Дѣл. Крымск. въ столбц. 1625 г., № 8, смотр. стат. спис. послан. Скуратова и Песникова.

(72) Тѣхъ же дѣлъ изъ номера 4, смотр. доставлен. послан. Волконск. и Агѣевымъ расир. рѣчи татарскаго *Козоя*.

своимъ (73). Такіе набѣги не могли не оскорблять Крымцевъ потому, что лошади были важнымъ достояніемъ ихъ какъ степныхъ наѣзтниковъ и хищниковъ. Ханъ и Калга жаловались объ этомъ Царю грамотами чрезъ нарочно посланныхъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы лошади были розысканы и возвращены (74). Царь предоставлялъ Крымцамъ розыскивать лошадей своихъ у Астраханскихъ татаръ, но о Довцахъ вѣрно было Астраханскимъ воеводамъ говорить Крымскимъ сыщикамъ, «что про казаковъ они ни чего не знаютъ; Довць отъ Астрахани далеко и слышать имъ о лошадяхъ не случилось; что на Дону живутъ бѣглецы люди вольные и имъ воеводамъ за нихъ *иматься не умѣть*» (75).

Повтореніе лошадиныхъ отгоновъ до того озлобило Хана, что онъ даже, изъ похода своего въ Польшу, прислалъ къ Ибрагиму Пашѣ приказаніе отобрать лошадей и прислать къ нему у прѣхавшихъ тогда изъ Москвы въ Крымъ Русскихъ посланниковъ Скуратова и Постникова, а ихъ самихъ, вмѣстѣ съ привезенною *казною въ поминкахъ*, отвѣсть въ жидовскій городокъ Калгу (Чуфутъ-Коле), Кыркоръ предмѣстіе Багчисарая, и тамъ задержать до указа. Ибрагимъ исполнилъ повелѣніе.

(73) Дтл. Вагайск. 1626 г., № 1 смотр. отп. Астрахан. воеводъ Головина и Зубова.

(74) Дтл. Крымск. въ столбц. 1626 г., № 2 смотр. рѣши прѣхав. въ Москву съ Толмачемъ Мисофдовымъ бывшихъ послан. Скуратова и Постников. гонца Алѣева 9 марта 1626 г.

(75) Тѣхъ же дѣлъ 1626 г., смотр. грам. изъ посол. прик. Астрахан. воеводамъ Головину и Зубову.

Сочиненія В. М. Пудавова:

1. „Исторія Войска Донского и старобытность началъ казачества“.
2. Историческая записка „взглядъ на основныя начала Донского края“.
3. Записка „взглядъ на Исторію человѣчества“.
4. Разказы и письма изъ стариннаго казачьяго быта.
5. Сочин. издателя „Казакоманъ“.

Главный складъ изданія въ Новочеркасскѣ, Средній переулокъ, домъ № 16-й, у издателя.